

Mediálnosť v habite kontemplujúca

Lingvistická analýza individuálneho štýlu kazateľa brata Filipa

Martina Bodnárová

Inštitút slovakistiky a mediálnych štúdií, Filozofická fakulta, Prešovská univerzita v Prešove
tina.bodnarova@gmail.com

Kľúčové slová: individuálny štýl, videoblog, kazateľ, kazateľský štýl, kazateľský komunikačný register, deixa

Key words: individual style, video blog, preacher, preacher's style, preachers' communicative register, deixis

1 Úvod

Pojem *individuálny štýl* sa v slovenskom lingvistickom kontexte spája (aj) so štylistickou koncepciou D. Slančovej (2007). Ide o abstrakciu vzhľadom na individualitu tvorca textu. Túto individualitu možno chápať jednotlivo individuálne (*individuálny personálny štýl*) alebo skupinovo individuálne (*individuálny skupinový štýl*). Individuálny personálny štýl sa definuje ako „zovšeobecnené individuálne štýlové znaky podmienené takou konfiguráciou/konfiguráciami štýlém, ktoré sú príznačné pre jazykové prejavy jedného tvorca textu. Tie konfigurácie, ktoré majú tendenciu opakovať sa v textoch jedného autora, nazývame štýlové konštanty“ (ibid., s. 121–122). Individuálny skupinový štýl je abstrakciou „smerom k skupinovému tvorcovi textu a jeho identite“, no dalo by sa povedať i tak, že je súčtom či prienikom individuálnych personálnych štýlov jednotlivých členov určitej skupiny.

Oba pojmy sa dosiaľ uplatnili v štúdiách orientovaných na masmediálnu komunikáciu, napr. v štúdiách J. Veľasovej *Individuálny štýl Martina Pyca Rauscha* (2012), *Analýza individuálneho štýlu moderátora Viliama Rozborila* (2013), *Individuálny štýl Adely Banášovej* (2015) či v príspevku J. Kičura Sokolovej *Individuálny štýl Veroniky Šikulovej v publicistickej tvorbe* (2017). Takisto niektoré záverečné práce študentov slovenského jazyka a masmediálnej komunikácie sa venujú téme individuálneho štýlu, a to prevažne rôznych slovenských moderátorov či redaktorov; iba ojedinele sa objavuje napr. výskum individuálneho štýlu komunikátov Slovákov žijúcich v Nadlaku (Iaczkulak, 2013) alebo blogerských príspevkov (Gondeková, 2016).

Táto štúdia vychádza z presvedčenia, že individuálny štýl má zmysel skúmať nielen v prípade významných osobností, autorov alebo literárnych zoskupení, ale i v prípade osôb verejne nie až natoľko propagovaných a prislúchajúcich k neprofánnym komunikačným sféram, pretože ich prejavy a monologické či dialogické výpovede sa vyznačujú javmi pre lingvistu veľmi prítlačivými. K takýmto osobám patria aj mnohí súčasní kazatelia a evanjelizátori. Nazdáваме sa, že výskum ich individuálneho personálneho štýlu nemusí byť samoučelný, ale že prostredníctvom neho možno dospieť k precizovaniu fenoménu kazateľského štýlu (ako individuálneho skupinového štýlu), resp. kazateľského komunikačného registra¹ a napokon aj k dôkladnejšej charakteristike homílie ako osobitného žánru náboženskej komunikácie, ktorý je doteraz z pohľadu slovenskej lingvistiky najkomplexnejšie spracovaný v monografii K. Bielekovej *Homília ako žáner a text* (2016).

¹ K pojmu *komunikačný register* pozri Slančová, 1999; Slančová – Zajacová, 2007; Slančová – Slančová, 2014.

2 Predmet a metodológia výskumu

Filip Andrej Čierny patrí k hojnejšie medializovaným kňazským a rehoľným osobnostiam na Slovensku. Jeho meno sa spája najmä so špecifickým pútnickým miestom, Galambou, kde sa významne pričinil o vznik kaplnky a pustovne. Počas pôsobenia v Prešove začal s natáčaním videoblogov, dostupných na stránke www.youtube.com. Práve tieto blogerské príspevky sa stali aj naším kľúčovým výskumným materiálom pri zisťovaní osobitostí individuálneho personálneho štýlu exponovaného rehoľníka a súčasne rímskokatolíckeho kňaza. Podobne ako u iných kazateľov, i tu sa za prvoplánovými fónickými špecifikami (pomerné pomalé tempo, veľa páуз a hezitácií, niektoré výslovnostné osobitosti (*ešče, niegdo, ludia*), odhaľujúce kazateľovu západoslovenskú provenienciu) ukrývajú štýlové konštanty, ktoré sa na nasledujúcich stranách pokúsime pertraktovať podrobnejšie.

Materiálovou bázou výskumu exponovaného kazateľa sú videonahrávky a transkripty² desiatich videoblogov³, prezentovaných na stránke Youtube.com.

Naším základným metodologickým postupom je klasická lingvistická analýza so zameraním na rovinu syntaktickú a lexikálnu a tiež komunikačno-pragmatický prístup s akcentovaním aspektov personálnej a sociálnej deixy⁴. Pri výskume slovníka a textovej frekvencie slov a slovných druhov sme siahli po kvantitatívnej metóde percentuálnych výpočtov.

3 Kazateľské prejavy brata Filipa – od homílie k videoblogu

Prezentovať sa žánrovou formou (video)blogu nepatrí k bežným praktikám slovenských kazateľov. U brata Filipa táto aktivita ide ruka v ruku s jeho dlhodobým a intenzívnym záujmom o médiá a o mediálne, teda značne profánne, zvlášť politické, témy. Vo svojich videoblogoch vnáša do týchto tém náboženské, sakrálné či duchovné aspekty. Predznačujú to už niektoré charakteristiky komunikačnej situácie – habit expedienta a interiér františkánskeho kláštora, kde dominujú hnedé farby a prevažne prázdne priestory, alebo exteriér kláštornej záhrady s naturálnymi múrmi.

² V transkriptoch sme použili štandardné pravopisné princípy, fonetickú transkripciu iba ojedinele, napr. v prípade osobitne vyslovených cudzích, prevzatých či nárečových slov alebo v prípade osobitne výrazných výslovnostných javov pri domácich slovách (*vlashe, gdo, nekce*). Na označenie intonačného priebehu výpovede alebo jej časti sme použili značky ↑ pre antikadenciu, ↓ pre konkluzívnu kadenciu a → pre semikadenciu. Posun do inej intonačnej línie, najmä pri citovaných a reprodukovanych pasážach, naznačujeme podčiarknutím. Krátku pauzu označujeme /, dlhú //, hezitálny zvuk @, dôraz veľkými písmenami, emfázu a predĺženie hlások dvojbodkou, nedopovedanie slova Výrazne zvolací ráz výpovedí označujeme !, ktorý umiestňujeme na koniec zvolacej výpovede. Do zátvoriek () umiestňujeme hlásky a slová, ktoré sú málo zrozumiteľné a len potenciálne dešifrovateľné. Úplne nezrozumiteľné pasáže označujeme ----. Parajazykové prostriedky či iné nonverbálne prejavy kazateľa uvádzame v zátvorkách < >. Pri slabikovanej výslovnosti niektorých slov používame spojovník (napr. *MI-lo-sr-den-stvo*).

³ Zoznam týchto videoblogov uvádzame v závere príspevku ako Zdroje.

⁴ *Personálnu deixu* chápeme v tom zmysle ako M. Hirschová (2006), teda že vzťahuje výpoveď k účastníkom komunikácie a tiež odlišuje účastníkov a ne-účastníkov komunikácie. V súvislosti s personálnou deixou autorka uvádza ešte *sociálnu deixu*, ktorá znamená referovanie k osobám špecificky podmienené sociálnymi rolami komunikantov, v užšom zmysle referovanie modifikované pravidlami rečovej etikety. Oba typy deixy sa môžu realizovať oslovením alebo referenciou, ktorá môže byť nominálna aj verbálna (porov. Slančová – Slančová, 2010, 2014).

Videoblog (skrátene vlog) je jedným z druhov či typov blogu z hľadiska obsahu (porov. Šemberová, 2009; Haberová, 2016). V prípade videoblogov ide zvyčajne o zbierku videí nahraných jedným užívateľom a prezentovaných najčastejšie cez kanál Youtube. Je to forma blogu, ktorej médiom je video. Zámerom expedienta aj pri tomto type ostáva s niečím sa podeliť. Na rozdiel od videoblogov, ktoré skúmala V. Haberová (2016), u brata Filipa pozorujeme pomerne ucelenú kompozíciu, hoci sa nevyhýba improvizácii, čo je markantné najmä v nefunkčnom opakovaní výrazov. Dalo by sa povedať, že videoblogy brata Filipa sú čiastočne vopred pripravené a ich kompozícia je premyslená, čiastočne sú však doplnené improvizáciou. Z hľadiska účelu sú tieto videoblogy verejné.

Vo všeobecnosti typológia blogov nie je jednoznačná a rôzni autori ponúkajú rôzne návrhy typológií, väčšinou sa však zmieňujú o tzv. fashion blogoch, o cestovateľských blogoch, beauty blogoch, o food blogoch, o blogoch o životnom štýle a pod. (porov. napr. Haberová, 2016). Súhrnne sa tieto blogy nazývajú tematické.

Charakterizovať blogy brata Filipa typologicky nie je jednoduché i preto, že nejde o číro profánne blogy, resp. možno povedať i tak, že blog je žánrová forma príznačná pre profánne, nie sakrálné komunikáty. U M. Virika (2011) sme sa však stretli s rozdelením blogov, ktoré by sa dalo vzťahovať i na náš materiál. Tento autor pracovne diferencuje blogy podľa toho, či uplatňujú úvahový alebo rozprávací štýl a emocionálny alebo racionálny štýl. Prirodzene, počíta aj s ich vzájomným miešaním a krížením, na základe čoho potom uvažuje o štyroch druhoch blogov: a) krátke reakcie na spoločenské udalosti (prelínanie úvahovosti a emocionálnosti); b) krátke reakcie na zážitky dňa (prelínanie emocionálnosti a naratívosti); c) dlhšie príbehy z dovolení, školy, detstva... (prelínanie naratívosti a racionálnosti); d) komentáre, úvahy, ucelené myšlienky (kombinácia úvahovosti a racionálnosti). Z tohto aspektu sme u brata Filipa identifikovali tri druhy blogov:

- krátke reakcie na spoločenské udalosti (napr. *Nevysmievajte sa z Alaha*);
- komentáre, úvahy, ucelené myšlienky (napr. *Prach si a na prach sa obrátiš; Byť je viac ako mať*);
- krátke reakcie na zážitky dňa (napr. *Stáť na strane pravdy*).

S prihliadnutím na tematický aspekt by sa v našom prípade dalo hovoriť o blogoch zaoberajúcich sa politickou (napr. *Čo spája bublifuk, Gorilu a dokumenty z Panamy, Stáť na strane pravdy*), náboženskou (napr. *Prach si a na prach sa obrátiš, Prečo ísť na spoved'*) alebo širšou spoločenskou témou (napr. *Nevysmievajte sa z Alaha, O poučení z nešťastia*).

Okrem blogu je ďalšou vyjadrovacou žánrovou formou brata Filipa homília obmedzená v zásade na priestor liturgie. Na internete sú okrem toho zaznamenané niektoré príležitostné vystúpenia tohto rehoľníka, ktoré majú rétoricko-náučný charakter (napr. monologické prednáškové vystúpenie v Konkatedrále sv. Mikuláša v Prešove⁵ alebo prednáška v rámci Festivalu za jazerom⁶, príp. jeho diskusné príspevky v rámci diskusií opäť v prešovskej konkatedrále⁷). Medializácia brata Filipa sa završuje v jeho rétorických vystúpeniach v dialógu so Štefanom Hríbom v rámci relácie Večer pod lampou⁸.

4 Deiktické aspekty v prejavoch brata Filipa

Žánrová forma videoblogu vplýva aj na používanie prostriedkov personálnej a sociálnej deixy v komunikátoch daného kazateľa.

⁵ <<https://www.youtube.com/watch?v=zP88HDYOPqk>>

⁶ <https://www.youtube.com/watch?v=pU5mWnqdx_s&t=20s>

⁷ Napr. <<https://www.youtube.com/watch?v=xunmbcreDwg>>,

<<https://www.youtube.com/watch?v=zm-EyGujqdM>>

⁸ <https://www.youtube.com/watch?v=_Z5f4lSYs_0&t=16s>

1. osoba singuláru takmer konštantne reprezentuje autentického, reálneho expedienta, ktorý často v úvode a/alebo v závere, zriedkavejšie vnútri, blogu exponuje vlastnú produktívnu či, lepšie, kreatívnu činnosť, najmä mentálnu, príp. i fyzickú (písanie), ktorá je logicky spätá s mentálnou. Práve realizovaný prejav potom pôsobí ako výsledný produkt takejto činnosti. Napríklad:

- (1) *zo všetkého najprv chcem povedať že to čo teraz poviem som písal ešte deviateho januára↑ malo to ísť do stĺpčeka v týždni↑ ale: z technickosubjektívnych objektívnych príčin sa to tam nedostalo↑ @ tak to teraz v podstate: @ prerozprávam približne od slova do slova čo som tam písal↓*
- (2) *neviem ako vy: ale→ ja na: prelome rokov vždycky zvyknem Bilancovať↓ @ veci ktoré boli: ktoré sú→ osamote a v tichu zvyknem tak premýšľať nad→ plytkosťou hĺbky*
- (3) (...) *@ to je to čo mi teraz chodí po rozume v tomto→ predpôstnom čase↓*
- (4) (...) *a: vo mne vo mne z..znovu ožilo to veľmi pozoruhodné to o čom som premýšľal už pred desiatymi rokmi↑ vlasne že PREčo je to tak↓*
- (5) (...) *to sú také→ také myšlienky ktoré človeka napadajú na prelome rokov takže takže nech žije Silvester↓⁹*

Vo väčšine z nich sa expedient snaží o štylizáciu skromnosti, fragmentárnosti („veď to je len také, taká drobná myšlienka, krátka úvaha...“), čím súčasne ospravedlňuje prípadné nedostatky, ruptúry svojho prejavu, najmä štylizačné.

1. osoba plurálu sa vo videoblogoch brata Filipa nepoužíva často a ešte menej vo význame homiletického plurálu¹⁰. Niekedy ju možno interpretovať ako „exkluzívne my“ (porov. Hirschová, 2006), konkrétne, kazateľ sa tu začleňuje (najčastejšie) do kontextu svojej rehoľnej komunity (*toto sú naše spovedelnice↑ tato tu napravo je moja spovedelnica→ tu zvyknem dosť pravidelne: teda spovedávať→ – práve sme sa vrátili→ z pohrebu pána Suchodolinského – my tu máme drevo ale on mal uhlie↑*) alebo biologickej rodiny, resp. dedinskej komunity, z ktorej pochádza (*my sme dokonca mali suseda u nás v Krškanoch ktorý @ hovorieval taky akoby fatalizmus...*).

Pozoruhodná je druhá osoba singuláru. Väčšinou totiž nereferuje na virtuálneho (singulárneho) percipienta (diváka) v zmysle interpretácie M. Havlíka (2005), ale skôr len na bezprostredného reálneho percipienta, a teda kameramana, čo potvrdzuje aj posturika expedienta a občasné, skôr nonverbálne signály percipienta (smiech, záporný zvuk @@). Príklady: @: *neviem koľko ty máš takých ľudí v živote @ ktorí na teba pôsobia tak SILne vnútorne PRAVdivo tak vnútorne čisto že hocičo povedia ty im VŠETko veríš↓ – neviem či: poznáš ten vtip že... – @ vieš @ f kostole keď máme také spevy→ volá sa to že litánie ku všetkým svetým↑ – BF: podľa toho čo ona dokázala mali by ste hneď vedieť ako sa volá↓ / no ale pýtam sa ťa vieš ako sa volá↑ KAM: @@ BF: ne: vieš ako sa volá↓ tak dobre poviem ti. Kameraman do určitej miery pôsobí ako reprezentatívny percipient.*

V niektorých kontextoch je však interpretácia takejto druhej osoby problematická a nejednoznačná:

⁹ V príklade (5) dochádza v podstate k posunu z prvej osoby do tretej, ale nesie sa v podobných intenciách ako ostatné kontexty.

¹⁰ Homiletický plurál je rétorickým prostriedkom na začleňovanie sa kazateľa medzi virtuálnych percipientov v rámci kazateľského, resp. homiletického prejavu. Jazykovo sa to často manifestuje my-formami, 1. osobou plurálu a pod. Výstižnú charakteristiku homiletického plurálu podáva P. Łuczeńczyk: „...ma stwarząc poczucie bliskości i wspólnoty z wiernymi, gdyż w ten sposób kapłan głosi kazanie również do siebie samego, siebie obejmuje perswazją, chce zmieniać się razem z słuchaczami. Nadawca ukazuje siebie jako człowieka ułomnego, który popełnia błędy i wcale nie jest lepszy niż odbiorca – dlatego również potrzebna mu jest refleksja nad własnym postępowaniem, wewnętrzna przemiana.“ (2007, s. 83).

- (6) *ale je jedna vec ktorá nám to zabraňuje že ten celý kopec ako keby bol odspodu až po vrch takou špirálovitou niťou červenou omotaný hej↑ ako nejaká→ symbolická vízia bolesti↓ hej↑ že ako záchranná sieť bolesti↓ že ty by si aj CHCEL uletieť ako odtrhnutý pes ale tá sieť bolesti ti to zabraňuje↓ tam sa nejak akože tak HÝbať↓*
- (7) *je kolkokolvek rodín som stretol povedal som si→ toto by bola Ideálna rodina KEBY nie to tam zase vyskakovalo niečo veľmi ťažké niečo bolestné a veľmi zle riešiteľné↓ kebyže TOTO tak toto je prvá ideálna rodina ale veď práve o to ide že je to TAM↓ o to ide že to tam máš úplne prítomné↓*
- (8) *ja by som rád povedal tej redakcii že redakcia redakcia→ čárli // keď sa: systematicky→ vysmievaš z toho čo je niekomu sveté→ / a ten niegdo potom príde a Udrie ťa→ tak ty si v tom udretí nevinne↑ // keď @: nejak satiricky v rôznych obmenách hovoríš moslimom že že alah je chruňo↓ a a prosím ťa v mene slobody to príjmi a keď sa ti nepáči nemusíš nás čítať→ / (no) tak pozri ty by si bol člen @ tej redakcie čárli a vždy keď ťa stretnem poviem ti že tvoja statočná mama je flandra↓ a budem ti to stále nejak pripomínať→*

Pravdepodobne sa tu pohybuje medzi bezprostredným reálnym a vzdialeným virtuálnym percipientom, príp. v poslednom príklade možno ešte zvažovať referenciu na fiktívnu postavu z redakcie, implicitne a synekdochicky evokovanú v oslovení „redakcia redakcia“ a v následnej (pravdepodobne) nevlastnej priamej reči.

Prejavy brata Filipa sa vyznačujú z hľadiska deixy ešte jedným pozoruhodným aspektom. Zaznamenali sme v nich hypertrofiu demonstratív. Zvýšený výskyt ukazovacích zámenných výrazov v atributívnej pozícii je integrálnou súčasťou spontánnych hovorených dialogických prejavov, pričom sa tu zvlášť viaže na konsitučné a deskriptívne dialógy (porov. Bodnárová, 2018); ich prítomnosť v hovorených monologických komunikátoch už taká prirodzená nie je, ba vo vopred pripravených rétorických, a teda aj kazateľských prejavoch ju možno pokladať za nežiaducu. Frekvenčné výskumy ukázali, že vo všetkých jednotlivých prejavoch brata Filipa je jedným z najfrekventovanejších slov demonstratívum *ten* (spolu s rodovým variantom *tá*), resp. *to* (ich frekvenciu sme sledovali samostatne) a iné ukazovacie zámená, najčastejšie *taký*, *tam*, *tu*, *tento*, sa nachádzajú medzi prvými desiatimi najpočetnejšími lexémami daného komunikátu.¹¹ Takisto v rámci jednotlivých zámenných subsystémov dominovali demonstratíva, pričom medzi nimi a druhým najfrekventovanejším subsystémom, personáliami, bol vždy výrazný frekvenčný rozdiel (napr. 67 – 17, 95 – 56, 86 – 26, 103 – 45). U iných sledovaných kazateľov sme sa s takými výraznými rozdielmi nestretli a tiež demonstratíva u nich neobsadzovali prvé pozície v tabuľke najfrekventovanejších lexém. V zistených skutočnostiach vidíme ďalší spôsob, akým sa prejavuje v blogoch brata Filipa improvizácia. S tým, prirodzene, súvisí výrazný prienik hovorovosti do týchto (tiež) rétorických komunikátov. Časté používanie demonstratívnych atribútov pred výrazmi, ktoré nasledujú bezprostredne za sebou, pôsobí okrem deskriptívnosti i ako tendencia kazateľa akcentovať každý jednotlivý výraz. A napokon, vo viacerých prípadoch sa použitie demonstratívnych atribútov javí ako inferenčné odkazovanie –

¹¹ Porov. súbor desiatich najfrekventovanejších slov piatich vybraných videoblogov: videoblog 1: *ten* (22), *byť* (21), *to* (20), *v* (15), *že*, *ktorý* (11), *taký*, *a* (konjunkcia) (10), *a* (partikula) (9), *ty* (8), *človek* (7), *Európa*, *tam*, *tento* (6); videoblog 2: *že* (38), *ten* (37), *to*, *a* (konjunkcia) (31), *byť* (27), *on* (26), *na*, *v* (16), *ako* (konjunkcia) (14), *pravda* (12), *jeho* (11), *ja*, *z*, *ktorý*, *ale*, *a* (partikula) (9); videoblog 3: *to* (35), *byť* (32), *ten* (30), *že* (29), *ako* (konjunkcia) (20), *a* (konjunkcia) (14), *človek* (12), *mať* (11), *kopec*, *on*, *na*, *v*, *a* (partikula) (10), *tam*, *niečo*, *čo* (konjunkcia) (9); videoblog 4: *byť* (40), *to* (34), *ten*, *že* (30), *v* (23), *a* (konjunkcia) (22), *pokánie* (19), *ako* (konjunkcia) (16), *človek* (14), *ja*, *na*, *a* (partikula) (13), *tu* (12); videoblog 5: *že* (49), *byť* (35), *a* (konjunkcia) (34), *to* (31), *ten* (29), *on* (20), *človek*, *mať* (16), *v* (14), *tam*, *na* (13), *taký* (12).

expedient akoby odkazoval na situácie, kontexty, okolnosti, ktoré sú známe aj percipientom, a tieto známe skutočnosti im chce ukázať v inom svetle, z iného pohľadu. Na ilustráciu uvádzame niekoľko kontextov:

- (9) *každý má napísanú knihu života a KEdy je tam napísaná smrť vtedy to príde nech **ten** človek robí čokoľvek↓ hej keby tisíckrát **tých** štyridsaťdva vojakov nechcelo nastúpiť do **toho** lietadla aj TAK by našli smrť V TÚ noc pri **tej** obci Hejce↓ a keby **to** lietadlo padlo ja neviem aj do nejakého sárneho j..jazera horiaceho→ **ten** JEden **ten** Martin Farkaš to prežije↓ aj tak↓*
- (10) *pamätám si ako dneska↑ keby to bolo pred pár rokmi bol som na: predvianočných trhoch↓ @ v..vo Viedni. a od **toho** Štefandského↑ **tou** pešou zónou→ to bolo pár dní pred Vianocami tiahlo sa strašne veľa ľudí s **takými** rôznymi @: taškami od svetoznámych značiek kde sedeli všelijaké učupené veci s **takou** obavou či prežijú aspoň jednu sezónu v **tej** domácnosti alebo nie↑ / a: **tých** ľudí bolo až **tak** veľa že niektorým sa ani nedalo vyhnúť bez toho aby si sa ne..neobtel o **tú** i:ch firemnú TAšku↓ **taká** tlačienica celkom→↑ predvianočný ZHON↓ (no) a tak som trochu odbočil na **takej** bočnej ulici a tam na **takom** námestí pod **takým** veľkým adventným vencom↑ našiel som / @ **takú** skupinu nadšencov mladých ľudí ktorí pri jednej gitare spievali **také** veľmi upokojujúce vianočné koledy↓*

5 Intertextualita v prejavoch brata Filipa

I keď intertextualita je bežnou súčasťou homílií a duchovných prehovorov, u brata Filipa sme pozorovali, že všetky intertextuálne prvky mali spoločného menovateľa – viazali sa na umelecké texty prevažne lyrického charakteru. Išlo napr. o tieto pretexty: žalmy, mýtus o Sifyzovi, istá (neznáma) gospelová pieseň, istá neznáma báseň, báseň Jiřího Wolkeho Balada o očiach topičových. Brat Filip s danými pretextmi pracuje najčastejšie formou alúzií, citácií, i cudzojazyčných (*Antonín umírá→ a žárofka spívá↓ ženo má ženo má ňeplač*), či prerozprávania ich obsahu. Orientácia kazateľa na poetické texty preniká aj do jeho vlastnej lexikálnej zásoby, v jeho prejavoch sú markantné poetizmy, epitetá, metafory, prirovnania, ktoré sa podieľajú na konštituovaní figuratívnosti ako jednej z dominantných výrazových kvalít¹² jeho duchovných prehovorov: *to znelo pre moje uši ako hudba – ľudia (...) ktorí (...) pôsobia tak silne vnútorne pravdivo tak vnútorne čisto... – pravdy pravduce (...) pravdy ktoré idú o hlbokých súvislostiach človeka – ako sen prebúdzajúceho sa človeka – odtiaľ kde sa začali sytiť hladom a nemohli sa nasýtiť – je to ako blúznenie na kraji priepasti ako nejaký tanec smrti – zvyknem tak premýšľať nad plytkosťou hĺbky – ako nejaká symbolická vízia bolesti (...) ako záchranná sieť bolesti – rozbitie pýchy tých našich vln – ako keby bol medzi nami a Bohom obrovský pancier – plápolajúci oheň – skrze ťje posledne hodiny svojho bytia na zemi – aby som sa nadýchol do ďalších krokov môjho života – a žil som takú novú jar svojej mladšej jari.*

Ak si uvedené tendencie usúvzťažníme s paralingválnymi charakteristikami skúmaného kazateľa (nápadne pomalé tempo prejavu, množstvo páuz a hezitácií; dlhší pohľad mimo kamery, bokom, dohora, do diaľky alebo do zeme; privieranie očí; minimálny pohyb, prevažne alebo výlučne státie či sedenie na mieste), odvážime sa tvrdiť, že brat Filip je

¹² Pojem výrazová kategória označuje zovšeobecnenie a abstraktné pomenovanie toho, ako na nás výpoveď pôsobí. Vieme ju zistiť pri recepcii, a to na základe účinku, zväčša v podobe pocitu, dojmu, zážitku či naladenia, ktoré v nás výpoveď vyvoláva. Pri zisťovaní výrazových kategórií je teda východiskom vnímateľova vlastná skúsenosť, pričom prítomnosť výrazovej kategórie sa vo výpovedi objektívne prejavuje prostredníctvom tzv. štruktúrnych indikátorov. Ide o tematické, kompozičné, jazykové a iné mimoštylové prvky (Plesník, 2008, s. 15).

lyricko-filozofickým a kontemplujúcim typom kazateľa, jeho prejavy trochu pripomínajú verše básní, dôsledne v nich zvažuje každé slovo, premýšľa nad každým slovom, dáva priestor každému slovu, aby mohlo zaznieť a doznieť.

6 Lexikálne osobitosti prejavov brata Filipa

Popri nápadných lexikálnych prostriedkoch blízkych umeleckým textom sa prejavy brata Filipa vyznačujú jednak hovorovými lexémami a spojeniami, jednak publicizmami, resp. prostriedkami vlastnými publicistickým textom. Prítomnosť hovorových lexém by sa dala zdôvodniť onou spontánnosťou a improvizovanosťou kazateľových videoblogov, publicizmy zasa logicky súvisia s tým, že blog a videoblog patria k publicistickým žánrom. Brat Filip sa sústavne orientuje na médiá a na mediálnu produkciu, tieto témy pravidelne pertraktuje i vo svojich duchovných prehovoroch a vyššie spomínaných prednáškach, a tak je prirodzené, že i jeho lexika, najmä vo videoblogoch, je ovplyvnená jazykovými výrazmi frekventovanými v publicistike. Niekoľko príkladov hovorových lexém: *...pretože by sme človeka brali len ako nejaký zhuk enzýmov ktorý pominie a potom sevas, boja sa ako čert kríža, to je ako pesť na oko, pojdem na pol plynu čo to dá, čuďuj sa svete, každé čudo tri dni trvá*. Pri niektorých hovorových spojeniach môžeme vnímať archaickosť a ľudovosť, iné pôsobia moderne až slangovo. Do takéhoto hovorového kontextu spadá aj vtip, ktorý brat Filip rozpráva vo videoblogu *Prečo ísť na spoveď* začínajúcom in medias res – obrazom rehoľníka prichádzajúceho k dverám vlastnej spovednice s konsituácnym komentárom: *tak @ toto su naše spovedelnice*→...

Niekoľko príkladov publicizmov: *lukratívne pozemky v centre Bratislavy, v rámci tej našej vlasne slobodnej tolerantnej Európy, mnohí tí poslanci si tam prilievajú prihrievajú polievku na vstup do európskeho parlamentu, vobec som nezaznamenal nejaký veľký mediálny ohlas, bude si hústť svoju pesničku, teraz sa pod pokrievkou niekde v skrytosti varia ešte väčšie nejake obludnosti*.

Obísť nemožno ani skupinu lexém, ktoré sú príznačné pre filozofické texty a komunikáty – brat Filip častejšie siaha po slovách, ako *pravda, bytie, čas, zmysel, život, smrť, existovať* a pod. Na tejto báze vznikajú aj spojenia *plytkosť hĺbky* či *pôsobia tak silne vnútorne pravdivo*. Lexému *človek*, ktorá konštantne figuruje medzi desiatimi najfrekventovanejšími slovami jednotlivých blogov a ktorá je spravidla prvým alebo druhým najfrekventovanejším substantívom kazateľa¹³, by sme viac ako filozofickú kategóriu vnímali ako kategóriu náboženskú, presnejšie homiletickú – je jedným z prostriedkov persuazívnej stratégie kazateľa a je sémanticky dostatočne široká, aby sa s ňou mohol identifikovať akýkoľvek poslucháč, aj neveriaci (porov. Havlík, 2004, 2009).

Do určitej miery negatívne pôsobí hromadenie synonym, ktoré by mohlo byť prejavom tendencie explikovať, zexplicitniť význam, mohlo by súvisieť aj s improvizovanosťou a dalo by sa vnímať ako protiváha mnohých frapantných vyjadrení kazateľa. Niekedy sa prostredníctvom hromadenia synonym kazateľ aj významovo trochu posúva. Príklady: *ale hlavne oni: musia: sa naučiť žiť a existovať sami so sebou* – *Ale @ v cirkvi sa skôr udomácnilo pre slovo pokánie @ pre ten pojem pokánie slovo z gréčtiny↑ ktoré znamená alebo hovorí že METAnoja a to znamená ABSolútne VNÚtorne obrátenie ľudskej duše↓*

¹³ Na ilustráciu uvádzame parciálne výsledky nášho frekvenčného výskumu – súbor najfrekventovanejších substantív v piatich videoblogoch aj s počtom výskytov v danom texte (relevantné boli pre nás výskyty od 5 vyššie): videoblog 1: *človek* (7), *Európa* (6), *redakcia* (5); videoblog 2: *pravda* (12), *človek* (8), *smrť*, *život*, *hriešnik* (5); videoblog 3: *človek* (12), *kopec* (10), *bolesť* (7); videoblog 4: *pokánie* (19), *človek* (14), *slovo* (11), *Boh* (9), *spoveď*, *kňaz* (6), *vôľa* (5); videoblog 5: *človek* (16), *život* (10), *smrť* (7), *prach* (6), *čas*, *hodina*, *ohreň* (5).

obrátenie VNÚtra človeka k Bohu↓ z tmy smerom na svetlo↓ **proste obrátenie ľudského zmýšľania zmena zmýšľania o stoosemdesiat stupňov** – s malomocenstvom ktoré v TÝCH časoch bolo **znamenalozomieranie zažíva**↓ **znamenalOdpísanie znamenalo už len nejaké prežívanie nejake vegetovanie až do smrti ktorá mala prísť hneď** – zatúžil som tu teraz→ v dvadsiatom prvom storočí po takom NAOzajstnom kúsku **Františkovej zeme**↓ po takom naozajstnom kúsku **františkánskeho územia**↓.

7 Syntaktická charakteristika prejavov brata Filipa

Zo syntaktického hľadiska sú v skúmaných prejavoch markantné dvojčlenné polysyndetické koordinatívne syntagmy, ktoré spájajú väčšinou dve opozitá vytvárajúce celok, komplex niečoho: *a: pod tieňom tejto smrti začne chápať **aj možno všetky radostné aj bolestné chvíle***↓ svojho života – *neveriaci človek si to žiada Opačne ↓ že si žiada rýchlu a takú @ @ nenápadnú smrť kde by nebol čas Ani na premýšľanie ani na nejakú bolesť* – *a myslím si že toto majú pochopiť spoznať a ZAžiť* obidve strany tejto barikády → **aj tá kresťanská Európa**→ **aj ten moslimský svet** ↓ *to je celé*↓ – *práve sme sa vrátili*→ z pohrebu pána Suchodolinského *a*→ **aj o jeho smrti aj o jeho živote** myslím že by sa dalo povedať *vela*→ – *fúha tak tje starozákonné žalmy sú aj časové ale aj nadčasové* – *a: vidieť to: v perspektíve božej ↓ všetko to čo sa deje ↓ aj tých hriešnikov aj tých zločincov...* Kazateľ exponuje protipóly, resp. dve skutočnosti, ktorými chce obsiahnuť celok, a to buď pomocou rozlučovacej konjunkcie *ani* s negatívnymi konotáciami, alebo pomocou „pozitívnej“ aditívnej konjunkcie *aj*, ktorá prevažuje.

Adíciu či aditívnu tendenciu badáme ešte v prípade doslovného opakovania časti výpovede, keď opakujúca sa časť je rozšírená o nový komponent, najčastejšie o prívlastok: *človek od @ čias kedy sa narodí na túto zem ↑ na túto holú zem ↑ @ hneď sa v ňom narodí nejaké túžby – tá bolesť je je: božia škola ↓ kde @ spolu s jóbom*→ **biblickým jóbom** máme pochopiť že iba potiaľ smieme ísť↓ – *pretože ten človekov stav tu a teraz je poznačený hriechom*↓ **je poznačený dedičným hriechom**↓ – *ale ak táto Sila táto tupá sila má jediná nejaký priestor v tomto našom živote↑ tak potom tu neexistuje priestor @ pre lásku↓ pre tú božiu lásku* a myslím si že v takomto svete sa potom NEdá žiť↓ (...) takže preto hovorím / nech žije pokánie↓ nech žije tá... **zmena tá naozajstná zmena** ktorá je vždy zvnútornená. Uvedené adície vyznievajú ako autokorekcie, pričom doplnený prívlastok niekedy pôsobí ako relevantný a zdôrazňujúci, inokedy skôr ako redundantný.

Napokon, nápadne frekventovanými výrazmi v prejavoch brata Filipa sú výrazy *akože*, *akoby* a *ako keby*. Niekedy sa správajú ako synonymické, v iných prípadoch fungujú len ako výplnkové výrazy, slovná vata, no najmä výraz *ako keby* zvykne figurovať v prirovnávacích konštrukciách, pričom uvádza aj väčšie prirovnávajúce celky nadobúdajúce rozmery alegórie. Napr.:

- (11) *zdalo sa mi ako keby to bol taky modifikovaný príbeh toho sizyfa ↓ to (je) toj tej @ NAMÁhavej ale popritom nezmyselnej akože práce ↓ ale modifikovaný v tom že→ mne to pripadá ako keby: ako keby človek @: so všetkými tými snami začína tlačiť do nejakého kopca snehovú guľu↓ v mokrom snehu a teraz on tlačí tlačí tlačí a na to sa všeličo nabaluje↓*
- (12) *ale je jedna vec ktorá nám to zabraňuje že ten celý kopec ako keby bol odspodu až po vrch takou špirálovitou niťou červenou omotaný hej ↑ ako nejaká→ symbolická vízia bolesti↓ hej↑ že ako záchranna sieť bolesti↓*
- (13) *a ako keby bol medzi nami a Bohom obrovský pancier a→ nevnímame sa↓ s Bohom sa nevnímame*

- (14) tak ako @ sa: → my máme k životu ↑ tak sa má život k nám ↓ čiže inými slovami aký má človek vzťah k životu taký má vzťah k smrti a naopak ↓ čiže smrť je tu ako keby kľúčom k pochopeniu života ↓

8 Záver

Analýza individuálneho štýlu kazateľa brata Filipa potvrdzuje naše výskumy a pozorovania iných kazateľských prejavov, kde sa ukazuje, že v súčasných komunikátoch tohto charakteru dominuje spontánnosť, improvizovanosť, starostlivosť o výrazovú stránku je oslabená a toto všetko sa u kazateľov stáva akoby zámerným postupom, ktorý má zvýšiť príťažlivosť týchto prejavov pre súčasného percipienta. Povedané aj inak, rétorika súčasných kazateľov výrazne ustupuje od štylizovanosti minulých rétorických epoch a rečnícky štýl sa na ploche týchto komunikátov veľmi zblížuje s hovorovým. Kazatelia ako rečníci vedome a zámerne siahajú po výrazových prostriedkoch a stratégiách spontánnych hovorených dialogických prejavov. Zdá sa, že práve videoblog je jednou z foriem, kde sú uvedené postupy legitímne, hoci v náboženskej komunikačnej sfére nepatrí k štandardným žánrovým útvarom. Popri opísanej tendencii je individuálny rétorický prejav brata Filipa nápadný aj tým, že sa v ňom výrazne manifestuje poetickosť a kontemplatívnosť korelujúca s vážnou tonalitou, ktorá sa iba sporadicky a vplyvom prenikania publicizmov mení na mierne ironickú. Zdá sa, že rehoľná príslušnosť sledovaného kazateľa sa odráža aj v jeho rétoricko-komunikačnom štýle a že práve ona udržiava sakrálny rozmer jeho komunikátov, ktorý sa vplyvom mediálnosti (mediálne témy, publicizmy a iné výrazové prostriedky, žánrová forma blogu) profanizuje.

Literatúra:

- BIELEKOVÁ, K. (2016): *Homília ako žáner a text*. Prešov: Akcent Print.
- BODNÁROVÁ, M. (2018): *Zámená v neinštitucionálnej dialogickej komunikácii dospelých na východnom Slovensku*. Prešov: FF PU.
- GONDEKOVÁ, V. (2016): *Individuálny štýl v blogerských príspevkoch na knižných internetových portáloch*. Banská Bystrica: FF UMB. [Diplomová práca. Školiteľ: V. Patráš]
- HABEROVÁ, V. (2016): *Videoblog vs. blog, otázky súčasných možností „blogového textu“ a publicity*. Prešov: FF PU. [Bakalárska práca. Školiteľ: P. Oborník]
- HAVLÍK, M. (2004): *Kategorizační práce v kázáních*. Praha: FF UK. [Nepublikovaná diplomová práca]
- HAVLÍK, M. (2005): Ke stylu kázání. In: *Jazykovědné aktuality*, 42/3 – 4, s. 18–31.
- HAVLÍK, M. (2009): Diskurzní praktiky křesťanských kazatelů při konstituování standardního relačního páru „my“ – „oni“. In: *Slovo a slovesnost*, 70/2, s. 83–99.
- HIRSCHOVÁ, M. (2006): *Pragmatika v češtině*. Olomouc: Univerzita Palackého.
- IACZKULAK, I. (2013): *Individuálny štýl komunikátov Slovákov žijúcich v Nadlaku*. Nitra: FF UKF. [Diplomová práca. Školiteľ: R. Hlavatá]
- KESSELOVÁ, J. (2016): Konštruovanie egocentrizmu: pragmatika – gramatika – kognícia. In: *Slovenská reč*, 81/5–6, s. 304–324.
- KIČURA SOKOLOVÁ, J. (2017): Individuálny štýl Veroniky Šikulovej v publicistickej tvorbe. In: E. Peknušiaková – V. Smoláková (eds.): *Médiá a text 6. Zborník príspevkov. 1. časť*. Prešov: Prešovská univerzita, s. 27–34.
- ŁUCZEŃCZYK, P. (2007): Funkcja perswazyjna czasownikowej kategorii osoby w kazaniu. In: *Językoznawstwo: współczesne badania, problemy i analizy językoznawcze* 1, s. 79–87. Dostupné na: <http://bazhum.muzhp.pl/media/files/Językoznawstwo_wspolczesne_badania_problemy_i_analizy_jezykoznawcze/Językoznawstwo_wspolczesne_badania_problemy_i_analizy_jezykoznawcze-r2007-t1/Językoznawstwo_wspolczesne_badania_problemy_i_analizy_jezykoznawcze-r2007-t1-s79>

87/Językoznawstwo_wspolczesne_badania_problemy_i_analizy_jezykoznawcze-r2007-t1-s79-87.pdf>

MIKO, F. (1969): *Estetika výrazu*. Bratislava: SPN.

PLESNÍK, L. a kol. (2011): *Tezaurus estetických výrazových kvalít*. Nitra: FF UKF.

SLANČOVÁ, D. (1999): *Reč autority a lásky. Reč učiteľky materskej školy orientovaná na dieťa – opis registra*. Prešov: FF PU.

SLANČOVÁ, D. (2007): Štýl v jazykovej interakcii a jeho druhy. In: L. Sičáková – L. Liptáková – B. Hlebová (eds.): *Slovo o slove*. Prešov: Katedra komunikačnej a literárnej výchovy PF PU, s. 118–126.

SLANČOVÁ, D. – ZAJACOVÁ, S. (2007): Komunikačný register ako prostriedok verbálnej socializácie dieťaťa. In: O. Orgoňová (ed.): *Jazyk a komunikácia v súvislostiach II*. Bratislava: FF UK, s. 153–163.

SLANČOVÁ, D. – SLANČOVÁ, T. (2010): Sociálna deiza v trénerskom registri. In: J. Klincková (ed.): *Odkazy a výzvy modernej jazykovej komunikácie. Zborník príspevkov zo 7. medzinárodnej vedeckej konferencie konanej 23. – 24. 9. 2009 v Banskej Bystrici*. Banská Bystrica: FF UMB, s. 510–523.

SLANČOVÁ, D. – SLANČOVÁ, T. (2014): *Reč pohybu, autority a súdržnosti*. Prešov: Prešovská univerzita, Fakulta športu.

ŠEMBEROVÁ, K. (2009): Není blog jako blog. In: B. Osvaldová – A. Tejkalová (eds.): *Žurnalistika v informační společnosti: digitalizace a internetizace žurnalistiky: proměny a perspektivy žurnalistiky v epoše digitálních médií aneb nová média teoreticky i prakticky*. Praha: Karolinum, s. 163–170.

VELASOVÁ, J. (2012): Individuálny štýl Martina Pycy Rauscha. In: M. Chovanec (ed.): *7. študentská vedecká konferencia*. Prešov: Prešovská univerzita, s. 693–700.

VELASOVÁ, J. (2013): Analýza individuálneho štýlu moderátora Viliama Rozborila. In: J. Rusnák (ed.): *Médiá a text 4*. Prešov: FF PU, s. 246–255.

VELASOVÁ, J. (2015): Individuálny štýl Adely Banášovej. In: M. Bočák (ed.): *Médiá a text 5*. Prešov: FF PU, s. 422–431.

VIRIK, M. (2011): Automatické rozpoznávanie štýlu písania v blogoch. Bratislava: Slovenská technická univerzita. [Diplomová práca. Školiteľ: M. Šimko]

Zdroje:

Videoblog č. 1: Ak človek stratí úctu k posvätnosti života, tak stráca svoju identitu. Dostupné na:

<<https://www.youtube.com/watch?v=2s-aTSqyGGI>>

Videoblog č. 2: Byť je viac ako mať. Dostupné na:

<<https://www.youtube.com/watch?v=sSob7wWEX2A>>

Videoblog č. 3: Čo spája bublifuk, Gorilu a dokumenty z Panamy. Dostupné na:

<<https://www.youtube.com/watch?v=3xFLfFVDNGU>>

Videoblog č. 4: Nevysmievajte sa z Alaha. Dostupné na:

<https://www.youtube.com/watch?v=Kwo_GNXESUM>

Videoblog č. 5: O poučení z nešťastia. Dostupné na:

<<https://www.youtube.com/watch?v=jP4BH2Oh5iw>>

Videoblog č. 6: Prach si a na prach sa obrátiš. Dostupné na:

<<https://www.youtube.com/watch?v=V7yAFRX98Vk>>

Videoblog č. 7: Prečo ísť na spoved'. Dostupné na:

<<https://www.youtube.com/watch?v=8mdch8RxgaI&t=32s>>

Videoblog č. 8: Referendum – väčšina o menšine. Dostupné na:

<<https://www.youtube.com/watch?v=WNlA4F17eAE>>

Videoblog č. 9: Stáť na strane pravdy. Dostupné na:

<<https://www.youtube.com/watch?v=vCBTYjhlxvs>>

Videoblog č. 10: Strata úcty k žene je začiatkom konca každého vzťahu. Dostupné na:

<<https://www.youtube.com/watch?v=ci0lnbn1d6o&t=122s>>

Summary

The media in habit contemplating. Linguistic analysis of the preacher's individual style of the monk brother Filip

The paper is a part of wider context of individual personal style of Slovak preachers' research. Our ambition is to contribute to a definition and characterisation of the preachers' communicative register. We analyse the individual style of a monk brother Filip within the frame of this study via specific communication media – video blog. Brother Filip puts sacral aspects into originally profane media genre. Our analysis of significant deictic, lexical and syntactic means in these video blogs has revealed that his personal preacher's style is profiled as lyrical-philosophical and contemplative.

Tento príspevok je súčasťou riešenia grantového projektu MŠ SR VEGA č. 1/0099/16 Personálna a sociálna deiza v slovenčine (človek v jazyku, jazyk o človeku).

Фразеологічний мінімум – основа навчального фразеологічного словника

Галина Кузь

Katedra ukrainistiky, Filozofická fakulta, Prešovská univerzita v Prešove
kuz.halyna.cv@gmail.com

Ключові слова: фразеологічний мінімум, пареміологічний мінімум, лінгводидактика, українська мова як іноземна, фразеологія

Key words: phraseological minimum, paremiological minimum, linguodidactics, Ukrainian as a foreign language, phraseology

Лінгводидактика української мови як іноземної (УМІ), імпульсом до зародження та інтенсивного розвитку якої стало здобуття Україною незалежності й утвердження статусу української мови як державної, останнім часом переживає справжній вибух розвитку: значно збільшилася кількість навчально-методичних центрів, де займаються викладанням УМІ, в Україні та за кордоном; з'явилося чимало різних з огляду на призначення, ступінь універсальності та спосіб організації навчального матеріалу підручників та посібників; активно розвиваються інтерактивні методики навчання, розроблені та перебувають в процесі впровадження сертифікаційні екзамени з УМІ. І якщо на початковому етапі розвитку цієї молодшої прикладної дисципліни, що припав на початок 90-х років ХХ ст., саме зарубіжні викладачі УМІ були лідерами в питаннях осмислення наявних потреб напряду та в їх вирішенні, то сьогодні спостерігається неабияка активність українських лінгвістів. Незважаючи на активну співпрацю українських та зарубіжних дослідників і практиків, сьогодні ще чимало концептуальних проблем не вирішено або вирішено не до кінця. З-поміж основоположних завдань, які потребують доопрацювання, – визначення обсягу та параметрів і методів сертифікації рівнів вивчення УМІ, створення типових навчальних комплексів для цих рівнів, у які, окрім підручників та посібників, входили б також як самостійний елемент навчальні словники.

Варто відзначити, що робота над цим сегментом науково-практичних досліджень вже здійснюється. Так, наприклад, щораз частіше створення нових підручників із УМІ супроводжується лексикографічними додатками, а то й окремими виданнями. Правомірність й актуальність створення словників, зорієнтованих на певний етап навчання, зумовлена тим, що будучи складником навчально-методичного комплексу, вони пропонують тим, хто вчиться, і тим, хто навчає, системний, дозований, коректний в лінгвістичному та методичному плані опис відповідного обсягу мовних одиниць, а також прилучають їх до роботи зі словником.

З-поміж навчальних лексикографічних праць для іноземців, потреба в яких на сьогодні є найбільш відчутна, навчальні фразеологічні словники різного формату – перекладні, лінгвокраїнознавчі, тлумачні та ін. Необхідність створення таких словників очевидна для викладачів-практиків: включення в процес навчання стійких сполук є вмотивованим як з погляду комунікативного спрямування навчання, так і з огляду на лінгвокраїнознавчу аспектизацію, яка може бути втілена в тому числі і через вивчення фразеології. Активізації роботи над створенням фразеографічних навчальних праць вимагає й продовження опрацювання навчальних мінімумів, робота над якими почалася ще в 90-х рр. минулого століття (див. Зайченко – Воробйова, 1995). Однією з актуальних проблем лінгводидактики УМІ на сьогодні є формування (поряд з уже

наявними лексичними, граматичними, комунікативними) фразеологічних мінімумів як вичерпних переліків фразеологічних та паремійних одиниць, необхідних для засвоєння на різних етапах її вивчення іноземцями.

Варто підкреслити, що потреба в таких мінімумах була відзначена ще наприкінці ХХ ст. Так, Л. Паламар, автор одної з перших докторських дисертацій з лінгводидактики УМІ «Функціонально-комунікативний принцип формування мовної особистості», поряд з іншими напрямками її розвитку відзначала необхідність створення лінгвокраїнознавчого та красзнавчого мінімумів як одного із базових складників, потрібних для спілкування в комунікативних ситуаціях побутового та соціально-культурного характеру (Паламар, 1997, с. 34). Основою чи першим етапом в опрацюванні лінгвокраїнознавчого мінімуму можуть стати лексичний та фразеологічний мінімуми.

Метою цієї статті є на базі уже апробованих у слов'янській та загалом європейській лінгвістиці методів сформулювати методику укладання фразеологічних переліків-мінімумів, які можуть стати базою майбутніх одномовних чи багатомовних навчальних фразеологічних словників, призначених для іноземців. Такі переліки-мінімуми будуть корисними також для укладачів тестів зовнішнього незалежного оцінювання у національній українській школі.

Створення фразеологічного мінімуму вимагає визначення його одиниці, якою, на наш погляд, має бути фразеологізм у широкому розумінні, тобто відтворювана в готовому вигляді, цілісна за значенням, стійка за складом і структурою нарізно оформлена мовна одиниця, еквівалентна слову, словосполученню чи реченню. Таким чином, до фразеологічних мінімумів можуть бути включені різні типи фразеологізмів: ідіоми, фразеологічні вирази і сполучення, структури, що виконують номінативну і комунікативну функції, фразеологічні одиниці, що побудовані за моделлю словосполучення і речення, а також такі, що є відповідниками сполучників, прийменників, вигуків фразеологізми, фразеологічні комунікати, паремії та ін., оскільки зазначені різновиди мовних одиниць використовуються для реалізації різних комунікативних завдань.

На сьогодні в європейській лінгвістиці маємо кілька апробованих методик формування фразеологічного мінімуму. Російський лінгвіст Г. Перм'яков ще в минулому столітті сформулював необхідність відбору паремійного матеріалу з навчальною метою та з метою створення двомовних словників, запропонував методику і провів пареміологічні експерименти. На основі здійсненого дослідження у 1971 році вчений уклав та опублікував матеріали до російського паремійного мінімуму: 500 найуживаніших російських паремій та 75 найчастотніших російських порівняльних зворотів. (Пермяков, 1971). Методика Г. Перм'якова базувалася на багатоступеневому соціолінгвістичному вивченні знання російських паремій: для потрапляння в кінцевий перелік була обрана межа – знання паремії понад 90-а відсотками опитаних.

Ідея Г. Перм'якова про те, що «мінімальний набір народних висловів важливий не лише для вивчення іноземної мови, але й для розуміння рідної мови і фольклору, бо найпоширеніші мовно-фольклорні паремії виявляються такими не випадково, а з якихось дуже вагомих причин» (Пермяков, 1988, с. 150), стала основою багатьох «недидактичних» досліджень у галузі пареміології та дала імпульс численним пареміологічним і пареміографічним працям. Пошуки паремійного мінімуму в сучасних мовах Європи, на думку В. Мокієнка, дозволили переглянути багато традиційних поглядів на прислів'я, перш за все – погляд на них як на архаїчний фольклорно-мовний елемент, вкорінений у феодальне минуле. Останній став основою певного скептицизму фольклористів стосовно «сучасності» прислів'їв, а навіть давав ґрунт для висновків про те, що сучасна цивілізація не здатна породжувати нові

прислів'я та приказки, що було спростовано результатами досліджень (Мокиєнко, 1993, с. 590).

Наприкінці 1980-х ідеї Г. Перм'якова були підхоплені європейськими дослідниками, які здійснили низку проектів, спрямованих на виявлення паремійного мінімуму німецької мови (Grzybek, 1991), хорватської (Grzybek – Škara – Heyken, 1993), угорської (Tóthné Litovkina, 1992) і чеської (Schindler, 1993; Schindler, 1996).

Д. Бітнерова і Ф. Шиндлер у своїй масштабній пареміологічній праці 1997 р. «Česká přísloví – Soudobý stav konce 20 století» (друге видання словника вийшло в 2003 р.) (Bittnerová – Schindler, 1997), на матеріалі соціолінгвістичного експерименту із дев'ятнадцятьма інформантами-носіями мови, яким пропонувалося визначити вживаність прислів'їв (зібраних із чотирьох джерел різного часу), сформували їх список за висхідним принципом – від найбільш (вказаних 19 інформантами) до найменш відомих (помічених лише одним опитуваним). Недоліком цього експерименту є обмежена кількість інформантів, що пояснюється значним обсягом матеріалу дослідження, проте його результати мають наукову вагу, адже це перша спроба виявлення паремійного мінімуму сучасної чеської мови.

Українська богемістка Л. Даниленко, використавши результати Д. Бітнерової, Ф. Шиндлера, сформувала список 100 прислів'їв для власного соціолінгвістичного дослідження, суть якого полягала в тому, що інформантам було запропоновано дописати другу частину скорочених варіантів прислів'їв (в експерименті взяло участь 112 осіб). Результат дослідження показав, що половина паремійних одиниць, «впізнаваність» яких виявилася вищою за 95 % збіглися із результатами попереднього дослідження (Даниленко, 2010, с. 42–45).

90-ті рр. ХХ ст. позначилися масштабними зіставними дослідженнями у галузі слов'янської пареміології. Так, наприклад, робота зі збору матеріалів для паремійних мінімумів слов'янських мов на кафедрі слов'янської філології СПбДУ увінчалася виходом у 2000 році «Русско-славянского словаря пословиц с английскими соответствиями» М. Котової за редакцією проф. П. Дмитрієва. Цей багатомовний словник представив 5289 прислів'їв дев'ятьма мовами: 500 російських, 652 білоруських, 628 болгарських, 465 польських, 670 сербських, 568 словацьких, 826 українських, 508 чеських, 472 англійських (Котова, 2000). Паремійні мінімуми усіх слов'янських мов (крім російської) та англійської мови, формувалися внаслідок підбору відповідників до російських прислів'їв, що увійшли до переліку Г. Перм'якова. Методика базується на припущенні останнього про інтернаціональний характер ядра паремійного мінімуму. Гіпотеза була частково підтверджена дослідженням М. Котової, в якому встановлено, що близько 50% відповідників паремійного мінімуму Перм'якова у слов'янських мовах належать до широковживаних одиниць (позначені як відомі 90-100% інформантів) (Котова, 2004, с. 168).

Тема визначення паремійного ядра не залишилася поза увагою білоруської лінгвістики, де до ідеї створення паремійного мінімуму в 2000-их рр. звертався Є. Іванов. Заслугує уваги його зауваження про потребу розмежування двох понять – основного паремійного фонду та паремійного мінімуму – відповідно до двох цілей соціолінгвістичного дослідження паремійного пласту, на які вказав ще Г. Перм'яков. Отже, не заперечуючи необхідність виокремлення паремійного мінімуму, в першу чергу з дидактичною метою, Є. Іванов підкреслює важливість визначення і вивчення основного паремійного фонду мови як підсистеми прислівного складу мови. Такі дослідження, на думку вченого, мають перспективу в тому числі і з погляду порівняльно-історичного та типологічного вивчення паремій різних мов світу. Паремійний фонд, на думку Є. Іванова, можна виявити на основі точного підрахунку фіксацій тої чи тої паремії у відповідних джерелах (Іваноў, 2006, с. 109).

В дослідженнях останнього десятиліття висловлювалися сумніви щодо існування спільного паремійного мінімуму для всіх носіїв певної мови: є лише «зона впізнаваності», вважає В. Мокієнко, яка й визначає умовне ядро національної пареміології (Мокиєнко, 2009, с. 24–28). Деякі дослідники критикували концепцію Г. Перм'якова за кількісну і якісну незбалансованість складу інформантів і територіальну обмеженість експерименту (Беликов, 2008; Иванов, 2007.). У кожному разі ідеї Перм'якова щодо визначення базового паремійного фонду справили значний вплив на дослідження національної специфіки пареміології, лінгводидактичного її потенціалу, а також спричинилися до розробки чималої кількості пареміографічних проектів.

«Дидактичний» підхід до проблеми створення фразеологічного мінімуму застосувала Е. Шахсуварова. У статті «Учебный фразеологический словарь как компонент комплекса учебных пособий при обучении русскому языку иностранцев» вона пропонує методику виокремлення фразеологічного матеріалу для навчального словника, раніше описану в статті В. Морковкіна (Морковкин, 1978) і вперше застосовану в процесі створення комплексного навчального словника «Лексическая основа русского языка» (1984).

Процедура формування фразеологічного мінімуму, за цією методикою, має включати два етапи: етап комплектування вихідного, «сирого» в методичному плані переліку та етап трансформації цього матеріалу в шуканий фразеологічний мінімум. На першому етапі до емпіричної бази включаються одиниці, у складі яких є лексеми, що входять до лексичного мінімуму. З цією метою слова вихідного лексичного переліку перевіряються на предмет присутності як компонентів фразеологізмів у фразеологічних словниках. На другому етапі отриманий фразеологічний масив оцінюється з урахуванням власне методичних критеріїв: нормативності, комунікативної цінності, здатності поєднуватися з іншими одиницями, смислової і мовної доступності (з огляду на обсяги лексичного і граматичного мінімумів), ситуативно-тематичної обумовленості, країнознавчої цінності та реального функціонування в наявних навчальних посібниках (Шахсуварова, 1982, с. 72–77).

Отриманий в результаті опрацювання базового матеріалу шляхом його скорочення за рахунок, наприклад, просторічних, вульгарних, рідковживаних, складних для семантизації тощо фразеологічних одиниць та внаслідок додавання фразеологізмів, які хоч і не були «породжені» лексичним мінімумом, але відповідають методичним критеріям, склав 262 одиниці.

Експерименти з виявлення паремійного мінімуму мови сьогодні розвиваються в напрямі використання можливостей корпусної лінгвістики. Якщо у випадку соціолінгвістичних досліджень метою є так звана «впізнаваність» прислів'їв, то з використанням електронних баз текстів з'явилася можливість вивчати інтенсивність вживання прислів'їв у письмових стилях і жанрах. Такого роду дослідження дають можливість простежити актуальні тенденції функціонування паремій: виявити найбільш поширений варіант прислів'я, зафіксувати його найбільш частотні інваріанти, визначити продуктивні моделі творення okazionalnih форм.

Ідеї використання корпусних методів для дослідження фразеології та пареміології набули поширення в останні десятиліття, зокрема для дослідження інноваційних процесів у фразеології (Ю. Сагата), частотності вживання фразеологічних одиниць різного типу (О. Гордій, Х. Ніколайчук), застосування даних і прийомів корпусної лінгвістики в лексикографії і лінгводидактиці (Т. Монахова, С. Бук, В. Старко) та ін. Завдяки цій галузі мовознавства, яка швидко розвивається, стало можливим проводити альтернативні дослідження активного фразеологічного (паремійного) фонду, що буде

базуватися на набагато ширшому ілюстративному матеріалі, а саме, на основі електронного корпусу текстів.

Чеський дослідник пареміології Ф. Чермак визначає такі важливі аспекти дослідження паремійного фонду національної мови за допомогою корпусної лінгвістики, які варто брати до уваги: 1) дослідження спирається на обширну базу текстів (у випадку Чеського національного корпусу йде мова про 100 000 000 слів); 2) корпус в основному базується на письмових текстах, що, можливо, не зовсім адекватно відображає використання прислів'їв у мові (це Ф. Чермак відносить до недоліків методу); 3) корпус відбиває активний словниковий, а отже, і паремійний, запас досліджуваної мови; 4) найбільшою перевагою цього методу дослідник вважає те, що він дає можливість дослідження прислів'їв у контексті, що дозволяє зафіксувати і дослідити прислів'я у всій множині його варіантів, що не було можливим до цього (Čermák, s. 15–16).

Свій алгоритм дослідження паремійного ядра мови на базі корпусних досліджень запропонував у статті «Пареміология и корпусная лингвистика» словацький фразеолог і пареміолог П. Дюрчо. Він пропонує здійснювати такі дослідження в кілька етапів: 1) аналіз паремій, зареєстрованих у сучасних та історичних словниках і збірниках, доповнений порівнянням і реєстрацією прислів'ївної неології; 2) «експертна» редукція паремійного матеріалу силами лінгвістів; 3) дослідження «прийнятності» виокремленого фонду шляхом анкетування (можливо, інтернет-опитування); 4) корпусний аналіз частотності редукованого переліку; 5) визначення так званого паремійного оптимуму як кореляції між «впізнаваними» одиницями розмовної мови та найбільш частотними в базі корпусу; 6) аналіз корпусного матеріалу на предмет встановлення парадигматичних та синтагматичних відношень та визначення паремійного інваріанта (леми) (Дюрчо, 2014, с. 13–17).

О. Гордій, дослідниця німецьких фразеологічних експресивів та комунікативів, звертає увагу на те, що крім систематично компільованих корпусів, завдяки Інтернету існує велетенський текстовий архів з багатьма мільярдами сторінок, який із застосуванням належних машин може розглядатися як корпус. Оскільки на даний час ще не існує досконалих корпусів, величина яких реально б відображала функціонування тієї чи іншої мови (це стосується в першу чергу українських корпусів, обсяг яких поки що є незначним), увага дослідників може бути спрямована на національномовні сегменти Інтернету (Гордій, 2014, с. 87).

Підсумовуючи огляд наукових напрацювань в напрямі дослідження фразеологічного (паремійного) мінімуму (ядра, оптимуму), варто підкреслити як обширність та глибину теоретичних аспектів його вивчення, так і розгалуженість методик, що були апробовані протягом останніх десятиліть. До таких методів можна віднести: 1) карткування текстових джерел (розписування публіцистичних текстів, белетристики); 2) карткування сучасних і нових фразеологічних та прислів'євих словників; 3) різного роду соціолінгвістичні експерименти; 4) методики корпусного аналізу; 5) методики безпосереднього спостереження (тривале збирання й архівування матеріалів розмовної мови). За відсутності частотних словників та доступного національного корпусу текстів української мови роботу над формуванням фразеологічних мінімумів, на наш погляд, можна здійснювати в тому числі й на базі шкільних навчальних словників, створених для рідномовної аудиторії.

Важливою для подальшого успішного розв'язання чималої кількості невирішених на сьогодні проблем, пов'язаних із формуванням фразеологічних мінімумів національних мов, на наш погляд, є тенденція розмежування кількох споріднених понять (і термінів), що використовують у цій галузі: фразеологічного (паремійного) фонду, тобто сукупності одиниць, що складають основу фразеологічно-прислів'євої

підсистеми протягом досить тривалого часу (за Є. Івановим); фразеологічного оптимуму, множини, яка поєднує одиниці, зафіксовані словниками, електронними корпусами та опитуваннями носіїв мови і яка може бути основою формування різних фразеологічних (паремійних) мінімумів (за П. Дюрчо); корпусного фразеологічного мінімуму, дібраного із електронних корпусів певної національної мови за критерієм частотності (за Ф. Чермаком); фразеологічного мінімуму як вичерпного переліку фразеологічних (паремійних) одиниць, необхідних для засвоєння на різних етапах навчання іноземців та носіїв мови (за Е. Шахсуваровою). Очевидно, що перелічені терміни позначають різні за кількістю, призначенням та методикою відбору множини фразеологічних одиниць (у широкому значенні), вони взаємопов'язані та включають певну кількість однакових елементів, тобто накладаються. Традиція розмежування перерахованих понять ще не сформована остаточно, але, на наш погляд, цей процес інтенсифікується із подальшою активною роботою над формуванням тезаурусів та словниковим їх опрацюванням.

Оскільки звернення до поняття фразеологічного мінімуму в нашій статті було вмотивоване навчальною настановою, варто детальніше зупинитися власне на дидактичних критеріях відбору фразеологічних мінімумів та методиках, які їх уможливають. У методичній літературі виокремлюють такі основні критерії відбору фразеологічного мінімуму: лінгвокраїнознавча та комунікативна цінність, доступність, нормативність, пов'язаність із граматичним і лексичним мінімумами, можливість витлумачити фразеологічну одиницю стисло і знайомими словами, прозора внутрішня форма, наявність відповідника в рідній мові/екзотичність, орієнтація на сучасну дійсність (Кузь, 2013, с. 129).

Із зазначених параметрів методологічно опрацьованими є лише кілька: комунікативну цінність, вочевидь, можна пов'язувати із «впізнаваністю» та частотністю. Для визначення частотності використання як одного з параметрів відбору фразеологічного мінімуму застосовують такі прийоми: 1) тестування компетентності (учасники дослідження відзначають у списку знайомі/незнайомі одиниці; 2) доповнювальне тестування (учасники дописують запропоновану частину); 3) тестування досвіду (учасники коментують, коли і як вони використовують фразеологізми); 4) тестування позиції (учасники оцінюють ступінь «впізнаваності» за запропонованою шкалою).

Проблему нормативності можна вирішувати, опираючись на наявні фразеологічні словники, а в частині паремійній - шляхом встановлення найбільш поширеної форми (інваріанту, леми за П. Дюрчо).

Пов'язаність із лексичними мінімумами встановлюється співвіднесенням слів-компонентів із цими мінімумами і, відповідно, віднесенням фразеологічної одиниці до рівня, на якому передбачено знання такої лексики. Аналогічний принцип може бути застосованим і стосовно граматичних мінімумів. Із попередніми пов'язаний критерій доступності, який може тестуватися також експериментальним шляхом (анкетування, опитування та ін.).

Вимога відбору одиниць з прозорою внутрішньою формою залишає поза дидактичним опрацюванням ідіоматичний пласт фразеології, що підтримується більшістю лінгводидактів. Наявність/відсутність відповідника в рідній мові того, хто вивчає мову, є важливою з погляду укладання двомовних (багатомовних) навчальних словників, а також з огляду на лінгвокраїнознавчу цінність фразеологізмів: для формування в чужоземців адекватних уявлень про культуру народу-носія опановуваної мови важливими є як інтернаціональні (біблійні, запозичені багатьма мовами, такі, що стали крилатими) фразеологізми, так і унікальні в плані семантики та внутрішньої форми.

Орієнтація на сучасну дійсність вимагає від укладача фразеологічного мінімуму звернення до неологічних словників, а за умови їх відсутності до наукових публікацій, присвячених фразеологічній неології певної мови.

Критерій лінгвокраїнознавчої цінності при відборі фразеології до навчального фразеологічного мінімуму може бути реалізований через інші критерії: пов'язаність із лексичними мінімумами забезпечить ідеографічну представленість різних фрагментів культурного простору, частотність вживання фразеологізмів (комунікативна цінність) дасть можливість вибрати найбільш релевантні одиниці, додаткові дидактичні вимоги (доступність, можливість пояснити значення простими конструкціями, сучасність) оптимізують вибір найбільш «зручних» і актуальних для навчального процесу фразеологізмів. Окремо варто враховувати баланс лінгвокраїнознавчої цінності-доступності на різних етапах вивчення УМІ: ці критерії можуть вступати в протиріччя, адже, наприклад, ідіоми, які, безумовно, мають лінгвокраїнознавчу цінність, часто є складними для сприйняття та семантизації. Усі ці критерії в комплексі допоможуть сформувати базовий фразеологічний мінімум, який у процесі зіставних досліджень може бути відкоригований з орієнтацією на рідну мову тих, хто вивчає УМІ, в аспекті їх універсальності/унікальності (Кузь, 2015, с. 195).

Перспективи дослідження вбачаємо в апробації та тестуванні в практиці викладання УМІ комплексної методики формування фразеологічного мінімуму, придатного для використання в навчанні іноземців, та такого, що може стати базою для створення одномовних та двомовних (багатомовних) словників.

Література:

- БЕЛИКОВ, В.: Паремии как объект лексикографии. [Cit. 2019-28-05.] Dostupné na internete: <<http://www.dialog.ru/dialog2008/materials/html/7.htm>>.
- ГОРДІЙ, О. (2014): Частотність вживання фразеологічних експресивів і комунікативів німецької мови в інтернет-дискурсі. In: *Studia methodologica*, 36, с. 86–93.
- ДАНИЛЕНКО, Л. (2010): Нове дослідження сучасного паремійного мінімуму чеської мови. In: *Вісник Київського національного університету ім. Т. Шевченка*, 21, с. 42–45.
- ДЮРЧО, П. (2014): Паремиилогия и корпусная лингвистика. In: *Вестн. Новг. гос. ун-та, Сер.: Филологические науки*, 77, с. 13–17.
- ЗАЙЧЕНКО, Н. – ВОРОБІЙОВА, С., eds. (1995): *Навчальні мінімуми з української і російської мов для іноземців*. Київ: ІСДО.
- ИВАНОВ, Е. (2007): «Основной паремиилогический фонд» русского языка с «паремиилогическим минимумом». In: Ст. Георгиева – А. Липовская (eds.): *Проблемы фразеологии. Русская лексикография: тенденции развития*, с. 152–156.
- ІВАНОЇ, Я. (2006): Да праблемы вызначэння асноўнага парэміялагічнага фонду беларускай мовы. In: *Вестнік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*, 4/3, с. 103–109.
- КОТОВА, М. (2000): *Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями, под ред. П. А. Дмитриева*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- КОТОВА, М. (2004): *Славянская паремиилогия*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- КУЗЬ, Г. (2013): До проблеми формування фразеологічного мінімуму. In: *Теорія і практика викладання української мови як іноземної*, 8, с. 122–129.
- КУЗЬ, Г. (2015): Лінгвокраїнознавча цінність фразеології як критерій її введення до фразеологічного мінімуму. In: *Studia ukrainica Varsoviensia*, 4, с. 187–195.
- МОКИЕНКО, В. (1996). Рецензия на.: *Schindler Franz. Sprichwort im heutigen Tschechischen: empirische Untersuchungen und semantische Beschreibung*. München 1993. In: *Revue des études slaves*, T. LXVIII (4), p. 590–595.
- МОКИЕНКО, В. (2009): Фразеологическое калькирование как генератор интернационализации языковой системы. In: В. Макаров (ed.): *Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме*, Великий Новгород: НГУ им. Ярослава Мудрого, с. 24–28.

- МОРКОВКИН, В. (1978): Об одном способе синтеза системы учебных словарей и некоторые вопросы семантизации слов в словарях. In: П. Денисов – В. Морковкин (eds.): *Проблемы учебной лексикографии и обучения лексики*. Москва: Русский язык, с. 132–145.
- МОРКОВКИН, В. и др. (1984): *Лексическая основа русского языка: комплексный учебный словарь*. Москва: Русский язык.
- ПАЛАМАР, Л. (1997): *Функціонально-комунікативний принцип формування мовної особистості*. Київ: НПУ ім. Драгоманова.
- ПЕРМЯКОВ, Г. (1971): *Паремиологический эксперимент: Материалы для русского паремиологического минимума*. Москва: Наука.
- ПЕРМЯКОВ, Г. (1988): *Основы структурной паремиологии*. Москва: Наука.
- ШАХСУВАРОВА, Э. (1982): Учебный фразеологический словарь как компонент комплекса учебных пособий при обучении русскому языку иностранцев. In: *Русский язык за рубежом*, 80/6, с. 72–77.
- BITTNEROVA, D. – SCHINDLER, F. (1997): *Sbírka českých přísloví*. Praha: Karolinum.
- ČERMÁK, F. (2003): *Paremiological Minimum of Czech: The Corpus Evidence* In: H. Burger – A. Häcki Bufofer – G. Greciano (eds.): *Flut von Texten – Vielvalt der Kulturen*, Ascona 2001 zur Methodologie und Kulturspezifität der Phraseologie. Schneider Verlag Hohengehren, p. 15–31.
- ČIŽMÁROVÁ, M. (2002): *Ukrajinsko-slovenský frazeologický slovník*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity.
- ČIŽMÁROVÁ, M. – KUNDRÁT, J. (2010): *Ukrajinsko-slovenský slovník pre základné a stredné školy*. Prešov: Nitech.
- GRZYBEK, P. – ŠKARA, D. – HEYKEN, Z. (1993): Der Weisheit der Gasse auf der Spur. Eine empirische Pilotstudie zur Bekanntheit kroatischer Sprichwörter. In: *Zeitschrift für Balkanologie*, 29, p. 85–98.
- GRZYBEK, P. (1991). Sinkendes Kulturgut? Eine empirische Pilotstudie zur Bekanntheit deutscher Sprichwörter. In: *Wirkendes Wort*, 41/2, p. 239–264.
- KONONENKO, I., MYTNIK, I., WASIAK, E. (2010): *Słownik tematyczny polsko-ukraiński*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN SA.
- SCHINDLER, F. (1993): Das Sprichwort im heutigen Tschechischen: empirische Untersuchung und semantische Beschreibung. In: *Specimina philologiae Slavicae*, Supp. 35.
- SCHINDLER, F. (1996): Sociolingvistické, paremiologické a paremiografické výsledky empirického výzkumu o znalosti přísloví. In: *Slovo a Slovesnost*, 4, s. 264–282.
- TOTHNE LITOVKINA, A. (1992): The Use of Proverbs in Contemporary Hungarian Society. A Study of National Identity Among Hungarians of Tolna County Through Proverbs. In: *European Journal for Semiotic Studies*, 4/1-2, p. 289–316.
- ZINKEWICZ-TOMANEK, B. – BARANIWSKA, O. (2012): *Słownik ukraińsko-polski*. Kraków: Petrus.

Summary

Phraseological minimum as a basis for learner's phraseological dictionary

The article touches upon the proven by Slavonic scientists approaches used to form phraseological (paremiological) minima. Under analysis are the following methods used to determine such minima: sociolinguistic experiment, method of direct observation, corpus-based method, as well as scientific results acquired by their means. The author specifies the criteria to determine phraseological minimum as an exhaustive list of phraseological units, necessary for foreigners to learn language at different levels.

Изучение русского языка как средства развития национального мышления

Хуссейн Кадим Маджди Драйсави

Багдадский университет

mr.ali1999@mail.ru

Ключевые слова: русский язык, языковая картина мира, национальный менталитет, речь, мышление

Key words: Russian language, language world picture, national mentality, speech, thinking

Введение

Русский язык является национальным языком русского народа и государственным языком Российской Федерации, выступающий также средством межнационального общения. Изучение русского языка направлено на развитие личности обучающихся, поскольку формирует у них представление о единстве языка, мышления и культуры, дает понимание языка как духовного, нравственного и культурного наследия русского народа. Являясь важнейшим средством человеческого общения, язык неразрывно связан с мышлением, выступает средством хранения и передачи информации и управления социальным поведением человека. Язык можно представить грамматической системой знаков, виртуально существующей в голове человека, роль которого заключена в соединении смысла и акустического образа. Язык имеет множество различных определений: систематизированная совокупность средств выражения мыслей; средство коммуникации между людьми; система выражения мыслей, включающая в себя фонетическую и графическую части (Князев, 2003, с. 3).

Соответственно, можно говорить о том, что язык выполняет многогранную роль в жизни человека, он выступает областью знаний, носителем и транслятором информации. Принадлежность человека к народу и культуре определяется тем, с какой системой знаний ему пришлось соприкоснуться при рождении. В более осознанном возрасте такую систему знаний человека считает родным языком, а все другие языки для него становятся иностранными или чужими.

Русский язык считается родным только для его носителей, то есть для тех людей, которые слышат его с рождения. Для всех остальных русский язык считается иностранным, то есть не родным. Русский язык является системным, поскольку содержит закрытые и не прозрачные смыслы, но определяющие богатство и разнообразие оттенков русской культуры и жизни русского народа. Системность русского языка обеспечивает целостный взгляд на мир и способствует формированию национального мышления.

Методология

Русский язык выполняет несколько функций. Во-первых, он является важным аспектом формирования групповой идентичности. Например, родственники, говорящие на разных языках, более далеки друг от друга, чем незнакомые люди, общающиеся на одном языке. Во-вторых, язык выступает посредником между человеком и явлениями окружающего мира, а также является средством, при помощи которого человек оказывает воздействие на внешний мир. В-третьих, в нем содержится возможность убеждать, обращать в свою веру, что достигается за счет тонкости и многогранности языка, в возможности в немногих словах выразить многие переживания. Поэтому

самым эффективным средством фиксации и накопления культурной информации является идиоматика языка (Чертвертакова, 2008, с. 77).

При изучении любого иностранного языка перед человеком встают несколько задач: ему необходимо научиться слушать и понимать речь, уметь отвечать, владеть графическими символами языка (буквы, знаки, иногда иероглифы), научиться читать и писать (Щукин, 2003, с. 52–53). Только после овладения письменной и устной речи, то есть получения знаний о грамматике языка, человек сможет использовать различные компетенции (лингвистическую, языковую, речевую, социокультурную и другие) (Хавронина, 2008, с. 133–134). Уровень знания русского языка у иностранцев определяется по степени владения данными компетенциями. Тем не менее, изучение русского языка таит в себе множество разнообразных трудностей и не ограничивается владением грамматикой и фонетикой. Насколько иностранец сможет понять тонкости русского языка, настолько он продвинется в его изучении. Познание русского языка позволит ему войти в мир русской культуры и понять особенности национального мышления.

Начиная с XIX в. проблема взаимообусловленности языка, культуры и мышления выступает одной из главных проблем языкознания (Я. Гримм, В. Гумбольдт, А. А. Потебня и др.). Еще В. Гумбольдт в своих фундаментальных трудах рассматривая данное положение, писал:

- в языке воплощена как духовная, так и материальная культура;
- национальный характер всякой культуры находит свое выражение в языке, посредством закрепления в нем особого видения мира;
- всякий язык имеет специфическую для каждого народа внутреннюю форму;
- внутренняя форма языка – есть не что иное как «выражение народного духа», национального мышления и культуры;
- язык выступает посредником между человеком и окружающим его миром (Гумбольдт, 1985, с. 85).

Идея В. Гумбольдта заключается в том, что язык связан с выражением народного духа, то есть он определяет отношение к пониманию языка как процессу деятельности духовного начала нации. Национальная составляющая языка, в понимании В. Гумбольдта берет свое начало во взаимопроникновении духовного своеобразия народа и построении его языка: «Форма любого языка имеет неразрывную связь с духовным проявлением народа, с его национальным мышлением, которое рождает и преобразует данную форму. ...Различия между языками выражаются в нечто большем, чем простым различии в грамматическом построении знаков, ...разнообразные языки по своей сущности, по своему влиянию на чувства и познание, в действительности являются различными мироощущениями» (Гумбольдт, 1989, с. 96). Иными словами, по мнению автора, различные языки – это не простое различие в обозначении одного и того же предмета, а разное его видение.

Линия понимания взаимовлияния языка и мышления после В. Гумбольдта просматривается в работах Ш. Балли, Ж. Пиаже, К. Л. Стросса, в американской антропологической лингвистике и этнолингвистике, а также в современных исследованиях российской психолингвистики и в когнитивной лингвистике (Н. В. Дмитриук, А. А. Залевская, М. М. Копыленко, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, Г. Б. Мадиева, Э. Д. Сулейменова, Е. Ф. Тарасов и др.).

В своих исследованиях взаимоотношения языка, культуры и мышления авторы опираются на понимание языка как деятельностного начала, как способа отражения окружающего мира и своеобразную его интерпретацию. Национальная природа мышления базируется на понимании феномена человеческого сознания,

проявляющегося в интракультурной среде, где отличия «своего» и «чужого» социокультурного опыта видны особенно явно. Понимание национального мышления, а не простое знание языка, обеспечивает адекватную деятельность психических и ментальных систем представителя определенной национальной общности, позволяющую ему приспособиться к окружающей среде и вступить во взаимодействие согласно личным представлениям человека о нормах и условиях совместного проживания. В результате такого «приспособления» сформированные в национальном сознании «картины мира», «образы сознания» могут трансформироваться, корректируя отражение реального мира в «зеркале» собственных внутренних ощущений и понятий, как бы «раскрашивая» этот реальный мир в соответствии со своим мировидением в разнообразные этнокультурные цвета (Дмитрюк, 2000, с. 244).

Отметим, что язык хотя и основной, но не единственный компонент национального сознания. Феномен особенностей национального мышления заключается в поведении, психологии и ментальности, поступках и взаимоотношениях членов общества, что находит свое отражение в национальных традициях, обычаях, в быте, повседневном поведении, а также в национальном искусстве (Фесенко, 1999, с. 48).

Язык и мышление, выступая социальным явлением, обуславливают друг друга: без мышления деятельность людей не несла бы в себе смысла. Язык не что иное как организованная структура символов, действующих по своим правилам и законам. Слова, используемые в речи, строятся по языковым законам и отражают процесс мышления человека и общества в целом. Разные способы мышления обуславливают выбор слов, их порядок в предложении, обработку и коррекцию – все это выступает средствами выражения сознания человека и может определяться внешним воздействием. В тоже время, процесс перевода мыслительной деятельности в знаки и символы речи находится под влиянием мышления и сформирован многовековой практикой социального общества.

Мышление представляет собой неразрывно связанный с речью социально обусловленный психический процесс поиска и открытия существенно нового знания, процесс опосредованного отражения действительности в ходе его анализа и синтеза (Рубинштейн, 2007, с. 235).

Процесс мышления запускается в проблемной ситуации, когда существует недостаток в имеющихся знаниях и способах действия. Появившаяся проблема определяет постановку цели, позволяет контролировать и направлять процесс мышления на достижение поставленной цели. Соответственно, мышление представляет собой активную познавательную деятельность субъекта, которая имеет определенную направленность на познание окружающей действительности, открытие нового знания, прогнозирование действий в процессе достижения целей и решения поставленных задач, которая осуществляется на базе переработки информации прошлого опыта и преобразовании имеющегося знания (Вострикова, 2012, с. 256–257).

В процессе изучения русского языка представляет важность познавательная сторона мышления, заключающаяся в непосредственной переработке имеющейся и вновь полученной информации, реализующейся в ходе решения поставленных задач при овладении языком и открытии нового знания. С точки зрения педагогики, познавательная сторона мышления рассматривается как система взаимообусловленных действий, выполняемых человеком в процессе осуществления мыслительной деятельности. В этой связи, одним из педагогических аспектов развития мышления выступает формирование умения работать с информацией, осмысливать и преобразовывать ее, тем самым формировать общеучебные умения и способы деятельности (Брушлинский, 2008, с. 35).

С позиции развития национального мышления важным аспектом выступает развитие личности обучающегося, где ценным является личностный план и процессуальный аспект мышления, выделенные С. Л. Рубинштейном и А. В. Брушлинским. Иными словами, развитие национального мышления, формируется благодаря возникновению потребности в познании и направлено на цели, имеющие личностную значимость и реализующиеся в познавательной деятельности субъекта. Образованный, таким образом, личностный план мышления определяет формирование мотивации к получению нового знания (Рубинштейн, 2007, с. 324).

Взаимосвязь мышления и языка несомненна, так как любые действия человека сопровождаются процессом мышления, что относится как письменной, так и устной речи дабы точнее и яснее излагать собственные мысли. Процесс мышления сопровождает также чтение различных произведений, поскольку восприятие прочитанной информации заключается в понимании смысла прочитанного, а не простого повторения звуков. При этом мышление находится в постоянном развитии, поскольку человек непрерывно открывает для себя новые стороны окружающего мира. Знания об окружающем мире не статичны, они усложняются, что требует гибкости от языка в обозначениях новых понятий. Для того, чтобы мышление было обеспечено должными языковыми средствами необходимо расширять и совершенствовать словарь и грамматику языка. Данное обстоятельство способствует появлению новых слов и значений в языке. Изменения языка обусловлены созданием новых слов, разграничением значений слов схожих по звучанию, закреплению стилистической дифференциации лексики.

Лучшее осознание значений слов и грамматических конструкций обеспечивается за счет высокого уровня владения языком, что в свою очередь приводит к успешному развитию речевого мышления личности. Высокий уровень владения языком позволяет личности обращаться к коллективному опыту нации, проникать в особенности культуры и менталитета носителей языка.

Беря за основу, что любой язык выступает средствами мышления, которые различны для людей, говорящих на разных языках, то можно предположить, что национальное мышление у людей различной национальности отличается в силу имеющихся различий их языковой структуры.

Если рассматривать язык как средство национального мышления, то можно заметить, что слово не является отображением вещей, оно несет в себе способность представлять вещь с разных позиций, имеющих свой индивидуальный чувственный образ. Данное качество слова делает язык не простой знаковой системой, но специфической формой национального мышления присущей определенной нации, поскольку язык отражает быт и особенности характера народа.

Приведем простой пример. Большинство россиян представляют, что жизнь в Европе похожа на сказку, в которой люди живут в роскоши и удовольствиях. Ведомые данным образом многие россияне мечтают переехать в Европу. По достижении данной цели часто оказывается, что жизнь не складывается, представления и действительность оказываются далеки друг от друга. Причина подобной ситуации состоит в том, что недостаточно только изучить язык, необходимо понять культуру страны, характер и национальное мышление его народа. В языке отражены быт и культура страны, образ поведения и мышления людей. Несмотря на высокий уровень жизни в Европе, населению чужда роскошь, неоправданные затраты и стремление к праздности. Люди живут в достатке, но экономно. В России напротив, люди, считают имеющийся у них достаток недостаточным для жизни, при этом не готовы экономить и любят отмечать праздники. Приведенные примеры, указывают на различия в национальном мышлении, которое отражается в отношении к жизни. В интернациональной среде трудности

взаимопонимания обусловлены культурными различиями, стереотипами поведения и мышления, отсутствием единого понимания языка общения.

Язык играет важную роль в формировании национального мышления. Духовный мир человека, его ценности и восприятие окружающего мира определяются родным языком той страны, в которой он вырос. Русский человек смотрит на мир иначе, чем француз или американец, так как каждый народ думает на своем языке. Поскольку, язык выступает не только средство выражения мысли, но и в некоторой степени определяет ход мышления, воздействуя на его содержание. Примером тому может служить описание одного и того же явления людьми разной национальности, увиденное каждый из них будет описывать по-разному, вкладывая в описание свое впечатление и свою оценку происходящего, так как люди разной национальности видят и оценивают окружающий мир по-разному. Американцу сложно увидеть и почувствовать мир глазами русского человека, поскольку он пользуется другими языковыми средствами. В этой связи нельзя не согласиться с русским писателем Сергеем Довлатовым, который говорил, что личность человека на 90% состоит из языка, на котором она разговаривает.

Особую остроту взаимосвязь языка и мышления приобретает в эпоху активного межнационального общения, когда становится понятным, что для общения и понимания человека другой национальности недостаточно просто изучить грамматику языка, необходимо проникнуться сущностью языка, понять его связь с культурой и судьбой народа. К сожалению, по настоящее время исследования языка в лингвистике продолжают носить узкий характер, который заключается в изучении языка как средства для обмена информацией. Предметом изучения все еще не выступают такие аспекты языка как соотношение языка и национального мышления, языка и национальной культуры. Проблема изучения языка в данных аспектах заключается в ее широте, поскольку выходит за рамки лингвистических и познавательных, нравственных и политических вопросов, не ограничивается вопросами языкознания, а выходит на уровень познания национального мышления, национальной культуры и психологии народа. Через язык выражаются особенности мировосприятия и менталитета народа, его система ценностей, традиций и обычаев (Ильенков, 2003, с. 68).

Исследование

Возвращаясь к проблеме изучения русского языка как средства развития национального мышления, рассмотрим взаимосвязь языка и мышления, через анализ структуры русского языка.

Л. В. Щерба, говоря о взаимосвязи языка и мышления подчеркивает важность изучения иностранного языка для расширения понимания родного. Автор отмечает, что язык и мышление неразрывно связаны, и для человека, владеющего только родным языком разъединить эту связь, не представляется возможным. Изучение иностранного языка, по его мнению, предоставляет возможность сравнивать понятия и термины, тем самым освобождая мысли из плена слов, позволяя выходить мысли на уровень абстракции, преодолеть ограниченность языка, увидев новые возможности понимания явлений окружающего мира с позиций разных национальных взглядов (Ильенков, 2003, с. 71).

Любой язык характеризуется собственным ритмом, размером и структурой. В частности, славянофильская концепция придерживается мнения, что стремление русского мышления проникнуть в суть явлений, непосредственно связана со структурой языка. Писатель С. Т. Аксаков отмечает, что устойчивое выражение прошедшего и настоящего времени не свойственно для форм русского глагола. Проводя анализ глаголов, автор делает вывод, что неустойчивость категории времени

вызвана ее абстрактным рационалистическим подходом к жизненному опыту. По мнению С. Т. Аксакова, в других языках рациональность мысли отвлекается от характера действия и сосредотачивает внимание на условиях, в которых она протекает и которые не связаны непосредственно с действием. Значение же форм русского глагола направлен на установление качественной сути действия, то есть задача глагола – выявить протяженность, кратность, интенсивность и исчерпанность действия. При этом внимание русского языка обращено на внутреннюю сторону, то есть вопрос «как» – это вопрос обозначения самого действия, а вопрос «когда» – это обозначение внешнего проявления действий (Четвертакова, 2008, с. 79).

Каждый язык отличается не только по своей структуре, но и манерой выражения чувств. Изучая особенности манеры выражения удивления в русском и английском языках, Н. В. Дорофеева отмечает, что отличия обусловлены преобладанием в русском языке мифологического сознания, а в английском языке – рационального. Отмечая данную особенность, автор говорит, что для удивления русского человека присущ сакральный характер, проявляющийся в ощущении невозможности оказать влияние на явления окружающего мира, зависимости происходящих событий от воли высших сил. Русское удивление также характеризует зависимость от оценки окружающих, мимических проявлений, осведомленности субъекта, способности к регуляции эмоциональных проявлений. Английское удивление характеризуется предметным, индивидуальным характером языкового сознания (Дорофеева, 2002, с. 29).

По мнению Ю. Вьюнова, к достоинствам русского языка можно причислить выразительность и богатство оттенков, разнообразие стилей, что выступает лишним доказательством многогранности души русского народа (Вьюнов, 1997, с. 23).

Русский язык считается подвижным, открытым для заимствований, гибким к реформам. Отражение национального мышления в языке можно увидеть посредством произношения, грамматического строя речи, словарного состава языка, а также через выражения обозначающие явления жизни и душевное состояние самого народа. В данном аспекте интересно сравнить некоторые устойчивые выражения в русском и английском языках, передающие состояние счастья. Такое сравнение даст более глубокое понимание особенностей национального мышления и сути мировоззренческих взглядов, отраженных в языке.

В английском языке есть ряд устойчивых выражений, указывающих на состояние счастья у некоторых живых существ и отдельных категорий людей: «*as happy as a clam at high tide*» (счастлив, как ракушка во время прилива); «*in a sea weed*» (как ракушка в водорослях); «*as happy as a sand-boy*» (счастливый, как торговец песком); «*as a bug in a rug*» (как клоп в ворсинках ковра); «*as happy as a king*» (счастлив, как король); «*as a lark*» (как жаворонок); «*as happy as the day is long*» (счастлив, как длинный день). Смысл данных выражений нельзя воспринимать буквально, он сводится к тому, чтобы передать состояние счастья и жизнерадостности. Обращаясь к русскому языку, можно заметить, что устойчивых выражений, обозначающих состояние счастья и беспечности практически нет. Единственные выражения, имеющие отдаленный похожий смысл – это «доволен, как слон» и «счастливый, как дурак». Понять, почему русский народ придает негативный характер выражению счастья не представляется возможным. Данный вопрос можно отнести к загадочности русской души и особенностям национального мышления, которые в свою очередь могут быть обусловлены трудностями быта людей, для которых понятие счастья имеет призрачный, абстрактный характер. Может быть поэтому у русских людей бытует устойчивое представление о том, что счастливыми могут быть только дураки (Лебедева, 2003, с. 91).

Приведенный пример демонстрирует, что различное видение мира у разных народов выражается в национальном мышлении, которое передается посредством языковой формы. Результатом разных взглядов на мир также могут выступать обозначения вещей, предметов, явлений и действий, имеющие различный смысл в разных языках. Отметим, что национальные особенности мышления проявляются на всех уровнях владения языком, а не только в лексике и фразеологии. Так, в английском языке употребляется предлог: «*a bird is sitting in the tree*»; в русском языке будет употреблен предлог: «птица сидит на дереве». В обоих случаях подразумевается одна и та же ситуация, но ее описание различается. Еще одним вопросом, представляющим исключительный интерес с точки зрения взаимосвязи языка и мышления, является вопрос о том, как наиболее яркие черты национального характера, национальной культуры отражаются в языке. И наоборот: отражением каких национальных особенностей являются наиболее яркие черты языка? И насколько вообще правомерны спекуляции на эту тему? Например, правы ли те, кто в сложной системе форм английского глагола, содержащей шестнадцать времен, видят отражение активного, энергичного национального характера англичан, нацеленного на деятельность, действия всякого рода и, соответственно, требующего обилия разнообразных форм глагола, передающих всевозможные нюансы и оттенки различных аспектов действия?

Здесь следует отметить, что сам процесс образования понятий в культуре, по-видимому, вообще-то не подчиняется рациональным законам. Это можно подтвердить тем, как различные языки делят совокупность имен по родам – явление, которое не сможет рационально объяснить ни один лингвист. Почему в русском языке «дверь» женского рода, «пол» мужского, а «окно» среднего? В языке много таких фактов, которые не поддаются объяснению. Вместе с тем у многих знатоков иностранных языков есть смутное ощущение, что, например, то, что во французском языке есть только два грамматических рода – мужской и женский, некоторым образом связан с национальным менталитетом.

И можно ли однозначно истолковывать тот факт, что в русском языке порядок слов относительно свободный, тогда как в английском он фиксированный? Можно ли согласиться с исследовательницей, которая пишет: «Закрепившаяся в языке определенная закономерность организации слов в предложении создает достаточно четкую рамку для формирования национальной картины мира» (Мельникова, 2003, с. 123).

Развитие национального мышления в процессе изучения русского языка обусловлено также когнитивными факторами, то есть теми явлениями языка, которые отражают национальную специфику. Приведем несколько примеров из области синтаксиса. Для того, что понять выражения: «Евгений не был на тренировке» и «Евгения не было на тренировке», необходимо понимать национальные мыслительные процессы, заложенные в данных предложениях. В указанных предложениях ситуация отсутствия Евгения передается с различных точек зрения. В первом предложении определяются действия Евгения (Евгений не приходил на тренировку). Во втором предложении ситуация представления с позиции наблюдающего лица (наблюдатель не видел Евгения на тренировке). Данный пример демонстрирует особенность русского общения, заложенную в конкретном коммуникативном акте, то есть сам человек в процессе общения выбирает ту форму, которая на его взгляд наиболее верно отражает реальную ситуацию отсутствия. Приведем еще контекст, в котором русский человек с легкостью использует одну из структур, а иностранцу, изучающему русский язык, бывает довольно сложно сделать правильный выбор. Например: «Я не смог отдать Евгению письмо, поскольку его не оказалось дома, когда я приходил к нему» (предполагается, Евгения не было дома) и «Евгений не смог прочитать письмо,

которое я ему отнес, так как он еще на работе» (предполагается, Евгения не было дома). Данные примеры наглядно демонстрируют, что изучение конструкций русского языка способно с одной стороны приблизить иностранца к пониманию национального мышления, а с другой стороны создают трудности при изучении русского языка. Только стремление проникнуть и осознать особенности русского мышления иностранец будет способен почувствовать разницу между такими структурами языка как: «Я должен – Мне надо»; «Я хочу – Мне хочется»; «Я не могу – Мне нельзя».

Рассматривая структуру предложений русского языка, обратим внимание, как национальное мышление проявляется в специфике безличных предложений с возвратными глаголами процессуального характера. Например, такие состояния как: «В сосновом бору мне хорошо дышится»; «В дождь хорошо спится»; «Мне почему-то не сидится»; «В солнечный день хорошо работается» – невозможно передать двусоставными предложениями с невозвратными глаголами: «В сосновом бору я хорошо дышу»; «В солнечный день я хорошо работаю». Для того, чтобы передать состояние необходимо проникнуть в национальное сознание, отразить многообразие переживаний. Разнообразие построений предложений в русском языке отражают своеобразие души русского человека, его многогранность. Изучение русского языка позволяет иностранцу прикоснуться к внутреннему миру русских людей, лучше понять их и увидеть мир глазами русского человека (Величко, 2011, с. 87).

Особенность национального мышления русских проявляется также в семантическом разнообразии построения структуры предложений со значением отрицания. В русском языке встречаются различные ситуации отрицания: отрицание действий полностью, частичное отрицание действий, отрицание значимости действий, отрицание влияния действия на кого-либо. Например: «Какое там сделал! Когда мне делать! Зачем мне это делать! Для кого мне это делать!». Такое своеобразие отрицательной формы в русском языке зачастую невозможно передать в других языках. Можно предположить, что данное построение отражает специфику именно русского национального мышления и требует специального исследования.

Иностранец, изучающий русский язык сможет почувствовать себя более уверенно и комфортно, если он осознает, что некоторые языковые конструкции вызывают у него трудность именно потому, что они отражают особенность национального мышления русских людей, постарается понять, проникнуться этой особенностью и настроиться на мыслительный опыт носителей русского языка.

Подводя итоги рассуждений на эту сложную тему, можно констатировать, что все изучение иностранного языка пронизано взаимосвязью языка и мышления, поскольку если такое изучение направлено на практическое, активное владение им, последнее (т.е. осознанное использование языковых форм) возможно только после осмысления всех существенных закономерностей построения речи на этом языке.

Еще один пример касается сложноподчиненных изъяснительных предложений с союзными частицами *ли* и *не ... ли*: «Скажи, планируешь ли ты выступить на конференции?»; «Я решил спросить, не известен ли тебе исход данного события».

Для того чтобы определить, когда используется вариант изъяснительного предложения с союзной частицей *ли*, то есть положительный вариант, и когда предложение с *не ... ли*, то есть отрицательный вариант, следует учесть, с одной стороны, что сообщается в придаточной части, с другой стороны, что сообщает субъект главной части об этом сообщении, как он к нему относится, как он его представляет. В результате все сложное предложение отражает сопряжение содержания главной и придаточной частей. В том, какой вариант придаточного предложения выбирается, отражается разное отношение к ситуации со стороны субъекта главной части (Величко, 2011, с. 89).

На наш взгляд приведенные примеры позволяют понять, что изучение русского языка приближает иностранца к пониманию не только грамматического построения предложений и других конструкций, но и определить эти конструкции с позиции национальных особенностей русского мышления.

Заключение

Таким образом, язык выступает неотъемлемой частью национального мышления и имеет тесную взаимосвязь с сознанием человека в целом. Особенности национального мышления закреплены в языковых знаках и отражаются в языке посредством речи. Язык, на котором говорит человек, оказывает влияние на его восприятие окружающего мира. Само понимание языка происходит в процессе обучения и воспитания, в дальнейшем в процессе развития личности в целом. Язык связан не только с мышлением, в нем также отражены: психология человека, его жизнь и общественного сознание, история народа и его обычаи, национальная специфика восприятия мира, форма выражения культуры и искусства народа.

Изучение языка способствует развитию национального мышления. Поскольку изучение языка это не просто процесс познания грамматики и лексики языка, скорее это процесс понимания особенностей передачи национального видения мира, окружающих предметов и явлений. Выбирая ту или иную форму для коммуникации, человек руководствуется своими ценностями, субъективными представлениями о ситуации, стремлением донести определенный смысл своих слов. Поэтому изучение русского языка это еще и процесс изучения национального мышления, который приближает иностранца к пониманию не только самого языка, но и души русского человека.

Литература:

- БРУШЛИНСКИЙ, А. В. (2008): *Субъект: мышление, учение, воображение*. Москва: Издательство Московского психолого-социального института.
- ВЕЛИЧКО, А. В. (2011): Особенности усвоения лексических и грамматических явлений русского языка, обусловленные сходством и различием русского и национального языкового сознания. In: *МИРС*, №2, с. 85–90.
- ВОСТРИКОВА, Н. М. (2012): Понятие «мышление» в психолого-педагогической литературе. In: *Сибирский педагогический журнал*, №8, с. 255–259.
- ВЬЮНОВ, Ю. (1997): Истоки и основные свойства русского национального характера. In: *Русская духовная культура*. Москва: Наука.
- ГУМБОЛЬДТ, В. (1985): *Язык и философия культуры*. Москва: Прогресс.
- ДМИТРИЮК, Н. В. (2000): *Формы существования и функционирования языкового сознания в негетогенной лингвокультурной среде. Диссерт. ... доктора филол. наук*. Москва: Филол. ф-т МГУ.
- ДОРОФЕЕВА, Н. (2002): *Удивление как эмоциональный концепт. Автореф. дис...канд. филолог. наук*. Волгоград: ВГПУ.
- ИЛЬЕНКОВ, Э. В. (2003): О соотношении мышления и языка. In: *Альманах Восток*, №9, с. 67–73.
- КНЯЗЕВ, С. В. – ПОЖАРИЦКАЯ, С. К. (2003): *Современный русский литературный язык. Фонетика. Графика. Орфография*. Москва: Книжный дом.
- ЛЕБЕДЕВА, Л. А. (2003): *Устойчивые сравнения русского языка*. Краткий тематический словарь. Краснодар: Кубанский государственный университет.
- МЕЛЬНИКОВА, А. (2003): *Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности*. Санкт-Петербург: Речь.
- РУБИНШТЕЙН, С. Л. (2007): *Основы общей психологии*. Санкт-Петербург: Питер.

- ФЕСЕНКО, Т. А. (1999): *Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук.* Москва: Институт языкознания Рос. академ. наук.
- ХАВРОНИНА, С. А. – БАЛЫХИНА, Т. М. (2008): Инновационный учебно-методический комплекс. In: *Русский язык как иностранный: учебное пособие.* Москва: РУДН.
- ЧЕТВЕРТАКОВА, Ж. В. (2008): Язык как форма выражения национального характера. In: *Аналитика культурологии.* №12, с. 154–156.
- ЩУКИН, А. Н. (2003): *Методика преподавания русского языка как иностранного: учебное пособие для вузов.* Москва: Высшая школа.

Summary

The study of the Russian language as means of development of the national mindset

The article deals with the relationship of language and thinking. It is shown that language is the most important means of communication between people, and is inextricably linked with thinking, acts as a means of storage and transmission of information and management of social behavior. The language is presented in the form of a grammatical system of signs, virtually existing in the human head, whose role is to combine meaning and acoustic image. The article also presents the functions of the Russian language: it is an aspect of the formation of group identity; a means of communication and impact on the world; it gives the opportunity to express experience, to convince, to interact with the outside world. Language and thinking acting as a social phenomenon, determine each other: without thinking, people's activities would not carry meaning. Language is nothing but an organized structure of characters acting according to their own rules and laws. Words used in speech are based on language laws and reflect the process of thinking of a person and society as a whole. Different ways of thinking determine the choice of words, their order in the sentence, processing and correction – all this acts as a means of expressing human consciousness and can be determined by external influence. The process of translating mental activity into signs and symbols of speech is influenced by thinking and formed by the practice of social society. The article traces the understanding of how the study of the Russian language, a better understanding of the meanings of words and grammatical structures allows you to enter the world of Russian culture and understand the peculiarities of national thinking. Considering language as a means of national thinking, we can see that the word is not a reflection of things, it carries the ability to represent a thing from different positions, having their own individual sensual image. This quality of the word makes the language not just a sign system, but a specific form of national thinking inherent in a particular nation. The article also focuses on how national thinking is reflected in the language, which can be seen through pronunciation, grammatical structure of speech, vocabulary of the language, as well as through expressions denoting the phenomena of life and state of mind of the people.

Korespondence Wiesława Kazaneckého s Wilhelmem Przeczkem

Libor Martinek

Uniwersytet Wrocławski, Slezská univerzita v Opavě

martinek.libor@centrum.cz

Klíčová slova: Wilhelm Przeczek, Wiesław Kazanecki, české Těšínsko, Polsko, literatura národnostních menšin, korespondence

Keywords: Wilhelm Przeczek, Wiesław Kazanecki, Czech Teschen Silesia, Poland, literature of national minorities, correspondence

Polsky píšící spisovatel z českého Těšínska Wilhelm Przeczek¹ poznal polského básníka a publicistu Wiesława Kazaneckého (1939 – 1989) v červenci 1968 na literárním kurzu učitelů-spisovatelů v Gdyni, který byl organizován Hlavním výborem Svazu polských učitelů.

Krátce si tohoto významného básníka představme: Wiesław Kazanecki (10. 1. 1939 Białystok – 1. 2. 1989 Białystok), polský básník, prozaik, publicista. Jako básník debutoval v roce 1959. Básně, povídky a recenze zveřejňoval mj. v časopisech *Kamena*, *Kontrasty*, *Poezja a Zdarzenia*, které redigoval od roku 1978, ukázky z jeho tvorby vyšly i v kulturně-společenském měsíčníku pro polskou menšinu v České republice *Zwrot* a v polských novinách *Głos Ludu*. Vydal dvanáct sbírek poezie. Jeho posmrtnou literární pozůstalost zveřejňuje Podlaská knihovna (*Książnica Podlaska im. Łukasza Górnickiego*) v Białystoku. Od roku 1992 je v Białystoku přiznávána Literární cena Wiesława Kazaneckého udělovaná primátorem města (*Nagroda Literacka Prezydenta Miasta imienia Wiesława Kazaneckiego*).

V Gdyni kromě Kazaneckého poznal Przeczek celou řadu znamenitých osobností polské literatury a kultury, s nimiž pak rovněž udržoval přátelské kontakty, mj. Leszka Bakuła, Stanisława Nyczaje, Jerzyho Lesława Ordana, Stanisława Srokowského nebo Bogusława Żurakowského. V té době vrcholilo v Československu Pražské jaro, a když se Przeczek loučil se svými kolegy, varovali ho: „Wy Czeski tam tak nie podskakujcie, bo przyjdzie Ruski i da wam w dupę.“ Przeczek se vrátil 20. srpna a o den později vstoupily armády Varšavské smlouvy do Československa.

¹ Wilhelm Przeczek se narodil 7. 4. 1936 v Karvině do rodiny s hornickou tradicí. Dětství a mládí prožil ve staré Karvině. V r. 1956 maturoval na Pedagogickém gymnáziu v Orlové, poté působil jako učitel na polské základní škole v Horní Suché. Po absolvování základní vojenské služby v Prešově a Českých Budějovicích byl zaměstnán v letech 1958 – 1964 jako učitel na polských školách v Československu, v r. 1964 nastoupil do funkce inspektora pro kulturu v okrese Frýdek-Místek. V letech 1966 – 1968 studoval na Vysoké škole politické v Praze, od r. 1968 do r. 1969 pracoval jako redaktor polských novin pro polskou menšinu v České republice *Głos Ludu* v Ostravě, poté byl propuštěn za svůj protest proti vstupu vojsk Varšavské smlouvy do Československa. V letech 1970 – 1977 byl zaměstnán jako herec, režisér a dramaturg loutkového divadla *Bajka* v Českém Těšíně a v letech 1978 – 1980 zastával funkci instruktora pro kulturu hlavního výboru Polského svazu kulturně-osvětového v Českém Těšíně (HV PZKO). Pak se vrátil do školství, odučil několik hodin na základní škole v Hnojníku, ale hned byl odvolán po intervenci OV KSČ, neboť prý „pravicový oportunista“ nemůže učit děti. Tlak, jenž byl na Przeczka vyvíjen, se projevil na jeho zdraví, půl roku byl nemocen a poté mu byl přiznán částečný invalidní důchod. Několik měsíců byl zaměstnancem HV PZKO, avšak v době potlačování *Solidarity* v Polsku byl v r. 1981 propuštěn. Několik měsíců prožil bez práce, pak jej znovu zaměstnal PZKO až do konce roku 1983. V r. 1984 se mohl vrátit do školství, v letech 1984 – 1992 učil na částečný úvazek na polské základní škole v Jablunkově, po mozkové příhodě odešel do invalidního důchodu. V březnu 1990 se dočkal úplné svazové, společenské a profesní rehabilitace. Zemřel 10. 7. 2006 v Trinci.

Během tzv. normalizace vedl básník z Bystřice nad Olší korespondenci se svým białostockým přítelem, osobně se setkali v Białystoku, kam byl Przeczek jako zaměstnanec československého loutkového divadla Bajka vyslán na Festival jednoho herce na začátku roku 1971 a příležitostně se setkávali během dovolených u Baltského moře nebo na literárních festivalech v Polsku, například na literárním setkání Pisarz i ziemia v Opolí v dubnu 1978. Konečně společný přítel obou básníků, polonista a básník Jan Leończuk (*1950) navrhl Przeczkovi během literárního festivalu v polském Břehu (Brzeg) v říjnu 1999, že by vydal korespondenci Wiesława Kazaneckého s bystřickým básníkem. Výsledkem byla edice *Listy Wiesława Kazaneckiego do Wilhelma Przeczka* (Białystok, 2000), která obsahuje bohužel jen dopisy Kazaneckého adresované Przeczkovi.² Proč nebyla do svazku zařazena také Przeczkova korespondence, když už se dochovala, nám není známo (literární pozůstalost Kazaneckého je spravována Podlaskou knihovnou v Białystoku, které byl ostatně Leończuk ředitelem). Není vyloučeno, že edičním záměrem bylo vydání pouze dopisů W. Kazaneckého, jelikož šlo o první svazek edice *In memoriam*, v níž měly vycházet dosud nevydané texty autora.

Jak uvádí adresát W. Przeczek: „Ucieszyłem się z tego faktu i wyraziłem radośnie zgodę na przedsięwzięcie, bo zostanie uratowana pamięć tamtego czasu. Pamięć magnetyczno-kreatywna, reanimacja czasu, który – wiadomo – odchodzi nieubłagane... Dla mnie listy Wiesława Kazaneckiego były źródłem oparcia, dodawał mi w nich otuchy (...). W sumie jest tych listów około pięćdziesięciu.“ (Všechny citace uvedené v tomto článku pocházejí ze zmíněné edice korespondence.) Vydáno bylo ve výběru kolem třiceti dopisů Kazaneckého.

Z této korespondence zde přinášíme několik ukázek ve formě úryvků proto, že poodhalují dobový, značně složitý kulturně-společenský kontext, ve kterém bylo oběma spisovatelům a publicistům dáno tvořit.

V dopise odeslaném 29. 1. 1969 z Białegostoku reaguje Kazanecki na situaci v Československu po srpnových událostech roku 1968 a po smrti Jana Palacha (19. 1. 1969):

„(...) Wyobrażam sobie, co musiałeś i musisz przeżywać, wyobrażam sobie jak przeżywają ostatnie wydarzenia Polacy na Zaolziu. Szkoda Wilku, że nie mamy okazji porozmawiać »na żywo«, bez pośrednictwa papieru. Musisz być bardzo rozczarowany tym, co się ostatnio u Was dzieje. Obawiam się jednak, że to co wiesz jest bardzo egzotycznym zapisem tragicznej i cholernie skomplikowanej sytuacji. Dla tego czuję potrzebę rozmawiania – chociaż właściwie wszystko jest proste i jednoznaczne, skomplikowany jest tylko mechanizm. Polityka we współczesnym świecie nie jest już jak dawniej, od tysiącleci, zwykłą zawodową k..., stała się jakimś monstrum, samodzielnym potworem, być może nieuleczalnym rakiem toczącym społeczeństwa XX wieku.“

Kazanecki také představuje svůj názor na soubor povídek a črt *Skrzyżowanie* (Przeczek je zde zastoupen spolu s W. Sikorou; Český Těšín, 1968). Jde o kritický pohled kolegy, jenž stojí rovněž za zmínku: „»Skrzyżowanie« przeczytałem uważnie – trudno wrażenia opisać w jednym liście – może poświęce im oddzielny, w każdym bądź razie uzbierało mi się podczas lektury sporo uwag – i pozytywnych i negatywnych. Najbardziej odpowiada mi klimat tych miniatur prozą – subtelność w zarysowaniu postaci i sytuacji, w drażeniu ludzkiego losu, jak »Kret«, natomiast rażą nieco niedopracowania, nie wykorzystana możliwość pewnych motywów itp.“ Dodejme, že sami jsme měli při četbě tohoto souboru podobný dojem, nevyužití některých motivů by se mohlo podle našeho soudu týkat črty *Krok*.

² Zbytek korespondence zůstal uchován u vdovy po básníkovi Haliny Kazanecké.

Fakt, že jeho přítel Wilhelm (přezdívaný Wilk) přišel o zaměstnání v Głosu Ludu, že byl určitou dobu bez práce, přestože byl vzděláním učitel, ale jako „pravicový oportunista“ nesměl pracovat ve školství, si uvědomoval také Kazanecki v dopise z 27. 8. 1969:

„Niepokoją mnie, Wilku, Twoje losy, tym bardziej że nie rozgrywają się w jakichś ubocznych kategoriach, ale właśnie w zasadniczych uczuciowych, o pierwszorzędym dla ludzi znaczeniu.“

Poté, co přišel vysvětlující dopis od dlouho neodpovídajícího kolegy z Československa, kterého Kazanecki marně zval k sobě na letní prázdniny, píše autor sbírky veršů *Kamień na kamieniu* (Katowice, 1964) na úvod svého dopisu z 2. 12. 1969 několik útěšných vět, které zároveň obsahují jakési vlastní autorské i životní krédo pisatele:

„Drogi, Kochany Wilku! – rozumiałem Twoje długie milczenie, broniłem się jednak przed dopuszczeniem do siebie myśli ukazujących przyczyny, których (pomimo wszystko) mętnie się domyślałem. Milczenie Twoje niepokoiło mnie tym bardziej, że przecież obawa o Twoje losy nasuwała najgorsze przypuszczenia. – Urasta jeszcze bardziej, kiedy stało się już jasnym, że nie przyjedziesz do B-stoku. Czekaliśmy razem z Haliną, planowałem różne fajne rzeczy – jeziora, żubry, puszcza, starowiercy, Tatarzy itp. (...)“

Wilk – powinieneś spytać pewnych ludzi chyba tylko o jedno: dlaczego trzymają Ciebie w stanie maksymalnego napięcia nerwów – przecież to jest bezmyślné, bezduszne okrucieństwo, a jeżeli to jest zamierzone, to godné jedyné pogardy. Ciesze się, że opanowałeś swoje rozbitie na »mikroświaty« – pisanie to wspaniałé lekarstwo, a jednocześnie wierzę, że właśnie pisanie (czy w ogóle twórczość artystyczna) jest najwspanialszym zajęciem jakie w ogóle może wybrać człowiek. Wilku – wiesz, że nie będzie tzw. wielkich słów, właściwie teraz czuję ich potřebę – chyba nigdy nie mówiliśmy sobie tego wprost – a przecież jesteśmy przyjaciółmi od pierszego dnia, kiedy podaliśmy sobie ręce – jeszcze w pierszej chwili z rezerwą.

I pamiętaj Wilku – cokolwiek by się stało, zawsze przyjaciółmi pozostaniemy, bo nasza przyjaźń ma w sobie coś metafizycznego, wyczuwalného zmysłem nie należącym na co dzień. Bardzo rzadko zdarza się coś tak autentycznego i spontanicznego, i dlatego właśnie jest tak cenne. Szkoda, że nasze miejsca zamieszkania oddziela granica, tak rzadko możemy pogadać! (...)“

Życzę Ci Wilku jak najpomyślnějšího zakończenia wszelkich spraw – przede wszystkim życzę Ci najwspanialszych książek, to chyba one dadzą Ci najistotnějšíą satysfakcję. Przez cały czas trzymam za Ciebie kciuki. (...) – pamiętaj, że w życiu (w myśl prawa wielkich liczb) musí zostać zachována (w sumie) równowaga między dobrym i złym losem – po nepomyślných dnech albo nawet latach musí nastąpić okres szczęśliwy, tym szczęśliwszy, im większe były nepowodzenia i przeciwné – po sukcesach przychodzą porażki, klęski. Wierzę, że síly (wysokie, bardzo vysoké, metafizyczne) kierujące naszym życiem ponad wszystko oddały istnienie každej jednotki bilansem idealnie wyważajícím szczęście i tragedie. (...) Nie píšę tego, żeby pocieszyć Ciebie – byłoby to płaským i nepotrzebným, ale po prostu od bardzo dawna wierzę w také prawo i pomaga mi ono z dystansem patrzeć na własné sukcesy i na własné nepowodzenia. Liczy się tylko pisanie – kreacja światów zbudowanych ze słów trwałých jak cegła, której używali Rzymianie – i to właśnie po wielu pozostanie – to i własna twarz, której – jeśli ma odwagę ją zachować, przeciwností nepotrzebną ponad oparami podłóci i brudu – chwala mu. Wybacz patos, ale cóż może być bardziej godné patosu od zmagañ człowieka o zachowanie tamtej – własnej twarzy. (...)“

Kazaneckého dopis z 27. 1. 1971 přináší přeci jen jednu dobrou zprávu adresátovi listu:

„Kochany mój Wilku Górzystych Terenów!“

Na razie tylko sygnał – w marcu w »Kontrastach« będzie drukowany jeden z wierszy cyklu, który mi przesłałeś. Sprawa dość długo nie była wyjaśniona – a ja czekałem z tygodnia na tydzień, bo chciałem Ci w końcu przesłać jakąś wiadomość w miarę dobrą. U mnie ostatnio spore zmiany. Chyba od 1 lutego porzucę pracę w szkole i obejmę dział literacki w »Kontrastach«. Będę miał więcej czasu na pisanie. No i – o wiele atrakcyjniejszą pracę.“

V dopise z 28. 10. 1973 se nachází zmínka o tom, že Przeczkovi vyšla v čísle časopisu Kontrasty ze září onoho roku báseň, avšak Kazanecki neuvádí její název. (Jde o báseň *Krajobraz zimą przyswojony* /Krajina přisvojená zimou/, kterou Kazimierz Kaszper zařadil do výboru *Smak wyciszenia*. Vyšla v časopise Kontrasty z r. 1971, č. 3.) Každopádně vybízí autora, aby posílal více básní, prózy atd. V dopise z 20. 3. 1977 prosí Kazanecki, aby mu Przeczek poslal exemplář měsíčníku Zwrot, kde vyšla jeho báseň *Szara godzina* (Černá hodinka).

V době, kdy byl Wilhelm Przeczek na festivalu loutkových divadel v Białystoku, jenž probíhal ve dnech 24. 6. – 28. 6. 1973, zažil spolu s Wiesławem Kazaneckým příhodu, která jím otřásla:

„(...) wieczorem przechodziliśmy z Wiesławem przez park otaczający Pałac Branickich. Nagle zza drzewa wyłoniła się stara Cyganka zatrzymując mnie propozycją, że powróży mi z ręki. Spojrzałem na Wieska pytając, ale skinął głową, więc wyciągnąłem rękę w jej kierunku. Zaczęła wróżyć, ale nagle wróżbę przerwała... (...) Przygoda z Cyganką w obecności Wieska w parku Branickich była dla mnie potem stale owiana tajemniczością... Po powrocie z Białegostoku zachorowałem bardzo ciężko i spędziłem kilka miesięcy w sanatorium. Wydawało mi się, że owa Cyganka zobaczyła wtedy tę moją przyszłość i dlatego przerwała wróżenie. Z Wiesiem nigdy potem nie rozmawialiśmy o tym zajściu... napisałem list do Jerzego Ficowskiego z prośbą, żeby spróbował mi wyjaśnić tamto białostockie wydarzenie. Pan Jerzy Ficowski przesłał mi swoją książkę »Gałązka z drzewa słońca« i na pierwszej stronicy wpisał następującą dedykację:

»Drogiemu Panu Wilhelmowi Przeczkowi w odpowiedzi i z podziękowaniem za Jego – zaczarowany list –

Niech Pan nie szuka niepokoju w tej niedoszłej wróżbie z Białegostoku... teraz 'powróże' ja: Cyganka 'zobaczyła' w Pana najbliższej przyszłości mgłę, białą plamę (= amnezję) i zaniechała wróżby. To wszystko. Teraz jest Pan już po drugiej stronie tej – bezpowrotnej! – mgły!

Życzę (wróżyć) dużo dobrego

Jerzy Ficowski³

Warszawa; 21 II 1985 r.«“

V jiných dopisech převážně z r. 1977 reaguje Kazanecki na básně, které mu Przeczek poslal. Jde o zajímavé postřehy, avšak vesměs velmi obecného rázu, v nichž nacházíme i slova chvály za to, že autor dokázal najít svůj vlastní básnický hlas. V dopise z 9. 10. 1979 děkuje Kazanecki za exempláře měsíčníku Zwrot a o Przeczkově rubrice v tomto časopise, v níž představoval čtenářům soudobé spisovatele, se vyjadřuje jako o velmi zajímavé, nápad zavést tuto rubriku a její realizaci označuje za výborné.

Dopis z 30. 11. 1979 obsahuje upřímnou gratulaci k literární ceně – Lampa Górnicza, která byla Przeczkovi udělena ve Wałbrzychu:

„Bardzo mnie ucieszyła wiadomość o Twoim sukcesie. Był i potrzebny Ci – i zarazem najrzetelniej zasłużony. Z przyjemnością obejrzałem Cię w telewizji, przez przypadek zresztą,

³ Jerzy Ficowski (1924 – 2006) byl polský básník, esejista, textař, prozaik, překladatel (ze španělštiny, romštiny aj.), znalec židovského a romského folkloru, odborník na tvorbu Bruna Schulze.

bo rzadko ostatnio zasiadam przed telewizorem (...). Nic (zupełnie nic) nie zmieniłeś się przez te lata naszego niewidzenia – na ekranie rozpoznałem Cię takim, jak w czasie naszego ostatniego (chyba w Opolu) spotkania.“

V lednu 1981, tedy v době, kdy se zhruba půl roku před tím přihlásilo o slovo hnutí Solidarita v gdaňských loděnicích, píše Kazanecki v obecné rovině o atmosféře té doby:

„Okres jest cudowny i zarazem ciężki. Ludzie wypięknieli, ulice wyszlachetniały, twarze stały się bardziej otwarte, przyjazne i ludzkie, w przeżyciach jest więcej PIĘKNA, w myślach więcej SUMIENIA, w zdarzeniach kształtuje się EPOPEJA, która będzie śpiewana. Nawet jeśli pieśniarze oślepną lub zostaną oślepieni, nie zaszkodzi to epopei, bo do PIĘKNA potrzebne są OCZY po to tylko, żeby je ZOBACZYĆ. To wystarczy by potem ŚPIEWAĆ, nawet oślepiiony. (...) Czytałem trochę Twoich wierszy w polskiej prasie. Podobały mi się – i myślę, że najwyższy już czas, abyś wydał książkę poetycką!“ (Graficky zvýraznil autor.)

Poslední z dopisů umístěných ve svazku *Listy Wiesława Kazaneckiego do Wilhelma Przeczka* je datován 3. 8. 1983. Pisatel v něm děkuje adresátovi za sbírku *Śmierć pomysłu poetyckiego* (Łódź, 1981) s věnováním a zároveň se svěřuje, že odlétá do USA. Jak se dozvídáme ze závěru ke knize, ze Spojených států amerických pak ještě Przeczek dostal od Kazaneckého pár pohlednic.

Část dopisů (do roku 1973) obsahuje krátké přípisy básníkovy manželky Haliny Kazanecké⁴. Přes svou stručnost doplňují dopisy o další text v podobě komentáře nebo záměrného protikladu k tomu, co bylo napsáno jejím manželem, a samozřejmě o ženské vidění skutečnosti. Někdy upřesňují, jindy poodhalí sdělené, avšak laskavou formou.

Shrme-li řečené, dá se říci, že dopisy W. Kazaneckého adresované W. Przeczkovi doplňují nejen obraz života předčasně zesnulého a talentovaného básníka, o což zejména šlo editoru svazku Janu Leończukovi, ale zprostředkovaně jsou kamínkem do mozaiky životopisu bystrického básníka. Důležité jsou i Przeczkovy komentáře, které osvětlují mnohé z toho, co bylo v dopisech jen naznačeno a co bylo původně určeno pouze adresátu této korespondence. Epistolografický počín *Listy Wiesława Kazaneckiego do Wilhelma Przeczka* v každém případě znamenal přínos obrazu polské literatury na Záolží, škoda jen, že nebyl v knižně vydaných dopisech dán hlas i druhému aktéru z českého pohraničí.⁵

Literatura:

KAZANECKI, W. (1964): *Kamień na kamieniu*. Katowice: „Śląsk“.

LEOŃCZUK, J. (ed.) (2000): *Listy Wiesława Kazaneckiego do Wilhelma Przeczka*. Białystok: Książnica Podlaska im. Łukasza Górnickiego.

PRZECZEK, W. (1981): *Śmierć pomysłu poetyckiego*. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie.

PRZECZEK, W. (1999): *Smak wyciszenia*. K. Kaszper (ed.). Český Těšín: Snoza.

PRZECZEK, W. – SIKORA, W. (1968): *Skrzyżowanie*. Český Těšín: Zwrot.

Summary

The correspondence of Wiesław Kazanecki with Wilhelm Przeczek

Polish writer Wilhelm Przeczek (1936 Karviná – 2006 Třinec) met the Polish poet and publicist Wiesław Kazanecki (1939 – 1989) in July 1968 at the Gdynia Writers' Literature Course organized by the Main Committee of the Polish Teachers' Union. Since then, their correspondence has been dated.

⁴ Dodejme, že H. Kazanecka pocházela z opolského Slezska, kde žili její rodiče.

⁵ Podlaská knihovna nemá podle našeho zjištění ve svém archivu deponovány Przeczkovy dopisy adresované Kazaneckému. Ty se zatím nacházejí u dědičky autorských práv, jeho manželky Haliny Kazanecké.

The letters of W. Kazanecki addressed to W. Przeczek complement not only the picture of the life of the prematurely deceased and talented poet, but they are mediated by the stones in the mosaic of the biographer's biography living long-term in Bystřice nad Olší. Also noteworthy are Przeczek's comments, which illuminate much of what was just outlined in the letters and what was originally intended only for the addressee of this correspondence. The book epistolography „Listy Wiesława Kazaneckiego do Wilhelma Przeczka” ("Letters of Wiesław Kazanecki to Wilhelm Przeczka") in any case brought a contribution to the picture of Polish literature at Czech Teschen Silesia, a pity only that no other spokeswoman from the Czech border was given a voice in the books.

Terminologický a kolokačný glosár gastronómie pre potreby školskej praxe

Miroslava Pribulová

Inštitút germanistiky, Filozofická fakulta, Prešovská univerzita v Prešove
miroslava.pribulov@gmail.com

Kľúčové slová: odborný jazyk, termín, terminologická analýza, terminologický produkt, paradigmatické vzťahy, gastronómia, kolokácie

Key words: professional language, term, terminological analysis, terminological product, paradigmatic relationships, gastronomy, collocations

Úvod

Prehlbovanie medzinárodného prepojenia sa začlenením Slovenska do Európskej únie citelne dotýka rôznych oblastí nášho života. Globalizačné procesy sa výrazne prejavujú v ekonomickej oblasti, ale tiež v politike, ekológii, medicíne či v kultúre. Neodmysliteľnou súčasťou globalizácie je nepochybne aj prepojenie v oblasti služieb, služieb vo všeobecnom ponímaní, podmnožinou ktorých sú aj služby poskytované v oblasti hotelierstva a gastronómie. Multikultúrne prepojenie prinieslo do obchodov tovar pre nás nie v takej dávnej minulosti ešte nedostupný. Vďaka tomu dnes bez ohľadu na ročné obdobie nachádzame v obchodoch a obchodných reťazcoch s potravinovým sortimentom potraviny a nápoje z rôznych kútov sveta, v zariadeniach reštauračného či hotelového charakteru sú pre hostí a klientov pripravované pokrmy a nápoje rôznych medzinárodných kuchýň, v mnohých prípadoch odborne vyškoleným personálom, ktorý svoje praktické zručnosti a teoretické poznatky nadobudol priamo pri výkone pracovnej činnosti v takomto zariadení v danej krajine.

Myšlienka duálneho vzdelávania na úrovni stredoškolského odborného vzdelávania získava v poslednej dobe na význame. Zahraničný pracovný trh ponúka v tejto oblasti množstvo príležitostí. Zároveň sú kladené požiadavky na prípravu nielen odborne kvalifikovaných, flexibilných, ale aj v cudzom jazyku komunikatívne spôsobilých uchádzačov, čo vyžaduje dostatočnú terminologickú výbavu v danej odbornej oblasti.

Súčasnosť prináša množstvo informácií, množstvo slovného materiálu, ktorého dokonalá percepcia je nevyhnutným predpokladom práce s danou informáciou, ktorej nositeľom je lexikálna jednotka. Pomocníkom na dešifrovanie obsahu pojmu sú rôzne typy slovníkov či glosáre. Zmena spoločenských pomerov a medzinárodná prepojenosť krajín v ekonomických, politických segmentoch či segmentoch kultúrneho i spoločenského života kladie vysoké nároky aj na odborný preklad, čo, samozrejme, vyžaduje jazykovú pripravenosť prekladateľov.

V našom výskume sa venujeme problematike terminológie z oblasti gastronómie. Naším cieľom je zostavenie dvojazyčného terminologického a kolokačného glosára vybraných lexikálnych jednotiek so zameraním na jeho aplikáciu pre potreby školskej odbornej praxe.

1 Odborný jazyk

Podľa Flucka (1985, s. 15) je odborný jazyk súborom všetkých jazykových prostriedkov, ktoré sa používajú v komunikačnej oblasti ohraničenej istým vedným odborom na to, aby sa zabezpečilo dorozumievanie sa ľudí pôsobiacich v tomto odbore. Aj Felber (1986, s. 133) a neskôr aj Hoffmann (1987, s. 53) definujú vo svojich publikáciách odborný

jazyk podobne ako Fluck; Felber hovorí aj o oblasti vymedzenej okruhom istej profesie. Drozd (1973, s. 81) pokladá odborný jazyk za „súhrn jazykových prostriedkov, ktoré sú viazané na určitú oblasť ľudskej činnosti, sú charakteristické pre určitý špecifický štýl a odlišujú sa od iných štýlov“. Neskorší autori Möhn a Pelka (1984, s. 26) ho definujú ako „variant celého jazyka, ktorý slúži na poznanie a pojmové určenie predmetov charakteristických pre určitý odbor, ako aj na dorozumievanie o nich, a tým spĺňajú požiadavku špecifickej komunikácie v určitom odbore“.

Odborný jazyk však nemožno vnímať jednoznačne iba ako prostriedok komunikácie medzi odborníkmi v konkrétnej odbornej oblasti, napr. v gastronómickom segmente medzi kuchármi, respektíve medzi viacerými príbuznými oblasťami prislúchajúcimi danému vednému odboru, ako napríklad v gastronómickom sektore medzi kuchármi, čašníkami, servírkami či barmanmi navzájom. Odborná komunikácia presahuje hranice tejto komunikácie medzi odbornou verejnosťou, a to o to viac, čím je jej kontakt s laickou verejnosťou užší a frekventovanejší.

Podstatnú časť slovnej zásoby v oblasti gastronómie tvoria lexikálne jednotky pomenúvajúce požívatiny. Tie sú akosi základnou kostrou terminológie tejto odbornej oblasti. Pre túto oblasť odborného jazyka je samozrejmosťou, že s ňou laický používateľ prichádza bežne, často každodenne do kontaktu v spojitosti so zabezpečovaním základnej životnej potreby, ktorou je stravovanie. Diapazón lexikálnych jednotiek, ktorými sa pomenúvajú pojmy v sústave daného odboru je však oveľa širší.

Pre odborný jazyk je príznačné, že na jeho porozumenie je potrebný istý stupeň odborného vzdelania alebo aspoň všeobecný rozhľad v danom odbore. Receptívna či produktívna podoba odborného textu vyžaduje odbornú pripravenosť a určitý stupeň orientácie v odbornom kontexte, v ktorom sa preklad realizuje.

2 Terminologický produkt

Termíny sú neoddeliteľnou súčasťou slovnej zásoby spisovného jazyka. Podľa niektorých autorov nemusia byť na rozdiel od neterminologických pomenovaní viazané na kontext, zatiaľ čo bežne používané slovo závisí od významu ostatných slov v kontexte. Ako uvádza Horecký (1956, s. 58): „Význam termínu musí vždy vyplývať z neho samého, a to od samého začiatku, keď bol vybraný na vyjadrenie určitého pojmu“.

Pod pojmom terminologický produkt rozumieme produkt v podobe zostaveného terminologického slovníka, glosára, respektíve terminologickej banky či databázy ako výsledok terminologickej práce terminológa. Ten pri svojej terminologickej práci vychádza z pojmového aparátu konkrétneho vedného odboru, aplikuje onomaziologický postup, t. j. postupuje od významu k forme a smeruje k finálnemu produktu, ktorým je jednoznačný a presný odborný pojmový aparát daného odboru, využívaný pri odbornej komunikácii. Norma STN ISO 1087 – 1 Terminology work – Vocabulary uvádza nasledujúce terminologické produkty: terminologická banka (term bank), terminologická databáza (terminological database), terminologický záznam (terminological entry), terminologický slovník (terminological dictionary). Jurčacková (2002, s. 44–46) delí terminologické produkty z hľadiska určenia na: 1. terminologické slovníky, ktoré sú súborom terminologických záznamov reprezentujúcich informácie o pojmoch a označeniach z jednej alebo viacerých tematických oblastí. V tomto slovníku sa prejavujú znaky termínu určené definíciou a pozíciou v sústave termínov. 2. terminologické normy a 3. terminologické databázy. Vymedzenie pojmu terminologický slovník nie je u všetkých autorov jednotné. V každom prípade je jeho zaradenie do skupiny sémantických slovníkov jednoznačné. Norma STN ISO 1087 – 1 terminologická práca – slovník ho definuje ako súbor terminologických záznamov reprezentujúci informácie v jednom alebo viacerých jazykoch spolu s ekvivalentmi, ktoré sa vzťahujú na pojmy alebo označenia z jednej alebo viacerých špecifických tematických

oblastí. V angličtine sa vo význame jednojazyčného zoznamu označení a definícií v určitej tematickej oblasti používa aj výraz *glossary*. Slovník súčasného slovenského jazyka uvádza k heslu *glosár*¹ definíciu: „dvojazyčný al. viacjazyčný odborný slovník menšieho rozsahu s jednoduchou štruktúrou hesiel“. Norma STN ISO 1087 – 1 Terminology work – Vocabulary rozoznáva dva druhy terminologických slovníkov: 1. terminologický slovník výkladový (*vocabulary*), ktorý obsahuje označenia a definície z jednej alebo viacerých špeciálnych tematických oblastí, a 2. terminologický slovník prekladový (*glossary*), ktorý obsahuje označenia z určitej tematickej oblasti spolu s ekvivalentmi v jednom alebo viacerých jazykoch. Pre potreby našej výskumnej práce budeme pracovať s pojmovým vymedzením prekladový terminologický slovník (*glosár*) ako zoznam termínov, ktoré prislúchajú určitej tematickej oblasti spolu s ich ekvivalentmi v jednom alebo viacerých cieľových jazykoch. Skôr ho chápeme ako abecedný súpis odborných pomenovaní s cudzojazyčným prekladovým ekvivalentom a spravidla viazaný na konkrétnu publikáciu, ktorej je súčasťou, respektíve jej doplnkom, čomu zodpovedá aj definícia pojmu *glosár* uvedená v on-line verzii nemeckého výkladového slovníka Duden: „selbstständig oder als Anhang eines bestimmten Textes erscheinendes Wörterverzeichnis (mit Erklärungen)“²

Prekladový *glosár* nemožno považovať za úplne vyčerpávajúci, pretože neobsahuje dostatok údajov k heslovému slovu, a predovšetkým absentuje kontextová exemplifikácia významu hesla s cieľom ilustrovať používanie významu termínu v danom kontexte. Cíbková (2012, s. 139) uvádza, že kontext termínu bližšie definuje, vysvetľuje, poukazuje na jeho gramatické použitie, pojmové vzťahy, kolokáciu. Slovník cudzích slov (Šaling a kol., 1997, s. 284) definuje kontext ako „súvislú časť textu, v ktorej možno určiť vzájomné vzťahy medzi jazykovými, kompozičnými alebo tematickými jednotkami, alebo ako textovú spojitosť, súvislosť“. Norma STN ISO 1087 – 1 Terminology work – Vocabulary definuje kontext (*context*) ako text, ktorý ilustruje pojem alebo používanie označení. Jurčacková (2002, s. 33) uvádza, že „pod kontextom sa v terminologickej práci rozumie pomocný text, ktorý objasňuje pojem a použitie označenia pojmu“. Cíbková (2012, s. 68) konštatuje, že napriek tvrdeniam niektorých autorov, že termíny sú kontextovo nezávislé, teda autonómne, pre potreby terminológie je nutné v rámci určitého odboru a kultúry používať pojem definičný kontext, v ktorom termín nadobúda svoj plný význam. Pod definičným kontextom rozumie aj skutočnosť, že termín môže byť aj generickým pre viaceré vedné odbory, teda nemusí vystupovať iba v rámci jedného vedného odboru, čo je oveľa príznačnejšie pre spoločenské vedy v porovnaní s exaktnými vedami, kde nepodlieha v takej miere dynamickým procesom (ibid.). Termín, či už vo svojej autonómnej podobe, alebo zasadený do určitých kontextových situácií v danom vednom odbore, respektíve vo viacerých vedných odboroch, je prvkom odbornej komunikácie.

3 Gastronómia ako tematické pole na excerpciu lexikálnych jednotiek

Vychádzajúc z etymológie slova, objavujúceho sa už v období antického Grécka, kde pojem *gastros* označoval žalúdok a *nomos* zákon, normy, pravidlá, hovoríme o oblasti, ktorá súvisí so zabezpečovaním výživy rešpektujúc určité pravidlá.

V prvej polovici 19. storočia sa vo Francúzsku slovo prijíma za oficiálne a zaraďuje do slovníka francúzskeho jazyka (Černý, 2005, s. 3). Neskôr francúzsky právnik Brillat-Savarin (2012, s. 33) uvádza definíciu gastronómie, ktorú však poníma skôr v širšom meradle. Opisuje ju ako vedu, ktorá sa zaoberá skúmaním všetkého, čo súvisí s výživou človeka, s cieľom bdiť nad zachovaním individua prostredníctvom čo možno najlepšej stravy. Gastronómii nie je

¹<https://slovník.juls.savba.sk/?w=glos%C3%A1r&s=exact&c=y2f2&d=kssj4&d=psp&d=sssj&d=scs&d=sss&d=peciar&d=hssjV&d=berolak&d=nounb&d=locutio&d=obce&d=priezviska&d=un&d=pskcs&d=psken#>>

²<https://www.duden.de/rechtschreibung/Glossar#Bedeutung2>>

možné jednoznačne zaradiť do systému vied ako presne vymedzený odbor z oblasti prírodných, technických, spoločenských, lekárskejších či ekonomických vied a pod. Oriška (1998, s. 24) uvádza, že ide o spoločensko-ekonomickú činnosť, ktorá zahŕňa prípravu jedál a pokrmov výrazných chuťových a estetických vlastností a kvalít, ich pestrosť, rozmanitosť, spôsob organizovania ich prípravy, ponuku a predaj z hľadiska špecializácie jednotlivých činností a profesií, ktoré ich zabezpečujú. Aj Brillat-Savarin nachádza súvislosti a spojitosti s inými vednými disciplínami, prírodnými (chémia, biológia, fyzika) či ekonomickými. Tento vzájomný prierez sa potom prejavuje aj preberaním pojmového aparátu a jeho aplikáciou tak vo všeobecnej, ako aj v odbornej rovine.

4 Metodologické východiská a východiskový korpus

Zber dát, v našom prípade lexikálnych jednotiek zaradených do finálneho terminologického produktu, dvojazyčného glosára, predchádzal výber zdrojov potrebných na následnú excerpciu vybraných hesiel. Uplatňujúc empirickú kvalitatívnu metódu sme vychádzali z odbornej učebnicovej literatúry spracovanej podľa platných inovovaných pedagogických dokumentov a schválenej Ministerstvom školstva Slovenskej republiky pre študijné odbory hotelová akadémia. Vyexcerpované heslá z tematického poľa *gastronómia* sme následne zaradili do už vopred vyčlenených oblastí a podoblastí, ktorými sme takto podrobnejšie štruktúrovali celé tematické pole. Vyexcerpované heslá a rovnako aj príslušný sprievodný kontext sme podrobili analýze. Terminologická analýza verbálnych produktov prebiehala na úrovni kontrastívneho porovnávania a zisťovania rozdielov obsahu definícií vo východiskovom slovenskom a cieľovom nemeckom jazyku pre potreby výberu semaziologicko-onomaziologických paradigiem. Na demonštráciu uvádzame použitú schému členenia:

1. POŽÍVATINY

- 1.1 potraviny – a) potraviny a suroviny rastlinného pôvodu
- b) potraviny a suroviny živočíšneho pôvodu

1. 2 pochutiny

2. NÁPOJE

- 2.1 studené alkoholické nápoje
- 2.2 teplé alkoholické nápoje
- 2.3 studené nealkoholické nápoje
- 2.4 teplé nealkoholické nápoje

3. TECHNOLOGICKÉ POSTUPY

4. GASTRONOMICKÉ PRAVIDLÁ

5. GASTRONOMICKÝ INVENTÁR

6. ZÁSADY SPRÁVNEJ VÝŽIVY

7. STOLOVANIE

Východiskovým korpusom na excerpcovanie potrebného lexikálneho materiálu bola odborná literatúra využívaná pri výučbe odborných technologických predmetov na sekundárnom stupni odborného vzdelávania. Excerpovali sme z učebníc spracovaných podľa najnovších gastronomických trendov, v súlade so Štátnym vzdelávacím programom pre skupinu odborov 63 a 64 sekundárneho stupňa vzdelávania, a to konkrétne: Technológia prípravy pokrmov 1 (2007) autorov Verčimáková a kol. a Stolovanie I (2004) od autorov Salač a Šimková. Kontext teda predstavoval súbor odborných textov písaných v slovenskom jazyku, v ktorom sme vyhľadávali, resp. tak ako uvádza Jurčáková (2002, s. 20),

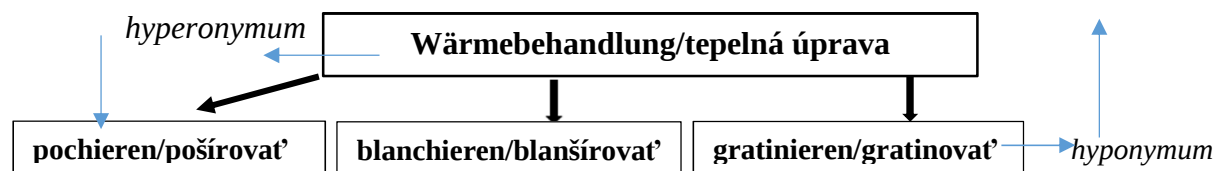
identifikovali termíny z danej tematickej oblasti. V procese terminologickej analýzy sme získali potrebné terminologické údaje pre vybraný termín. Cíbková (2012, s. 41) definuje vo svojej publikácii terminologické údaje/dáta ako akúkoľvek informáciu vzťahujúcu sa na termín alebo označovaný pojem. Za najpoužívanejšie terminologické údaje považuje heslové slovo/termín, ekvivalenty, alternatívne termíny, definície, kontexty, zdroje, použitie, vedný odbor (ibid.). Získané terminologické údaje sme spracovali v podobe terminologického záznamu. Východiskom pre náš záznam potrebných údajov k danému heslu sa stala legenda terminologického záznamu, ktorú uvádza Slovenská terminologická databáza na internetovej stránke <https://terminologickyportal.sk/wiki/O_projekte>. Záznam obsahuje údaje vzťahujúce sa na termín, pojem a doplnkové administratívne údaje. Následne boli porovnané ich definície, príp. kontexty, s ekvivalentmi v cudzom jazyku. Príklad terminologického záznamu demonštrujeme na ukážke k vyexcerpovanému termínu *minútka*.

termín	minútka
synonymum	
oblasť/podoblasť	4. gastronomické pravidlá
definícia	rýchlo pripravené opečené, obyč. mäsité jedlo
zdroj definície	http://slovníky.korpus.sk/?w=min%C3%BAatka&s=exact&c=ce7c&d=kssj4&d=psp&d=sss&d=scs&d=sss&d=peciar&d=ma&d=hssjV&d=ber nolak&d=obce&d=priezviska&d=un&d=locutio&d=pskcs&d=psken&d=noundb&ie=utf-8&oe=utf-8#
kontext	Sviečkovica je najcennejšia a najkvalitnejšia časť hovädzieho mäsa. Používa sa najmä na prípravu minútok (rezy zo sviečkovice, bifteky, medailónky a pod.).
zdroj kontextu	L. Verčimáková a kol.: Technológia prípravy pokrmov 1, 2007, s. 91
príbuzné termíny	
poznámka	
URL	
cudzojazyčný ekvivalent	Schnellgericht, das
synonymum	Pfanngericht, das
definícia	Gericht, das sich schnell und ohne viel Mühe zubereiten lässt, das schnell serviert werden kann
zdroj definície	https://www.duden.de/rechtschreibung/Schnellgericht_Speise_Mahlzeit
kontext	

Tabuľka 1 Ukážka terminologického záznamu

5 Výsledky terminologickej analýzy

Začlenené excerpované heslá sme kontrastívnou analýzou, porovnaním s ekvivalentom v cieľovom jazyku, analyzovali z hľadiska paradigmatického a translatologického. Paradigmatické vzťahy vznikajú nielen v rovine morfolologickej, teda na úrovni jednej lexikálnej jednotky alebo viacerých lexikálnych jednotiek s rovnakým súborom gramatických tvarov, ale aj v rovine lexikálnej, teda medzi skupinou lexém, ktoré sa vyznačujú niektorými spoločnými alebo odlišnými vlastnosťami. Súbor lexém so spoločným príznakom tvorí pojmovú paradigmu. V rámci pojmovej paradigmy sme tak vo východiskovom, ako aj cieľovom jazyku objavili medzi lexémami hierarchické vzťahy, vzťahy nadradenosti, podradenosti či rovnosti, hovoríme o tzv. hyperonymicko-hyponymickej paradigme.

Obrázok 1 Hyperonymicko-hyponymická paradigma lexikálnej jednotky *Wärmebehandlung/tepelná úprava*

Z hľadiska slovnodruhovej príslušnosti jednotlivých lexém pri porovnaní východiskového a cieľového jazyka však prekrytie k pojmovej paradigme zaradených hesiel nie je vždy úplné. Z formálnej stránky lexikálnej štruktúry oboch jazykových mutácií navzájom nekorešpondujú, ale sú nositeľmi rovnakého významu. Hrehovčík (2006, s. 41) hovorí o transpozícii ako o zámene štruktúry výpovede, pričom zostáva zachovaná východisková informácia. Takúto slovnodrhovú transpozíciu sme identifikovali vo viacerých prípadoch. Napr. slovenský termín *kôstkové ovocie*, v slovenskom jazyku viacslovná lexikálna jednotka, sa v cieľovom jazyku v procese zhŕňajúcej transpozície mení na substantívne kompozitum *Steinobst*, teda jednoslovnú lexikálnu jednotku, ktorej konštituentmi sú oproti východiskovému jazyku (adjektívum + substantívum) dve substantíva (Stein + Obst). V ďalšom prípade slovenskej lexémy *minútka* a jej prekladovom ekvivalente *Schnellgericht* ide v oboch prípadoch o jednoslovné lexikálne jednotky, avšak zatiaľ čo v slovenskom jazyku vznikol termín v jazykovom procese terminologizácie prebratím bežného slova do terminologickej sústavy a získaním pozície termínu, v cieľovom jazyku je opätovne výsledkom procesu kompozície dvoch samostatných lexikálnych jednotiek, z hľadiska slovnodruhových komponentov ide o spojenie adjektíva a substantíva.

Komplikácie pri preklade môže spôsobovať formálna zhoda lexikálnych jednotiek. Demonstrujeme to na príklade so slovenským heslom *pór*, ktoré sme do glosára extrahovali z oblasti požívatiny a podoblasti potraviny rastlinného pôvodu. Je evidentné, že v použítom kontexte ide o rastlinnú potravinu pestovanú pre hrubú vňať a hrubý biely koreň, takže problém s nájdením správneho prekladového tvaru v cieľovom jazyku je minimálny. V nemeckom jazyku mu zodpovedá heslo *Porre, der*. V slovenskom jazykovom prostredí, avšak v inom kontexte, sa môže vyskytovať jeho zvukovo i graficky zhodný tvar, ktorý sa s ním zhoduje v celej paradigme. Jeho sémantický význam by však označoval 1. drobný otvor na povrchu tela (pór) alebo 2. drobný otvor v kompaktnnej látke (pór, štrbina, škára).³ V nemeckom jazyku by tomuto významu zodpovedalo heslo *Pore, die*. Obe nemecké lexémy formálne zodpovedajúce úplne homonymným tvarom v slovenskom jazyku však navzájom vo vzťahu úplnej homonymie nie sú. V ich prípade je formálna zhoda založená na fonetickej podobnosti a označujeme ich ako paronymá. Ďalším názorným príkladom zo skupiny problémových homonym, a tým aj možným problémom, by mohli byť nemecké heslá *Kraut, das a Kraut, der*. Ich sémantické významy sa pohybujú v rovnakom tematickom poli; 1. s Kraut – potravina pestovaná pre svoje dužinaté listy tvoriace pevnú hlavu a 2. r Kraut – krevety kraby. Ich paradigmy sa nezhodujú úplne, v tomto prípade v gramatických tvaroch, keďže ide o rozdielne gramatické rody a zároveň nachádzame odlišnosť aj pri tvorbe plurálu. Komunikačnú situáciu by mohol sťažiť ďalší sémantický význam hesla *Kraut, der*, ktorý Američania a Angličania používajú na označenie Nemcov v pohrdavom zmysle. Z uvedeného vyplýva, že musí byť správne identifikovaný kontext, v ktorom má byť daná lexéma použitá.

³<http://slovníky.juls.savba.sk/?w=p%C3%B3r&s=exact&c=X49f&d=kssj4&d=psp&d=sssj&d=scs&d=sss&d=peciar&d=ma&d=hssjV&d=beriolak&d=obce&d=priezviska&d=un&d=locutio&d=pskcs&d=psken&d=noundb&ie=utf-8&oe=utf-8#>

Vo vzdelávacom procese pri osvojovaní si tematicky orientovanej lexiky je však z nášho pohľadu potrebné na tieto skutočnosti upozorniť, a tým minimalizovať prípadné problémy.

Pri analýze vybraných hesiel sme sa stretli aj s ďalším, v istých prípadoch komunikáciu sťažujúcim, tentoraz intralexematickým javom. Polysémia je síce z hľadiska jazykovej úspornosti vnímaná ako pozitívny lexikálny fenomén, avšak pri prenose informácie, ktorej nositeľom je takáto polysémická lexikálna jednotka, z jedného do druhého jazykového systému môže tento transfer komplikovať. Problematickejšie sa môže javiť také heslo, ktorého aspoň dve sémym sémantického spektra navzájom sémanticky i geneticky súvisia, takže môže byť dané heslo použité oboma svojimi príbuznými sémami v kontexte toho istého tematického poľa. Napríklad, pri pôvodom anglicko-americkom hesle *koktail/kokteil*⁴ s nemeckým ekvivalentom *Cocktail, der* sa jeho semémy porovnaním oboch jazykových systémov neprekrývajú úplne. Všetky semémy sú použiteľné v rámci toho istého tematického poľa, pretože sémantické spektrum zahŕňa tieto významy:

- a) (alkoholický) miešaný nápoj s ovocím, ovocnou šťavou a inými prísadami
- b) (kuchárske umenie) z kúskov mäsa kôrovcov, hydínového alebo rybacieho mäsa
- c) popoludňajšie spoločenské stretnutie s ľahkým občerstvením (napr. zúčastniť sa na koktaile)

Nemecký online-výkladový slovník Duden definuje heslo *Cocktail, der*⁵, ktoré si ponechalo v nemeckom jazyku pravopisnú podobu pôvodného jazyka, takto: 1. (alkoholisches) Mixgetränk mit Früchten, Fruchtsaft und anderen Zutaten (v preklade: (alkoholický) miešaný nápoj s ovocím, ovocnou šťavou a inými prísadami), 2. (Kochkunst) aus Krustentieren, Geflügel-, Fisch- oder Fleischstückchen bereitete pikante Vorspeise (v preklade: (kuchárske umenie) z kúskov mäsa kôrovcov, hydínového alebo rybacieho mäsa pripravené pikantné predjedlo). V treťom význame používa nemecký jazyk skôr prekladový tvar *Cocktailparty, die*, ktorý je pre slovenského používateľa cudzieho jazyka jednoznačný.

Z uvedeného vyplýva, že z pohľadu gastronómie môže ísť pri použití tohto hesla, pokiaľ by nebolo bližšie špecifikované, ako napr. mliečny koktail, hydínový koktail, ananášový koktail a pod. o rôzne produkty. Táto špecifikácia je predmetom výberu najtypickejších kolokačných paradigiem, ktoré sú zaradené v kolokačnom glosári pre vy excerpované heslá. Pre zaradenie kolokácií do heslára sme zohľadnili frekvenčné kritérium ako základný štatistický údaj, získaný zo SNK (Slovenského národného korpusu) prim-8.0-public-sane⁶. Pri vyhľadávaní sa opierame o kľúčové slovo a v korpuse zisťujeme jeho najfrekvencovanejšie pravostranné a ľavostranné kolokáty, teda susediace slová.

V prípade synonymických relácií, pri ktorých je vzťah medzi lexikálnymi jednotkami založený na ich relatívnej sémantickej zhodnosti alebo blízkosti a formálnej rozdielnosti, vzniká otázka, ktorý prekladový tvar v cieľovom jazyku použiť. Formou úplnej synonymie sú heslá používané v závislosti od ich väzby na konkrétnu geografickú oblasť, ako napríklad diatopické variety *Häppchen, das* (nemecké jazykové prostredie) a *Mümpfeli, das* (švajčiarske jazykové prostredie), v slovenskom význame *chuťovka*. Objavili sme aj synonymické páry, napr. *Häppchen* – *Appetitbissen* (chuťovka, jednohubka), či synonymické rady, napr. *gratinieren* – *überkrusten* – *überbacken* (gratinovať, zapekať). Najideálnejšie by bolo osvojiť si všetky možné synonymické varianty pre dané heslo. Pre potreby školskej praxe sme si na výber prekladového tvaru v nemeckom jazyku zvolili frekvenčné kritérium, t. j. frekvenciu výskytu synonymických lexém. Tak napríklad porovnaním frekvencie výskytu nemeckých

⁴<http://slovníky.juls.savba.sk/?w=koktail&s=exact&c=J8e9&d=kssj4&d=psp&d=sssj&d=scs&d=sss&d=peciar&d=ma&d=hssjV&d=bernolak&d=obce&d=priezviska&d=un&d=locutio&d=pskcs&d=psken&d=noundb&ie=utf-8&oe=utf-8#>

⁵<https://www.duden.de/rechtschreibung/Cocktail>

⁶<http://korpus.juls.savba.sk>

synonymických lexém *Sorgho*, *der* a *Durra*, *die* v slovenskom význame *cirok* sme zistili častejší výskyt nemeckého tvaru *Sorgho*, zatiaľ čo tvar *Durra* patrí do skupiny zriedkavo alebo vôbec sa nevyskytujúcich slov v nemeckom digitálnom korpuse. O jeho zaradení do glosára vybraných hesiel sme teda neuvažovali.

6 Pragmatický aspekt

Neodmysliteľnou súčasťou výučby cudzieho jazyka je osvojenie si lexiky. Výučba cudzieho jazyka edukačného procesu na sekundárnej úrovni sa koncentruje najmä na rozvíjanie všeobecných a komunikačných jazykových kompetencií v cudzom jazyku, na osvojenie si slovnej zásoby a zvládnutie morfológických a syntaktických štruktúr zodpovedajúcich príslušnej jazykovej úrovni podľa kategorizácie úrovni Spoločného európskeho referenčného rámca pre jazyky.⁷ Súbor hesiel zaradených do glosára predstavuje odborne orientovanú lexiku, ktorá rozširuje a dopĺňa základnú slovnú zásobu osvojovaného cudzieho jazyka na gastronomickú oblasť orientovaných študijných alebo učebných odborov. Úlohou pedagógov je sprostredkovať a čo možno najprirodzenejšou cestou sprístupniť žiakom odborné učivo (odbornú lexiku) s cieľom osvojiť si ho a následne vedieť aplikovať v konkrétnych situáciách reálneho života. Túto možnosť vidíme vo vhodne spracovanom didaktickom materiáli, ktorý by bolo možné použiť pri výučbe vo vzdelávacom procese nielen na vyučovacích hodinách cudzieho jazyka, ale aj na niektorých iných odborných predmetoch, kde by takéto nenásilné osvojovanie si slovnej zásoby v danom jazyku bolo možné a vhodné. Nápomocnou pri integrácii cudzieho jazyka do obsahovej oblasti iných odborných predmetov na úrovni sekundárneho vzdelávania by mohla byť v poslednom čase čoraz viac rezonujúca metóda vyučovania cudzieho jazyka CLIL (Content and language integrated learning), ktorej podstatou je prepojenie cudzieho jazyka s iným nejazykovým predmetom. V našich vzdelávacích podmienkach určite predstavuje vyššiu záťaž a zvýšené nároky na pedagóga, pretože vyžaduje vzájomnú interdisciplinárnu kooperáciu.

Záver

Gastronómia je neodmysliteľnou službou spoločnosti a plní dôležitú spoločenskú úlohu. Postupne sa vyprofilovala ako vedný odbor na rozhraní spoločensko-vedných, prírodných a technických disciplín. Jej obsahový diapazón je široký, zahŕňa nielen pokrmy a nápoje, zaoberá sa aj technológiou ich prípravy, spôsobom servírovania či stolovania, skúma aj nutričnú, biologickú a energetickú hodnotu pokrmov, dotýka sa aj zásad správnej životosprávy a poukazuje aj na poruchy vznikajúce v dôsledku nesprávneho stravovania. Jej pojmový aparát má často prienik aj v iných vedných disciplínach a už Brillat-Savarin (2012, s. 32–35) ju považuje za vedu interdisciplinárnu. Slovná zásoba je živým systémom, v ktorom dochádza k častým pohybom a zmenám. Odborná lexika je súčasťou lingvistického fondu, a tá sa v procese komunikácie dostáva do interakcie s neterminologickou časťou lexiky, teda lexikou bežného použitia, stáva sa súčasťou viac či menej koherentného textu, v ktorom je obklopená kontextovými súvislosťami. Aj v prípade tejto terminologickej nomenklatúry sme odhalili procesy terminologizácie, determinologizácie i reterminologizácie. Dôležité je, že pozícia termínov v príslušnom terminologickom systéme ostáva zachovaná. Keby sme sa pridržali Horeckého (1956, s. 56) definície vlastností termínu o jeho presnosti a jednoznačnosti, vychádzali by sme z jeho tvrdenia, že termín nepotrebuje pre svoje vymedzenie kontext. Analýzou vymedzených termínov sa prikláňame skôr k tvrdeniu Levickej (2006, s. 101), že kontext je pre prekladateľa a používateľa jazyka potrebný. Môže plniť funkciu určitej formy definície alebo špecializovaného prostredia, v ktorom termín

⁷ http://www.statpedu.sk/files/sk/publikacna-cinnost/publikacie/serr_tlac-indd.pdf

prejaví svoju sémantickú podobu, vlastnú danej tematickej oblasti. Pri hľadaní nemeckého ekvivalentu pre vybrané lexikálne jednotky sme poukázali aj na možné úskalía vyplývajúce z možných vzťahov s ohľadom na lexikálne paradigmy a na niektoré osobitosti z translatologického hľadiska.

Naším cieľom bolo vybrať terminologické jednotky z odbornej literatúry zo slovenského jazykového prostredia, nájsť k nim prekladové tvary v cieľovom jazyku a vyhľadať k nim najfrekvencovanejšie kolokačné paradigmy. Ukážku vybraných termínov, nemeckých ekvivalentných tvarov a kolokačných paradigiem uvádzame v tabuľkách 2 a 3. Už sme načrtli primárnu oblasť ich využitia, v budúcnosti by sme sa zamerali na vytvorenie databázy praktických úloh pre nácvik tematicky orientovanej slovnej zásoby. Domnievame sa, že aj keď sú spôsob či schopnosť osvojovania si cudzieho jazyka vo veľkej miere individuálnou záležitosťou jednotlivca, využitie vhodných metód a vhodného didaktického materiálu môže túto cestu používateľovi jazyka zjednodušiť.

Slovenský tvar hesla	Nemecký tvar hesla
alergén	Allergen, s
aminokyselina	Aminosäure, e
aperitív	Aperitif, r
banket	Bankett, s/Festbankett, s; Festessen, s Galadiner, s
bielkovina	Eiweiß, s/Protein, s
blanširovať	blanchieren/überbrühen
brunch	Brunch, r
cediť	seihen/sieben
dekanter	Dekanter, r/Weinkaraffe, e
destilát	Destillat, s/Spirituose, e
digestív	Digestif, r
diéta	Diät, e
dochutiť	abschmecken
gratinovať	gratinieren/überbacken
inventár	Inventar, s
chladič vína	Weinkühler, r
kalkulácia	Kalkulation, e/Berechnung, e/ Kostenvoranschlag, r
karafína	Karaffe, e
kuvert	Kuvert, s
minútka	Schnellgericht, s/Pfanngericht, s
obilnina	Getreide, s/Korn, s
okopanina	Hackfrucht, e
olejnina	Ölfrucht, e
pochutina	Genussmittel, s/Stimulans, s
pokrm	Gericht, s/Speise, e/Mahl, s
polotovar	vorgefertigtes Nahrungsmittel/Convenience-food, s/Conveniencefood, s
poširovať	pochieren
požívatina	Nahrungsmittel, s
predkrm	Vorspeie, e/Vorkost, e
receptúra	Rezeptur, e
režón	Tellerwärmer, r/Tellerwärmeschränk, r
sacharid	Kohlenhydrat, s/Sacharid, s/Saccharid, s
servírovať	servieren/auftischen/aufstellen
stolovať	tafeln/speisen
strukovina	Hülsenfrucht, e
šodó	Weinschaum, r
tabuľa	Tafel, e
tranširovať	tranchieren/auschneiden/zerlegen/zerteilen
vláknina	Ballaststoff, r
živina	Nährstoff, r

Tabuľka 2 Ukážka vybraných terminologických hesiel glosára

Slovenský tvar	Nemecký tvar
alergén	Allergen, das
potravinový alergén	Lebensmittelallergen, s
obsahovať alergén	ein Allergen enthalten
zoznam alergénov	Allergenliste, e/Allergenverzeichnis, s
aperitív	Aperitif, r
dať si aperitív	einen Aperitif nehmen
objednať aperitív	einen Aperitif bestellen
podávať aperitív	einen Aperitif servieren
blanširovať	blanchieren
pár minút blanširovať	ein Paar Minuten blanchieren
blanširovať vo vriacej vode	im kochenden Wasser blanchieren
krátko blanširovať	kurz blanchieren
ovocie blanširovať	Obst blanchieren
zeleninu blanširovať	Gemüse blanchieren
diéta	Diät, die
bezlepková diéta	kleberlose Diät
dodržiavať diétu	eine Diät einhalten
drastická diéta	eine drastische Diät
držať diétu	eine Diät halten
nasadiť diétu	auf Diät setzen
osvedčená diéta	eine bewährte Diät
predpísať diétu	eine Diät verordnen
prísna diéta	eine strenge Diät
redukčná diéta	kalorienreduzierte Diät
špeciálna diéta	eine spezielle Diät
inventár	Inventar, das
drobný inventár	Kleininventar, s
gastronomický inventár	gastronomisches Inventar
pomocný inventár	Hilfsinventar, s
poškodený inventár	beschädigtes Inventar
použitý inventár	benutztes Inventar
sedací inventár	Sitzinventar, s
sklenený inventár	Glasinventar, s
stolový inventár	Tischinventar, s
súčasť inventáru	ein Bestandteil des I-s
súpis inventáru	Inventarverzeichnis, s
zostaviť inventár	ein Inventar aufstellen
požívatina	Nahrungsmittel, das
druh požívatiny	Nahrungsmittelart, e
alergia na požívatiny	Nahrungsmittelallergie, e
tabuľa	Tafel, die
bohatá tabuľa	eine reiche Tafel
pripraviť tabuľu	die Tafel decken
slávnostná tabuľa	eine festliche Tafel

Tabuľka 3 Ukážka vybraných kolokačných paradigiem

Literatúra:

- BRILLAT-SAVARIN, J. A. (2012): *Umenie vychutnať si život alebo fyziológia chuti. Úvahy o chuti, o pôžitku z jedla a iných blízkyh pôžitkoch*. Bratislava: SPN – Mladé letá, s.r.o.
- CÍBIKOVÁ, I. (2012): *Terminologický manažment verejnosprávnej tematickej oblasti*. EDIS – vydavateľstvo ŽU.
- ČERNÝ, J. (2005): *Nový encyklopedický slovník gastronómie A–K*. Úvaly: Ratio.
- DROZD, L. – SEIBICKE, W. (1973): *Deutsche Fach- und Wissenschaftssprache*. Bestandaufnahme – Theorie – Geschichte. Wiesbaden.
- FELBER, H. (1986): *Všeobecná teória terminológie*. In: *Kultúra slova*, roč. 20, č. 5.
- FLUCK, H. R. (1985): *Fachdeutsch in Naturwissenschaft und Technik*. Heidelberg: Julius Groos.
- HOFFMANN, L. (1987): *Kommunikationsmittel Fachsprache. Eine Einführung*. Berlin.
- HORECKÝ, J. (1956): *Základy slovenskej terminológie*. Bratislava: Slovenská akadémia vied.
- HREHOVČÍK, T. (2006): *Prekladateľské minimum*. Bratislava: Iris.
- JURČÁKOVÁ, Z. (2002): *Terminológia. Základné zásady, metódy a ich aplikácia*. Bratislava: Centrum vedecko-technických informácií SR.
- LEVICKÁ, J. (2006): *Terminologické implikácie štruktúrnej a kontextovej analýzy francúzskej a slovenskej stavebnej lexiky*. Dizertačná práca. Bratislava: Univerzita Komenského, Filozofická fakulta.
- MÖHN, D. – PELKA, R. (1984): *Fachsprachen: Eine Einführung*. Tübingen: Max Niemeyer.
- ORIEŠKA, J. (1998): *Služby cestovného ruchu*. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela, Ekonomická fakulta.
- SALAČ, G. – ŠIMKOVÁ, M. (2004): *Stolovanie I*. Bratislava: SPN.
- STN ISO 1087 – 1: Terminologická práca. Slovník. Časť 1. Teória a aplikácia.
- STN ISO 1087 – 1: Terminology work – Vocabulary – Part 1: Theory and applications.
- ŠALING, S. a kol. (1997): *Slovník cudzích slov pre školu a prax*. Prešov: Vydavateľstvo Samo.
- VERČIMÁKOVÁ, Ľ. a kol. (2007): *Technológia prípravy pokrmov 1*. Bratislava: SPN.

Summary

Terminological-collocation glossary of gastronomy for the needs of school practice

The presented paper Terminological-collocation glossary of gastronomy for the needs of school practice focuses on compiling a glossary of terminological entries and their collocations obtained by selecting from the professional literature, serving the needs of education in hotel schools. The defined aim was an interlingual and intralingual analysis of a section of excerpted entries in Slovak and German, grouped into a common thematic field, which was structured into areas, sub-areas or smaller structural unities. The acquired entries and their translation equivalents in the parallel language will serve the user in the decoding of a foreign language text or allow the creation of a foreign text.

Bojničanová, Renáta – Tomášková, Simona – Vajíčková, Mária (eds.): *Filologické štúdie 4*. Nümbrecht: KIRSCH-Verlag 2018. 202 s. ISBN 978-3-943906-47-9

Ľubomír Holík

Inštitút slovakistiky a mediálnych štúdií, Filozofická fakulta, Prešovská univerzita v Prešove
Ústav cudzích jazykov, Lekárska fakulta, Univerzita Komenského
lubomirholik@ymail.com

Rok 2018 priniesol už štvrté pokračovanie konferenčného zborníka *Filologické štúdie*. Prvý raz vyšiel v roku 2015. Autormi príspevkov sú študenti doktorandského štúdia z rôznych pracovísk z celého Slovenska. V minulých ročníkoch išlo dokonca aj o príspevky autorov z Českej republiky a Poľska. Z väčšej časti ide o príspevky, ktoré najprv odznejú na medzinárodnej konferencii doktorandov. Niektoré príspevky však nakoniec v zborníku nevyjdú, no na druhej strane je možnosť publikovať v ňom aj príspevky, ktoré na konferencii neodznali. Konferencia prebieha pod záštitou Pedagogickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave, knižná verzia štúdií vychádza v Nemecku vo vydavateľstve KIRSCH-Verlag. Študentské výstupy sa zameriavajú na filologické témy a sú rozčlenené do troch okruhov: *Jazykovedné štúdie*, *Didaktické štúdie* a *Literárnovedné štúdie*. Vo *Filologických štúdiách 4* sa nachádzajú štúdie písané v slovenčine, nemčine a v angličtine.

Prvý okruh s názvom *Jazykovedné štúdie* obsahuje štyri príspevky, z ktorých jeden – *Kollokationen beim Schreiben von Schulaufsätzen am Beispiel des Themas „Sport“* od Anny Fábovej – je v nemeckom jazyku, stručne môžeme konštatovať, že je dôraz kladený na kolokácie z oblasti športu (konkrétne futbalu) v školských písomných prácach. Autorka pracuje s dvomi vzorovými textami, z ktorých vypisuje nájdené kolokácie. Prvá štúdia v slovenskom jazyku s názvom *Jazyk futbalu ako predmet skúmania* je od Petry Oboňovej. Základom tohto príspevku sú najpoužívannejšie lexémy a kolokácie futbalového jazyka v nemeckom prostredí. Text zároveň slúži ako predstavenie autorkinej dizertačnej práce. Zaujímavými sú zdroje dát, ktorými sú online komentáre a videonahrávky futbalových zápasov. Autorka akcentuje fakt, že kľúčovým aspektom jej skúmania je živý jazyk. Ďalší výstup z prvého okruhu je od Antónie Jurečkovej a má názov *Interview vo svetle opozícií komunikačnej situácie*. Interview rozoberá na osiach písomnosť – ústnosť, oficiálnosť – neoficiálnosť, pripravenosť – nepripravenosť, monologickosť – dialogickosť, verejnosť – súkromnosť, formálnosť – neformálnosť. Autorka v závere svojho príspevku konštatuje, že spracovanie interview v tlačenej podobe závisí od tematického zamerania daného tlačeného média a tiež od cieľovej skupiny recipientov. Záverečnou štúdiou v prvej sekcii textov je *Hodžov Epigenes slovenicus (Potomok slovenský) a Větin o slovenčině* od Ivany Klabníkovéj. Autorka reflektovaním diel M. M. Hodžu, uvedených v názve príspevku, načrtáva argumenty zamerané proti Štúrovej slovenčine.

Druhý blok štúdií nesie názov *Didaktické štúdie*. Táto časť obsahuje sedem štúdií, z toho dve sú v angličtine s názvami *Reading fluency vs. Reading accuracy – How does reading rate influence reading comprehension* od Stanislava Kováča a *“The onion” or “chop the onion” – the potential of teaching and learning language chunks in pre-primary education* od Ivany Horváthovej a Jany Harťanskej. Prvá z nich obsahuje výskum zameraný na rýchlosť čítania s porozumením v angličtine u vysokoškolských študentov, ktorých materinským jazykom je slovenčina. Autor štúdie sa okrem samotného výskumu sústredil aj na pohľad samotných testovaných študentov, čo si myslia o svojich čitateľských schopnostiach a dôležitosti čítania. Druhá po anglicky písaná štúdia bloku sa zameriava na

učenie cudzieho jazyka (konkrétne angličtiny) v predškolskom veku. Takáto výučba neprebíha pomocou izolovaných slov, ale ich kombinácií, ktoré k sebe patria, napríklad, ako je v názve samotného príspevku, pri slove „cibuľa“ sa deti naučia aj výraz „krájať cibuľu“ a vedia, že to nie je „rezať cibuľu“. Autorky štúdie spomínajú viaceré metódy a hry, vďaka ktorým sa predškoly dokážu učiť cudzí jazyk. Prvým príspevkom v slovenčine je *Komparácia stredoškolských čítaniek* od Ľubomíra Holíka. Autor si vybral na komparáciu tri sady čítaniek, pri každej sérii uvádza jej výhody i nevýhody, a to na základe formálneho aj obsahového hľadiska. Nasledujúci príspevok s názvom *Vplyv osobnostných premenných na porozumenie cudzojazyčného textu* je od Kataríny Chválovej. Základom uvedenej štúdie je snaha objasniť, do akej miery vplyvajú osobnostné premenné na porozumenie cudzojazyčného textu. Ide o stále neprebádanú tému, napríklad vplyv extroverzie a introverzie čitateľa pri čítaní s porozumením. Autorka výstupu naznačuje, že zohľadnenie osobnostných premenných študentov môže zefektívniť vyučovací proces a prispôbiť vyučovacie metódy individuálnym potrebám žiakov. Ako ďalší sa v tejto časti nachádza príspevok od Dany Nagyovej s názvom *Metóda CLIL – integrované vyučovanie/učenie sa obsahu a jazyka. Dejepis a cudzí jazyk*. Ako je už avizované v názve, autorka sa zaoberá metódou CLIL (Content and Language Integrated Learning), ktorá by sa do slovenčiny dala preložiť ako integrované vyučovanie obsahu a jazyka. Ide o koncepciu vyučovania niektorého z nejazykových predmetov s vyučovaním jazyka, v tomto konkrétnom prípade dejepisu. V závere príspevku sa nachádza aj návrh aktivity Pexeso na vyučovanie s témou medzivojnového obdobia a 2. svetovej vojny pre základné alebo stredné školy.

Predposledná štúdia je výsledkom práce Zuzany Markovej a jej názov je *Zážitková pedagogika vo vyučovaní nemeckého jazyka ako cudzieho v ranom veku*. Autorka sa zameriava na špecifiká vyučovania detí predškolského veku, ktoré lektori často učia rovnakými metódami ako staršie deti, čo nepovažuje za správne. Marková navrhuje výučbu cez zážitkovú pedagogiku, a to v troch fázach – zámer, program a reflexia. Spomína aj dve vzorové hodiny – jednu zameranú na guľovačku a druhú na stopy zvierat. V rámci zámeru si vždy stanovuje pedagogickú tému, tému hry, jazykovú tému, pedagogický cieľ, cieľ hry, jazykový cieľ a potrebné materiály. Sekciu, čo sa týka po slovensky písaných príspevkov, uzatvára článok *Projektové vyučovanie na hodinách angličtiny pre medikov na LF UK* od Maríny Kšiňanovej. Študenti druhého ročníka všeobecného lekárstva boli rozdelení do dvojíc a dostali na spracovanie medicínsku tému, ako výstup z tejto aktivity vytvorili powerpointovú prezentáciu. Na prezentáciách pracovali 90 minút každý druhý týždeň semestra v škole, s tým, že v úvode každého stretnutia diskutovala autorka štúdie so študentmi, ako sú na tom so spracovaním témy. Okrem prezentácie mali vytvoriť pre kolegov aj slovník z daného odboru. Autorka štúdie využila pri záverečnej skúške výmenu úloh. Študent si vybral gramatický jav, ktorý mu robil najväčší problém, naštudoval si ho a predniesol ho svojej učiteľke, ktorá vystupovala v úlohe žiaka. Na konci autorka dala svojim študentom dotazník, kde sa vyjadrili k tradičnému učeniu a zážitkovému učeniu. 96 % študentov bolo za kombináciu oboch druhov učenia.

Tretí celok štúdií je zaradený pod názvom *Literárnovedné štúdie*. Otvára ho Alexandra Popovičová štúdiou *Hypertextový „boom“. Fenomén digitálnej literatúry v Nemecku v druhej polovici 90. rokov 20. storočia*. Autorka uvádza, že v druhej polovici 90. rokov nastal v Nemecku veľký záujem o tvorbu internetovej literatúry, ktorá však nebola umelecky na vysokej úrovni, prevládala skôr laický záujem ako záujem kritikov a už etablovaných autorov. Príchodom nového milénia záujem opadol. V súčasnosti je v Nemecku tento typ literatúry na periférii záujmu literárnych kritikov. Nasleduje jediná štúdia tohto celku, ktorá nie je napísaná po slovensky, a to *Aspects of fantasy in Terry Pratchett's City Watch series* od Judyty Ondrušekovej. Autorka sa zaoberá štýlom písania Terryho Pratchetta a jeho narúšaním konvencií žánru fantasy tým, že autor doň vkladá prvky tragédií od Shakespeara, ako aj isté

črty detektívnych románov a satiry. Tretí príspevok s názvom *Memoárové texty od súčasných slovenských básnikov* je od Natálie Mitkovej. Na komparáciu si autorka vybrala memoáre troch básnikov, ktorých spája to, že pochádzajú z rovnakej generácie – Ľubomír Feldek (dielo *Votcovej Prahe*), Peter Repka (dielo *Spätné zrkadlo*) a Mila Haugová (dielo *Zrkadlo dovnútra*). Usiluje sa reflektovať najmä spôsob, akým pristúpili k napísaniu svojich memoárových diel a akým témam sa v nich venovali. Z poetiky si najviac všima tematickú rovinu.

Príspevok *Literárne vyjadrenie religionistu. Analýza poviedky M. Eliadeho U Cigánok* je z pera Barbory Čaputovej, ktorá sa zaoberá uvedenou fantastickou poviedkou a symbolmi, ktoré obsahuje. Vyberá najmä tieto: horúčavu, svetlo, zemľanku, prírodu, spánok a ospalosť, koč a pohoniča, umelca, Cigánku, Grékyňu, Židovku, Nemku, symboly Orientu (káva, hodváb, závesy a iné), kvetu – Kráľovná noci. Posledná štúdia nesie názov *Aristotelov pojem pravdy v spracovaní Giovanniho Boccaccia*, ktorej autorom je Rastislav Maxinčák. Svojím štúdiom literatúry i článkom chcel dokázať, že Boccacciovo hľadanie pravdy je odlišné od kresťanskej viery. Dospel k záveru, že Boccaccio vyjadruje myšlienku, že človek, kráčajúci po ceste intelektuálneho zdokonaľovania, súčasne dosahuje šťastie z najvyššieho poznania, a pripodobní sa tak Bohu.

Na záver možno konštatovať, že zborník *Filologické štúdie* je skvelou platformou na publikovanie pre doktorandov a uľahčuje im začiatok ich vedeckej kariéry. Zborník ponúka podnetné štúdie, ktoré môžu poslúžiť aj ďalším študentom, a to či už svojím obsahom, alebo aj odkazmi na použitú literatúru. Z aspektu tematického, ale aj zastúpením rôznych vysokoškolských pracovísk prostredníctvom študentov – doktorandov, je zborník odborne veľmi zaujímavý a pestrý. Medzinárodná konferencia doktorandov sa uskutočnila aj v roku 2019 a výstup z nej – *Filologické štúdie 5* – sú v štádiu prípravy.

VOJTECH, Miloslav: Slovenská klasicistická a preromantická literatúra. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave 2017. 186 s. ISBN 978-80-223-4391-6

Gabriela Mihalková

Inštitút slovakistiky a mediálnych štúdií, Filozofická fakulta, Prešovská univerzita v Prešove
gabriela.mihalkova@unipo.sk

Obdobie národného obrodzenia je v slovenskej literárnej vede mnohonásobne analyzované, od konkrétne (autorsky, tematicky alebo genologicky) zameraných monografií, zborníkov alebo jednotlivých štúdií až po syntetizujúce práce literárnych historikov realizované v individuálnych autorských projektoch (Jaroslav Vlček, Štefan Krčméry, novšie Stanislav Šmatlák) alebo v kolektívnych, široko koncipovaných akademických *Dejinách slovenskej literatúry*, vo vysokoškolských *Dejinách slovenskej literatúry* z 80. rokov 20. storočia alebo na začiatku 21. storočia v *Dejinách slovenskej literatúry* autorského kolektívu vedeného Imrichom Sedlákom. No ukazuje sa, že doterajšie pohľady na slovenskú literatúru v čase národného obrodzenia je potrebné revidovať, čítať kriticky a dopĺňať o nové výsledky archívnych výskumov, lebo nerešpektovanie posunu v poznaní sa prejavuje v opakovaní tradičných, zjednodušujúcich schém, v homogénnej, petrifikovanej reprezentácii literatúry v školskej lektúre, teda nové sprístupnenie aj zdanlivo veľakrát spracovanej problematiky má svoje opodstatnenie.

Profesor Miloslav Vojtech, dlhoročný vysokoškolský pedagóg a vedecko-výskumný pracovník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského, zúročil doterajšie poznatky slovenskej literárnej histórie v príprave vysokoškolskej učebnice *Slovenská klasicistická a preromantická literatúra*. Prehľadným spracovaním a zrozumiteľným výkladom náročnej problematiky literárneho obdobia, ktoré stojí na rozhraní medzi univerzálnejšou barokovou epochou a nacionálne orientovaným romantizmom, sa učebnica stáva vhodným študijným materiálom pre tých, ktorí chcú porozumieť vývinovým peripetiám slovenskej literatúry na prelome 18. a 19. storočia.

Miloslav Vojtech v učebnici najprv charakterizuje situáciu na Slovensku na konci 18. storočia v kontexte reforiem Márie Terézie a Jozefa II., ktoré iniciovali fenomén národného obrodzenia, vymedzuje typologické znaky slovenskej literatúry (etnocentrizmus, lingvocentrizmus, mytologizmus, historizmus a synkretizmus) a jej jazykové vyjadrenie v diachróni od bernolákovčiny, rôznych podôb češtiny až po štúrovskú slovenčinu. V súlade s názvom učebnice sa v nosných kapitolách venuje pozornosť dvom kľúčovým obdobiam v čase národného obrodzenia: klasicizmu a preromantizmu, najprv v širšom európskom kontexte (pojem, poetika, vývin) a potom v slovenskom prostredí. Klasicizmus na Slovensku, realizovaný v dvoch etapách (osvietenský klasicizmus zastúpený tvorbou Jozefa Ignáca Bajzu, Juraja Fándlyho, Augustína Doležala, Juraja Palkoviča, Bohuslava Tablica a obdobie vyvrcholenia klasicizmu v tvorbe Jána Hollého), odlišiteľných v preferenciách žánrových (posun od nižších žánrov k eposu, óde, elégií), tematických (posun od univerzálnych a príležitostných tém k témam národným) i verzologických (príklon k časomiere) má podľa M. Vojtecha predovšetkým kultúrno-integračnú funkciu a jeho pramene sa identifikujú v tradícii latinského humanizmu, v znovuoživovaní odkazu antiky a v európskom klasicizme. Pramene preromantizmu charakterizovanom žánrovým a druhovým synkretizmom, záujmom o folklór, dôrazom na cit, sentiment sa identifikujú vo filozofii J. J. Rousseaua a J. G. Herdera, v tvorbe

anglických básnikov T. Percyho, J. Macphersona, básnikov jazernej školy a v tzv. poézii hrobov. V období medzi rokmi 1815 – 1840 dochádza na Slovensku k prehlbovaniu národného obrodzenia, k rozvoju myšlienok slovanskej vzájomnosti a k publikovaniu preromantických básní P. J. Šafárikom, J. Kollárom aj K. Kuzmánym. Okrem preromantizmu sa M. Vojtech osobitne venuje zastúpeniu *biedermeieru* v slovenskej literatúre, jeho typologickým znakom (rodina ako najposvätnější hodnota, idylickosť, láska k vlasti a kresťanské hodnoty) a prejavom v prozaickej tvorbe S. Godru, A. Ottmayera, M. Sucháňa a J. P. Tomáška. Posledná kapitola učebnice analyzuje drámu a divadelný život na Slovensku v 20. – 30. rokoch 19. storočia so zameraním na tvorbu J. Chalupku.

V literatúre, v literárnych procesoch sa viac než linearita, následnosť uplatňuje prekryv, súbežnosť, cyklickosť a javy, ako literárne obdobie, smer, poetika, nemajú ostré ohraničenie, hoci sa v učebnici pracuje s tradičným historickým rámcovaním rokmi 1780 – 1815 v prípade osvietenského klasicizmu a rozpätím rokov 1815 – 1840 v prípade vrcholného klasicizmu a preromantizmu, v rozprave o poetike, žánrovej krajine, autorskej individualite sa nezabúda na kontext, súvislosti, prestupovanie, presahovanie temporálneho ohraničenia jednotlivými znakmi, vytvára sa tak plastický, mnohohvrstevný obraz slovenskej literatúry na konci 18. storočia a v prvej polovici 19. storočia.

Vysokoškolská učebnica Miloslava Vojtecha *Slovenská klasicistická a preromantická literatúra* sa vďaka kvalitnému spracovaniu, prehľadnosti, šírke a hĺbke pohľadu na začiatky slovenského národného obrodzenia zaraďuje k jedným zo základných študijných materiálov budúcich slovakistov, slavistov, ale aj k vhodným doplnujúcim materiálom pre učiteľov slovenského jazyka a literatúry, ktorí hodlajú ponúknuť svojim študentom nepetrifikovaný, moderný pohľad na slovenský klasicizmus a preromantizmus.

**STAHL, Jaroslav: Čo sa odohráva v hlave tlmočníka?
Simultánne tlmočenie – teoretické otázky a praktické
odpovede. Bratislava: IRIS, 2013. 120 s. ISBN 978-80-89238-
98-9**

Miroslava Pribulová

Inštitút germanistiky, Filozofická fakulta, Prešovská univerzita v Prešove
miroslava.pribulov@gmail.com

V roku 2013 vydalo vydavateľstvo IRIS v Bratislave odbornú publikáciu *Čo sa odohráva v hlave tlmočníka?* s podtitulom *Simultánne tlmočenie – teoretické otázky a praktické odpovede*. Jej autor pôsobiaci ako pedagóg na Katedre germanistiky, nederlandistiky a škandinavistiky Filozofickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave je nielen pedagogickým odborníkom v oblasti translatológie a jazykovedy, ale aj praktikom s bohatými skúsenosťami s prekladom a tlmočením do nemeckého a anglického jazyka.

Svoje teoretické i praktické skúsenosti pretavil do podoby publikácie, v ktorej sa snaží priblížiť čitateľovi procesy odohrávajúce sa pri jednej z najstarších činností ľudstva, ktorej potreba je v dnešnej dobe prehĺbujúceho sa medzinárodného prepojenia nevyhnutná a jej význam nepopierateľný.

V prvej časti publikácie sa autor pohybuje skôr v teoretickej rovine a prináša sondu do systematického výskumu v oblasti simultánneho tlmočenia (ST) skorších i posledných rokov. Čitateľovi približuje jednotlivé teoreticko-metodologické prístupy systematického výskumu od svojich začiatkov, podmienených rozšírením simultánneho tlmočenia koncom päťdesiatych a v šesťdesiatych rokoch 20. storočia, cez teoretické východiská a modely významných translatologických škôl a jednotlivých autorov neskorších období, ktorí sa snažili výsledky svojich psycholingvistických alebo textovolingvistických výskumov v teórii tlmočenia formulovať do podoby teórií objasňujúcich podstatu kľúčových procesov prebiehajúcich pri ST. Každý z prezentovaných teoretických prístupov chápe ako súčasť komplexného poznania ST. Nesnaží sa vyzdvihnúť niektorý z prístupov a akcentovať jeho dôležitosť (nadradenosť) pred ostatnými ani definovať jediný správny model fungovania simultánneho tlmočenia. Na platforme teoretických výskumov hľadá čo možno najbližší kontakt ku kľúčovým procesom prebiehajúcim v procese ST a snaží sa načrtnúť štruktúru modelu ST pre lepšie pochopenie a následne i uplatnenie v didaktike tlmočenia.

Autor sa dotýka aj jednotlivých čiastkových procesov prebiehajúcich pri ST a rozoberá tieto prvky komunikačného procesu ST: recepcia prijímaného komunikátu hlavne v podobe akustického signálu, jeho transpozícia a prekódovanie, ktoré vníma ako centrálnu aktivitu simultánneho tlmočenia, a produkcia s artikuláciou ako jediným hmatateľným prejavom práce tlmočníka. Vyzdvihuje potrebu paralelnosti viacerých kognitívnych aktivít a ich nácvik vníma ako hlavnú zložku v didaktickom procese prípravy tlmočníkov. Na základe poznatkov psycholingvistiky a konkrétnych výsledkov empirických výskumov autorov-teoretikov, rozhovorov s tlmočníkmi a ich retrospektívnych tlmočnických protokolov, ako aj autorových úvah o pravdepodobnosti procesuálnych aspektov pri ST načrtáva schematický kognitívno-lingvistický model ST. V ňom akcentuje kľúčové aktivity vo vedomí simultánneho tlmočníka v interakcii s kontextom komunikačnej situácie.

V tretej kapitole publikácie s didakticko-pragmatickým rozmerom sa venuje princípom nácviku tlmočnických zručností na konkrétnych ukážkach tlmočnických stratégií, akými sú anticipácia, čiže pravdepodobnostná prognóza na základe istých indikátorov v komunikáte

rečníka, tlmočnicka kondenzácia a kompresia, prípadne generalizácia. Zároveň analyzuje jednotlivé didaktické metódy a postupy v príprave študentov ST, pričom vychádza z výučby tlmočenia v dennej prezenčnej forme univerzitného typu a z premisy ideálneho profilu študenta tlmočenia, ktorý spĺňa požiadavky z hľadiska jazykovej kompetencie, všeobecných encyklopedických vedomostí a rovnako aj určitých kognitívnych predpokladov pre tento druh tlmočenia. Navrhuje postupnosť cvičení a úloh a prináša odporúčania pre nadväznosť jednotlivých metód vhodných na nácvik a rozvoj tlmočnických kompetencií, ako aj možnosti efektívnej a objektívnej evaluácie výkonov študentov.

Otázku, ktorú si autor kladie v titule publikácie, vzhľadom na často používaný odborný pojmový aparát, zodpovedá skôr odbornému čitateľovi z oblasti translatológie, respektíve z okruhu jej príbuzných disciplín ako laickému čitateľovi. Jeho praktickým prínosom sú návody na prácu pedagógov so študentmi – začínajúcimi (budúcimi) tlmočníkmi, ako aj námet na štruktúru výučby ST v podobe dvojsemestrového výučbového bloku vrátane hodinovej dotácie a návrhu tém, na skvalitnenie ich prípravy a nácviku tlmočnických zručností.

Lenka REGRUTOVÁ – Simona ŠOLTÉSOVÁ (eds.): 20 rokov mediálnych štúdií v Prešove. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, Filozofická fakulta 2017. 142 s. ISBN 978-80-555-1925-8

Ivana Stašková

Inštitút slovakistiky a mediálnych štúdií, Filozofická fakulta, Prešovská univerzita v Prešove
ivka.staskova@gmail.com

Odbory zaoberajúce sa mediálnou komunikáciou sú na Slovensku čoraz populárnejšie. Svedčí o tom aj fakt, že tento smer sa v posledných rokoch rozhoduje študovať stále viac študentov, navyše, sme svedkami neustáleho vzniku nových médií či transformácií tých existujúcich. Publikácia *20 rokov mediálnych štúdií v Prešove* je venovaná problematike mediálnych štúdií, konkrétne tých na Filozofickej fakulte Prešovskej univerzity v Prešove. Už podľa názvu je zrejmé, že mapuje celé obdobie fungovania tohto odboru od jeho začiatkov až po súčasnosť. V publikácii sa dozvedáme o tom, že dnešná Katedra komunikačných a mediálnych štúdií patriaca pod Inštitút slovakistiky a mediálnych štúdií Filozofickej fakulty bola spočiatku užším zakladateľsko-vedúcim tímom (v zložení Dr. h. c. prof. PhDr. Ján Sabol, DrSc. – tvorca prvotnej idey, prof. PhDr. Daniela Slančová, CSc. – prvá vedúca oddelenia, doc. PhDr. Juraj Rusnák, CSc. – prvý vedúci osamostatnenej katedry) budovaná za ústretovej podpory a pedagogickej pomoci vyučujúcich z Katedry žurnalistiky Filozofickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave, ako aj lektorov a lektoriek z mediálnej praxe. Mediálne štúdiá sa v priebehu posledných dvoch dekád transformovali a v dnešnej dobe už v Prešove študenti môžu študovať napríklad aj doktorandský stupeň štúdia. Pri čítaní sa tiež dozvedáme, že pri masmediálnych štúdiách ako dynamickej transdisciplíny došlo k zásadnej zmene opisu študijného odboru v roku 2013 a modernizácia spočívala napríklad v jasnejšom diferencovaní sa od teórie žurnalistiky. V publikácii sa ďalej dočítame aj o tom, že prvé dva roky prebiehala výučba len pre externých študentov a tí denní začali na novom odbore študovať až v ďalších rokoch, najprv v dvojkombinácii fonetika – masmediálna komunikácia, neskôr na jednodoborovom štúdiu masmediálna komunikácia.

Publikácia opisuje posledné dve desaťročia najmä z pohľadu pedagógov, ktorí na Prešovskej univerzite pôsobia a viacerí boli už pri samotnom zrode odboru mediálnych štúdií. Dala si za úlohu predstaviť odbor čo najkomplexnejšie, preto má osobité členenie. Editorky Lenka Regrutová a Simona Šoltésová rozdelili obsah do vyše dvadsiatich častí či kratších príspevkov, pričom najväčší priestor venovali autorom príspevkov z vedeckého seminára konajúceho sa dňa 8. 12. 2017 s rovnomeným názvom *20 rokov mediálnych štúdií v Prešove*. Každý z nich vykresľuje mediálne štúdiá z iného uhla pohľadu a publikácia tak ponúka široké spektrum názorov a myšlienok.

Obsah tvorili editorky na prvý pohľad netradičným spôsobom, keďže kniha je zväčša tvorená spomínanými príspevkami jednotlivých osobností pôsobiacich na Prešovskej univerzite. Tí pri tvorbe svojej časti dostali do veľkej miere voľné ruky, preto sú všetky príspevky zamerané na rozdielnu časť problematiky médií a sú značne rôznorodé. Každý z autorov mal tak možnosť zamerať sa na oblasť, ktorú chcel čitateľovi predstaviť z rôznych hľadísk, napríklad z hľadiska semiotického, kulturologického a v publikácii nájdeme aj lingvisticko-komunikačné príspevky. V publikácii nájdeme nasledujúce príspevky:

Dvadsať rokov s prešovskou mediálkou: poznámky k scenáru pripravovaného filmu od Juraja Rusnáka, ktorý hneď na začiatku dovolí čitateľovi nahliadnuť do úvodných poznámok k scenáru pripravovaného filmu o mediálnych štúdiách v Prešove.

Ján Sabol sa zameria na hodnotové aspekty mediálneho vedomia. V rovnomennej úvahe sa opiera o analýzu semiotického pozadia dvoch základných komunikačných sústav – akusticko-auditívnej a opticko-vizuálnej venuje jazyku, skúmaniu jazykových kódov a princípom komunikácie.

Nasleduje príspevok od Daniely Slančovej s názvom *Rada by som vôňu videla, nielen cítila... alebo malé pristavenia sa pri mediálnom jazyku vône*. V ňom sa venuje vôňam a ich prezentácii smerom k zákazníkovi. Zameriava sa na tlačové médiá a najmä na fakt, že vôňa sa nedá vidieť, preto ju marketingoví pracovníci musia skúšať predáť pomocou pôsobenia na iné zmysly.

Konštituovaniu mediálnych štúdií v Prešove sa venuje Michal Bočák v príspevku *Prešovská mediálna škola: diverzita a diskontinuita, v ktorých sa rodia inovácie*. Vysvetľuje, že mediálne štúdiá sú na Slovensku kvalitatívne rôznorodé, no je presvedčený, že u nás pôsobí slušná, reflexívna časť vedeckej komunity, ktorá, odmietajúc podľahnúť akademickému pragmatizmu, pestuje kritickú schopnosť rozlišovať medzi poctivou a len „nafúknutou“ vedou, a to u iných aj u seba. Podotýka, že študenti so skutočným záujmom o kvalitné vzdelanie dokážu odlíšiť lepšiu školu od tej horšej. Príspevok rozoberá aj myšlienku, že študenti raz v praxi sami budú formovať ďalšie ročníky, a autor verí, že pri tom budú dbať na hodnoty, ktoré sa pri štúdiu naučili a ktoré s nimi pedagógovia zdieľali. Zmieňuje sa aj o tom, že katedra je rôznorodá a epistemologicky i axiologicky osciluje medzi teoretickosťou a praktickosťou, pozitivizmom a interpretativizmom, štrukturalizmom a postštrukturalizmom, konzervativizmom a liberalizmom.

Nasleduje príspevok od Ivety Bónovej s názvom *Na ceste k odkryvaniu súvislostí*, v ktorom sa venuje neľahkej ceste mediálnych pracovníkov pri uplatnení sa a komunikovaní smerom navonok. Konštatuje, že mediálny pracovník s vlastným jazykovým vedomím, s istým intelektuálnym potenciálom a s istou kognitívnou výbavou poznania spoločenských, komunikačných a jazykových noriem je pri transformácii myšlienkových obsahov do konkrétneho jazykového komunikátu v porovnaní s bežnými používateľmi jazyka vystavený väčšiemu riziku. Pri uchopovaní reality a diania si okrem iného v závislosti od lingválnych aj nelingválnych parametrov volí vlastný uhol pohľadu, optiku videnia s vyhranenou axiologickou hodnotou.

Zborník pokračuje príspevkom od Marianny Kraviarovej, v ktorom sa venuje rôznym novým trendom v spôsobe tvorby rozličných prezentácií a rôznym novým programom, ktoré zvyknú prednášajúci využívať. Sú nimi napríklad WPS Office od spoločnosti Kingsoft, multiplatformový open-source program LibreOffice spoločnosti The Document Foundation, ako aj Apache OpenOffice spoločnosti The Apache Software Foundation.

Ako ďalší si čitateľ môže prečítať príspevok od Jozefa Mergeša s názvom *Esej o presvedčení, že mediálny svet a film k sebe môžu mať blízko*. Autor sa zaoberá športom v mediálnom prostredí a spôsobom komunikácie, ktorý je pre tento typ mediálnych výstupov charakteristický. Výstižne poukázal na fakt, že mediálny šport sa javí ako večne sa opakujúci formát vedúci k podobným záverom, s podobným jazykovým prejavom komentátorov a jasne identifikovateľná je aj vizuálna stránka zobrazovania jednotlivých druhov športov. Aj keď je v dnešnej dobe recipientovi ponúknutý široký výber zápasov na dennej báze (navyše, samozrejme nie je schopný sledovať všetky z nich), tento žáner má stabilnú divácku základňu, ktorá si na jazykový a vizuálny prejav zväčša až tak nepotrpí, no aj tak nie je ohrozené jeho postavenie na trhu. Domnievam sa, že táto časť publikácie svojou humornou a nápaditou formou osloví aj ženskú časť čitateľiek a zaujme ich aj napriek tomu, že zväčša nie sú až také športové fanúšičky ako muži.

V publikácii nájdeme aj príspevok *Lingvistika - médiá - marketing* od Petra Oborníka, ktorý sa venuje hľadaniu prieniku medzi týmito pojmami, ktoré prezentuje pomocou schémy. V závere naznačil, že práve odbor mediálnych štúdií je vhodnou platformou na integráciu lingvistiky a marketingu, a to najmä vďaka svojej interdisciplinarite a kombinácii humanitnovedných a spoločenskovedných poznatkov.

Ďalším zaujímavým príspevkom je *Návod na... ako obstať v rozhlasovej praxi* od Evy Peknušiakovskej. Podľa môjho názoru je najzaujímavejšou časťou jej príspevku zamyslenie sa nad tým, či je v súčasnosti nastavený tretinový podiel praktickej výučby na tomto študijnom programe dostatočný. Sama vzápätí dodáva, že odpoveďou na túto otázku budú asi až ďalšie roky. Autorka totiž v príspevku rozoberá aj dynamickosť médií a ich potenciál do budúcnosti. Opisuje návrh projektu, ktorý pripravila Katedra komunikačných a mediálnych štúdií. Jeho cieľom je práve zvyšovanie kompetencií študentov mediálnych štúdií implementáciou metódy *learning by doing* (učenie prostredníctvom praxe).

Veľmi pútavým je aj príspevok od Miroslavy Psárovej, v ktorom sa venuje problematike bulváru a kladie si otázku, či má byť predmetom úvah aj v spravodajstve elektronických médií. Autorka upozorňuje na zľahčovanie mnohých spravodajských tém napríklad používaním tzv. emotikonov v titulkoch či dotváranie atmosféry príspevkov napríklad hudbou. Taktiež poukazuje na čoraz častejší jav - tzv. *confrontainment*, teda spojenie konfrontácie a zábavy, ktoré sa objavuje v politických témach.

Do zborníka prispela aj jeho editorka Lenka Regrutová, a to príspevkom s názvom *Také sme boli: spomienky na televízne programy pre deti a mládež na Slovensku*, v ktorom sa vracia k začiatkom televízneho vysielania a jednotlivým programom pre deti a mládež, ktoré boli v minulom storočí populárne a do určitej miery formovali vtedajšiu mladú generáciu.

Nasleduje príspevok opäť od Juraja Rusnáka so zaujímavým názvom: *Jen pro ten dnešní den stojí za to žít: mediální svět podle Macka Uška*. Príspevok nazval podľa amatérského speváka Romana Šušla, ktorý sa snažil presadiť v speváckej súťaži a odniesol si ocenenie Najlepší showman. Autor sa v príspevku domnieva, že oslobodenie sa od sveta dospelých, teda od sveta, v ktorom je každý zodpovedný za svoje činy, je dnes tým benefitom, ktorý diváci vyhľadávajú. Poukazuje na to napríklad aj na pôvodne vedomostnom televíznom programe RTVS 5 proti 5, kde sa prioritou stala zábava.

Ján Sabol ml. prispel do zborníka článkom *Spomienka na...* V ňom stručne zhodnotil svoje spomienky na kreovanie mediálnych štúdií v Prešove, vyzdvihol prepojenosť tvorcov prešovskej a košickej „masmediálky“ a vyjadril vďaka svojim kolegom a študentom.

Ďalšou autorkou je Viera Smoláková, ktorá v príspevku s názvom *Prehľad výskumného zamerania* uvádza výsledky vlastného výskumu, v ktorom sa zaoberala výskumom tempa reči v médiách. Na záver hodnotí, že vnímanie akusticko-auditívnych textov s dôrazom na výrazové prostriedky a na aspekty expedienta, ale aj percipienta, je motiváciou pre ich ďalší výskum.

Posledný autorský príspevok má názov *O skúsenosti dotyku a gestách*. Jeho autorka je Simona Šoltésová, taktiež editorka zborníka. V ňom poukazuje na fakt, že doba a trendy sa menia, a taktiež na to, že čo nás kedysi nadchýnalo, to je dnes prirodzené. Poukazuje na tesnú hranicu medzi realitou a virtualitou, odborníkmi a laikmi, a to všetko vďaka moderným technológiám.

Súčasťou publikácie sú aj profily jednotlivých pedagógov pôsobiacich na odbore mediálnych štúdií Prešovskej univerzity. V tejto časti si čitateľ prečíta zaujímavé informácie o ľuďoch, ktorých, ak je študentom, bežne stretáva aj na chodbách univerzity. Priestor tu dostali aj samotní pedagógovia, ktorí prezentujú svoj vzťah k odboru. Čitateľ sa taktiež dozvie o dĺžke ich pôsobenia na tomto odbore či o predmetoch, ktoré zabezpečujú.

„Autormi“ knihy sa do istej miery stali aj samotní absolventi mediálnych štúdií, ktorým je venovaný priestor na záver zborníka. Čitateľ tu nájde medailóniky žiakov, ktorí po

skončení vysokej školy začali pôsobiť v rôznych médiách, spolu s ich fotografiami a vlastnými citáciami, čo im štúdium tohto odboru ponúklo. Súčasťou publikácie sú aj obrázky pedagogického zboru z rôznych seminárov a prednášok nazvané fotografie zo života odboru.

Veľmi zaujímavou súčasťou publikácie je aj časť, ktorá informuje o médiách pôsobiacich popri univerzite. V nej sa čitateľ dozvie o internetovom rozhlasovom rádiu PaF, o televízií Mediálka či o časopise Unipo Press. Dozvie sa tiež o mnohých významných oceneniach, ktoré spomínané médiá majú na konte. V tejto časti publikácie sa dozvedáme, že všetky médiá pôsobiace pri škole majú od svojho vzniku za sebou viaceré ťažké obdobia, no na základe snahy pedagógov spolu so študentmi sú dnes konkurencieschopné aj vo vzťahu k iným podobným médiám. Z celého príspevku o študentských médiách vyplýva, že všetky sú na veľmi vysokej úrovni a majú tendenciu udržať si svoju pozíciu na trhu aj do budúcnosti. Je veľmi dôležité, aby kvalitná škola vedela svojim študentom ponúknuť okrem teoretických poznatkov aj tie praktické, a to tieto médiá rozhodne zabezpečujú. Potvrdením toho je aj fakt, že čitateľ sa v tejto časti zborníka dozvie o viacerých známych osobnostiach slovenského showbiznisu, ktoré svoje pôsobenie začali práve na Prešovskej univerzite.

Publikácia ukáže čitateľovi mnohé detaily a míľniky z histórie odboru mediálnych štúdií na Prešovskej univerzite v Prešove. Delí sa na viacero obsahovo samostatných, no podstatných častí, aby čo najlepšie opísala doterajšiu históriu týchto štúdií. Dvadsať rokov je pomerne dlhé obdobie, preto oceňujem rozhodnutie uctiť si prácu všetkých tých, ktorí sa podieľali na tvorbe odboru mediálnych štúdií do takej podoby, v akej funguje dnes. Do budúcnosti bude zaujímavé prečítať si aj ďalšie práce mapujúce zaujímavé míľniky tohto odboru.

Správa z XXVII. kolokvia mladých jazykovedcov

Veronika Gondeková

Katedra slovenského jazyka a komunikácie, Filozofická fakulta, Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici
veronika.gondekova2@umb.sk

V dňoch 21. 11. až 23. 11. 2018 sa v Hoteli Šachtička neďaleko Banskej Bystrice uskutočnil 27. ročník Kolokvia mladých jazykovedcov, ktorý organizovala Slovenská jazykovedná spoločnosť pri Jazykovednom ústave Ľudovíta Štúra SAV, pobočka pri Katedre slovenského jazyka a komunikácie Filozofickej fakulty Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici.

Konferenciu otvorili úvodným slovom predsedníčka banskobystrickej pobočky Slovenskej jazykovednej spoločnosti Mgr. Lujza Urbancová, PhD., a vedúci Katedry slovenského jazyka a komunikácie FF UMB Dr. h. c. prof. PaedDr. Pavol Odaloš, CSc. Doktorka Urbancová privítala na podujatí riaditeľku Jazykovedného ústavu Ľ. Štúra SAV doc. Mgr. Gabrielu Múcskovú, PhD., a predsedníčku Slovenskej jazykovednej spoločnosti prom. fil. Adrianu Ferenčíkovú, CSc., ktoré sa účastníkom konferencie krátko prihovorili. História kolokvií priblížil prof. Mgr. Jaromír Krško, PhD., z organizujúcej katedry.

Počas troch dní konferencie bolo prezentovaných 32 referátov v piatich jazykoch: nemeckom, ukrajinskom, poľskom, českom a slovenskom. V príspevkoch doktorandi a mladí vedeckí pracovníci prezentovali výsledky svojich výskumov. V rámci tradície kolokvia konferencia nemala vopred špecifikovanú tému, a preto počas nej odznali príspevky na rôzne témy, napr. mediálna komunikácia a analýza mediálnych komunikátov, komunikácia a komunikačná kompetencia, dialektologické medzigeneračné výskumy, onomastické výskumy, diachróne skúmanie jazyka a pod.

V prvý deň konferencie odznalo 9 referátov. Dvadsiate siedme kolokvium otvorila Zuzana Popovičová Sedláčková príspevkom *Variácie zámen taký, taká, také v komunikačných súvislostiach*, v ktorom sa venovala odhaľovaniu kontextu použitia zámen a ich pragmatickým funkciám, ako aj vhodnosti výpovedí s týmito výrazmi. Slavomíra Krištofová sa v štúdiu s názvom *Teoreticky o (praktickej) komunikačnej kompetencii v edukačnom procese* sústredila na teoretické vymedzenie titulného pojmu príspevku v kontexte celoživotného vzdelávania. Autorka sa zároveň pokúsila o vlastný pohľad a interpretáciu pojmu komunikačná kompetencia. V referáte *Teoretické aspekty interpretačnej kompetencie* sa jeho autor Roman Soóky venoval fenoménu interpretácie a jeho jazykovej povahe. Príspevok sa zaoberá možnosťami teoretického uchopenia pojmu interpretačná kompetencia a zároveň sa snaží opochopenie jeho fungovania v komunikácii. Elwira Olejniczak vystúpila s referátom *Naruszenia prostoty, jasności i zwięzłości stylu w wypowiedziach uczestników rozpraw sądowych*, v ktorom sa venovala analýze materiálov z elektronických protokolov vybraných súdnych pojednávaní a zamerala sa na sledovanie príkladov porušenia komunikačného štýlu, ktoré často prispieva k narušeniu pochopenia a interpretácie správy.

V príspevku *Argument v televíznych reláciách žánru reality TV* sa Veronika Gondeková venovala analýze vybraných slovenských televíznych relácií, pričom svoju výskumnú pozornosť upriamila na identifikáciu argumentov v prehovoroch účinkujúcich a v komentároch relácií. Hanna O. Helbutovska a Ľudmyla O. Kravčenko vystúpili s referátom *Методи виявлення сугестивного впливу асоціацій в політичній рекламі*. Analyzovali v ňom politickú reklamu z novín politických strán, ktoré sa zúčastnili na komunálnych voľbách v Kyjeve v roku 2015. Natália Kolenčíková sa v príspevku s názvom *Sémanticko-pragmatické*

aspekty politických nadávok venovala analýze tradičných, ale najmä inovatívnych, individuálnych a aktuálne vytvorených nadávok používaných v predvolebne motivovaných komunikátoch na sociálnej sieti Facebook. Tomáš Godiš prezentoval referát *Die Sprache der Boulevardpresse – Emotionalisierung und Manipulierung*, v ktorom sa venoval jazyku bulvárnej tlače a podrobnejšie predstavil jeho zvláštnosti a typické jazykové prostriedky.

Prvý deň konferencie zavŕšilo predstavenie publikačných a vedeckovýskumných aktivít jednotlivých účastníkov alebo ich domovských pracovísk. Príležitosť na prezentovanie svojich pracovísk a aktivít využilo hneď niekoľko účastníkov konferencie. Hostky z Kyjevskej národnej univerzity Tarasa Ševčenka predstavili najmä Letnú školu ukrajinského jazyka a publikačné možnosti na ich domovskej univerzite. Svoje zastúpenie na konferencii mala aj Ostravská univerzita v Ostrave. Jaroslav David prezentoval z pozície člena redakčnej rady vedecký časopis *Naše řeč*. Žaneta Dvořáková z Oddělení onomastiky Ústavu pro jazyk český Akademie věd České republiky predstavila časopis *Acta Onomastica*, v ktorom je výkonnou redaktorkou. Patrik Petráš z Katedry slovenského jazyka a komunikácie Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre priblížil novú publikáciu s názvom *Mýliť sa je ľudské (ale aj strojové)*. Kniha je výstupom niekoľkých medzikatedrových projektov o strojovom preklade. Marek Janosik-Bielski z Katedry českého jazyka a literatury Fakulty přírodovědně-humanitní a pedagogické Technickej univerzity v Liberci prezentoval projekty svojho domáceho pracoviska.

Druhý deň konferencie otvorila príspevkom s názvom *Interlingválna onomaziologická komparácia z pohľadu teórie lexikálnej motivácie* Soňa Rešovská. V referáte sa venovala predstaveniu výsledkov analýzy lexikálnych jednotiek z hľadiska utvorenia, ktoré tvorí prvú fázu interlingválnej komparácie spôsobov pomenúvania v dvoch jazykoch, a to v slovenčine a angličtine, a zároveň porovnáva spôsoby pomenúvacieho procesu v týchto dvoch jazykoch na základe tzv. sémanticky ekvivalentných lexém. S príspevkom *Językowe środki wartościorowania w laudacjach* vystúpil Bartłomiej Cieśla. Autor v štúdiu analyzoval hodnotenia z materiálov vydaných pri príležitosti slávnostného udelenia čestného doktorátu alebo známych literárnych ocenení. Katarzyna Burska sa v referáte *O wartościach i wartościowaniu na stronach internetowych gospodarstw agroturystycznych* venovala analýze textov na internetových stránkach agroturistických zariadení v regióne Lodže. Autorka analyzovala jazykové aj nejazykové prvky v textoch. Príspevok s názvom *Univerzálnosť vs. relatívnosť jazykového obrazu sveta* predstavila Mária Matiová. Vo svojom referáte venovala pozornosť analýze jazykového obrazu, akcentujúc telesnú a kultúrne podmienenú skúsenostnú bázu frazém s vybraným hyperaktívnym komponentom.

Gabriela Slezáková v príspevku *Prímená obyvateľov Hrnčiarskych Zalužian v roku 1918 a dnes* venovala výskumnú pozornosť prímenám a živým rodinným menám v dvojmennej pomenúvacej sústave a zamerala sa na sledovanie vývinu prímen dospelých obyvateľov obce Hrnčiarske Zalužany. Iryna V. Meľnyk sa v referáte *Екологія українського антропонікону* snažila konkretizovať súbor príčin ortografickej nejednoznačnosti súčasných zápisov ukrajinských osobných mien v oficiálnej dokumentácii. Príspevok *Proper Names Thematisation – General Remarks on the Process* Jaroslava Davida a Jany Davidovej Glogarovej sa zameriaval na dôležité znaky tematizácie vlastných mien. Hlavným cieľom textu je skúmať úlohu tematizácie vlastných mien v žánrovo a typologicky rôznych textoch, ako aj zdôrazniť úlohu autorského subjektu v texte.

Agata Rupińska vystúpila s príspevkom *Adaptace exonym v polštině a češtině*, v ktorom sa venovala vzájomnému vzťahu poľskej a českej exonymie. Materiálovou bázou referátu boli české a poľské geografické popularizačné časopisy publikované v období komunizmu. Prezentáciu s názvom *Čínská exonyma v češtině – na příkladu cestopisu Byli jsme v zemi květů* prezentovala na konferencii Tinglin Sun, venujúca sa téme adaptácie čínskych toponým do češtiny v dobovej publicistike. Soňa Wojnarová v príspevku *Pomístní jména obsahující*

apelativa draha a dráha z pohľadu (nejen) lidové etymologie prezentovala analyzované rozdiely v interpretácii anojkoným obsahujúcich apelatíva *draha* a *dráha* na základe rôznych etymologických spôsobov výkladu. Žaneta Dvořáková sa na konferencii predstavila s príspevkom s názvom *Etymologické výklady proprií v umělecké literatuře*. Prezentovala v ňom etymologické výklady proprií z pohľadu literárnej postavy alebo rozprávača, pričom sa sústredila na situácie, v ktorých samotné postavy vysvetľujú alebo samy hľadajú pôvod analyzovaných proprií.

Marek Janosik-Bielski na kolokviu vystúpil s príspevkom *O andělech a lidech*, v ktorom sa venoval opisu jazyka vybraných štítenských zborníkov, v ktorých ich autor porovnáva stavy anjelské s ľudskými stavmi. S referátom *Konstrukt staré češtiny v historizující próze 19. a 20. století* vystúpila Tereza Klemensová. V referáte sa sústredila na konštrukt staročeského jazyka v beletrii. Kristýna Kovářová vystúpila s príspevkom *Vytváření reality prostřednictvím jazyka v prózách Eduarda Štorcha*, v ktorom analyzuje tri diela českého pedagóga, spisovateľa a archeológa E. Štorcha. Autorka sa venovala nielen jazykovým prostriedkom a autorským postupom, ale predmetom jej vedeckého záujmu sa stali aj antroponymá a toponymá.

Veronika Perovská prezentovala príspevok *Gramatické kategorie osoby a čísla a ich transpozície v historických textoch*, v ktorom sa pokúsila o opis a zdôvodnenie rôznych prípadov transpozície kategórie osoby a čísla v závislosti od komunikačnej situácie, a to na historických textoch zo 16. – 18. storočia. Mária Strýčková prezentovala príspevok s názvom *K problematice latinsko-cirkevnoslovanského glosára*. Venovala sa v ňom problematike obradovej a liturgickej terminológie späté s prostredím byzantsko-slovanskej cirkvi pod Karpatmi na prelome 18. a 19. storočia. Jana S. Viľčynska prezentovala na kolokviu príspevok s názvom *Концепт «СЕЛО» в романах Люко Дашвар*, v ktorom analyzovala koncept dediny vyjadrený prostredníctvom iných mikrokonceptov zoskupených okolo neho v románe *Село не люди*.

Tretí deň konferencie otvorila referátom s názvom *K možností zpracování predikativ v jednojazyčném slovníku* Barbora Štěpánková. Príspevok sa zameriaval na zachytenie informácie o sémantickej a syntaktickej spájateľnosti predikativ v slovníkovom hesle. Pavlína Kašpárková vystúpila s prezentáciou *Morfonologické alternace v derivaci českých a slovenských deminutiv*. V rámci nej predstavila výsledky analýzy českých a slovenských nelexikalizovaných deminutív vytvorených sufixmi. Dominika Fatulová vystúpila s príspevkom *Jazykovedná terminológia morfolologickej roviny slovenského a poľského jazyka*, v ktorom predstavila najdôležitejšie slovenské a poľské lexikografické a encyklopedické publikácie spracúvajúce jazykovednú terminológiu samostatne v slovenčine a poľštine.

Katarína Mikulcová prezentovala príspevok s názvom *Jazyk a štýl vínnych etikiet*, v ktorom analýzou a interpretáciou výskumného materiálu poukázala na špecifické aspekty spracovania tohto druhu textových komunikátov. Patrik Petráš v rámci svojho textu *Typológia chýb strojového prekladu z angličtiny do slovenčiny* predstavil najčastejšie sa vyskytujúce chyby pri strojovom preklade z angličtiny do slovenčiny. So záverečným príspevkom konferencie vystúpil člen organizačného tímu Gabriel Rožai. V príspevku *Ukrajinské rusínske nárečie obce Pača v Gemeri v komunikácii rôznych generácií* sa pokúšal zistiť, v akom rozsahu prebieha nivelizácia skúmaného nárečia enklávneho spoločenstva z hľadiska veku.

V závere kolokvia sa účastníkom v mene organizačného tímu konferencie prihovoril Mgr. Gabriel Rožai, PhD., ktorý všetkým zúčastneným poďakoval za aktívnu účasť na konferencii a podnetnú atmosféru, ktorá počas celého podujatia vládla.

К 50-летию художественно-творческой и 45-летию научной деятельности академика Мурадгелди Соегова

Айна Мурадгелдиевна Соегова

Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммеда Азади (г. Ашхабад)

msoyegov@gmail.com

Введение

Первым научным трудом моего отца – доктора филологических наук (с 1991 г.), профессора (с 1994 г.), действительного члена (академика) Академии наук Туркменистана (с 1995 г.) Мурадгелди Соегова (род. 14 января 1950 г.) следует считать его дипломную работу, выполненную по теме „Отношение языка поэмы *”Кутадгу билиг” (XI век) к современному туркменскому языку*“ под руководством профессора М. Н. Хыдырова и успешно защищенную при окончании им учебу в Туркменском государственном университете им. Максима Горького (ныне ТГУ им. Махтумкули) весной 1973 года, т. е. 45 лет тому назад. Первое его стихотворение „Школа“ было опубликовано на страницах журнала „Пионер“ более 50 лет тому назад, когда он учился еще в средней школе. Он постоянно выступал со своими статьями, стихами и рассказами на страницах периодической печати и в школьные, и студенческие годы.

Мурадгелди Соегов в 1989 году был принят членом в тогдашний Союз писателей СССР в качестве поэта, писавшего для детского круга читателей. Наряду с многочисленными литературными публикациями на страницах газет и журналов он выпустил в издательстве „Магарыф“ такие сборники своих стихов, какими являются „Запах дождя“ (1982 г.), „День смеха“ (1984 г.), „На кого я похож“ (1988 г.) и „Водяная Луна“ (1991 г.). Подборка его стихов „Весна на хвосте павлина“ вышла в декабрьском номере детского журнала „Гунеш“ („Солнышко“) за 2017 год. Наряду с отдельными прозаиками (напр., Атаджан Таган со своим „Кырк йылда язылан китап“) он, выступая на страницах периодики (газеты „Эдебият ве сунгат“, „Мугаллымлар гадеты“, журнал „Дияр“), старается внедрить в литературу новый жанр „мини-проза“ („миниатюры“). По его мнению, это – нанотехнология в художественной литературе. С мини-прозой, посвященной творчеству поэта-кумира своей молодости Курбанназара Эзизова, он выступил недавно на страницах четвертого номера журнала „Dünýä edebiýaty“ („Мировая литература“) за текущий 2018 год. Раньше он показал себя также как переводчик стихотворных произведений и литературный критик. Он – автор солидных работ по фольклористике и литературоведению.

Списки его научных работ, опубликованных в период с 1974 по 2015 гг., были включены в изданные его книги в качестве приложений (Пекташ, 2013; Туваков, 2015а; Арназаров, 2016а) и одновременно обнародованы на страницах э-журнала „Язык и культура“ в виде отдельных статей тех же авторов: З. Пекташа (2014а, 2014b), М. Тувакова (2015b) и С. Арназарова (2016b). Лишь статья Дж. Амансейидова (2017) не вошла в изданные книги академика. Начало научно-биобиблиографических изданий о Мурадгелди Соегове непосредственно в бумажном исполнении было заложено в 2009 году отдельной книжкой в объеме 80 страниц, выпущенной в связи с его 60-летием (Академик, 2009). Эта работа нашла свое продолжение в 2015 г. (Академику, 2015) и 2017 г. (Арназаров – Амансейидов, 2017).

Выполненные ранее работы в значительной степени облегчили нашу задачу. Поэтому мы ограничились изложением перечня работ туркменского академика, которые

издавались в течение 2017 г. и отчасти в 2018 г. в более чем сорока городах разных стран мира и на пяти разных языках (две из них, т. е. статьи на азербайджанском и французском языках – переводные). Как видно из следующего раздела нашей статьи в итоге получается солидный список с общей нумерацией, состоящий из 85 названий опубликованных его работ, в том числе 3 книги, одна из которых на турецком языке и в соавторстве.

РАБОТЫ МУРАДГЕЛДИ СОЕГОВА, ИЗДАННЫЕ В 2017–2018 ГГ.

(список неполный)

1. Ашхабад (Туркменистан)

1. Göroglyny dilinde dessan eden bagşy. In: *Diýar*, 2017, No. 2. С. 38–39.
2. Kinniwanja kyssalar. In: *Diýar*, 2017, No. 5. С. 35.
3. Az bolmaly, uz bolmaly. In: *Edebiyat we sungat*, 2017, 24 marta, No.12 (4127).
4. Halkyň hakydasyndaky halypalar. In: *Mugallymlar gazetini*, 2017, 31 mart, No. 39 (9273).
5. Goşgular çemeni–Tawusyň guýrugyndaky bahar: Bilbil, bil. Gögerçin. Gyzylinjik. Jokjoky bilen jikjiki. Iki garga. Geçiguş. Düýeguş. Tawusyň guýrugy. In: *Güneş*, 2017, No. 12. С. 6–7.
6. Şahyr we şygır hakynda gysgajyk kyssalar. In: *Dünyä edebiýaty*, 2018, No 4. С. 166–169.

2. Ташкент (Республика Узбекистан)

7. Alabahar. In: *Adullaýewa G., Hallyýew K. Harplyk*. 1-nji synp üçin okuw kitaby. Daşkent, 2017. С. 75–76.

3. Анкара (Турецкая Республика)

8. *Örnekli Türkmençe Gramer: Türkmençe Öğrenenler İçin*. Ankara/Aşkabat: Kurgan Edebiyat, 2017. 112 sayfa (Seyitnazar Arnazarov ile ortak yazar olarak).
9. Edebi Kişiliği Bağımsızlık Döneminde Gün Işığına Çıkarılan Kimi Türkmen Yazar ve Bilginler (veya Mayıs 1930'da Çekilen Seyrek Bir Fotoğrafın Öyküsü) . In: *Eurasian Academy of Sciences. Eurasian Studies/Avrasya Çalışmaları*. (Klosterneuburg-Austria), 2017. Volume: 6. S. 46–65 [Электронный ресурс] URL: <http://dx.doi.org/10.17740/eas.eus.2017-V6-04> (Дата обращения: 08.04.2017).
10. Türkmençe Dilbilim Çalışmaları. In: *Türk Dilbiliminde Tanımlama ve Belgeleme V: Uluslararası Türkmençe Araştırmaları*. Bildiri Özetleri. Ankara, 2017. Sayfa: 27–28.
11. Azeri Doğubilimci ve Ruslar İçin 1904'te Aşkabat'ta Bastırıldığı Türkmençe Ders Kitabı Yeni. In: *Türkiye 99 Türk Dili Özel Sayısı I. Ocak – Şubat Yıl 24 Sayı 99*. Ankara, 2018. S. 690–692.

4. Невшехир (Турецкая Республика)

12. Question About Historicism of Epic Folklore (Along the Ancient Silk Road). In: *I. Uluslararası İpekyolu Akademik Çalışmalar Sempozyumu* (Nevşehir, 21-22-23 Eylül 2017). Sempozyum Özet Kitabı. Nevşehir, 2017, Sayfa: 405.

5. Баку (Республика Азербайджан)

13. 1916–1917-ci illərdə Avstriya-Macaristan düşərgələrində hərbi əsirlər və onların oxuduqları xalq mahnıları. In: *Türk folkloru dünya alimlərinin gözü ilə*. Bakı: „Elm və təhsil“ nəşriyyatı, 2016 (2017) . S. 224–238 (перевела с русского языка Qumru Şehriyar).
14. О событиях, развернувшихся в связи с изданием в 1951 году героического эпоса, и их участниках. In: *Epos və etnos. Beynəlxalq Elmi Konfransın materialları* (06-07 noyabr 2015-ci il). Bakı, 2016 (2017). С. 229–238.

6. Астана (Республика Казахстан)

15. Как в 1925 году российские академики-востоковеды рекомендовали ученого из Турции в члены-корреспонденты РАН. In: *Материалы II форума гуманитарных наук «Великая Степь»*. [В 2-х томах. Том 2]. Астана, 2017. С. 476–484.

7. Алматы (Республика Казахстан)

16. Повышение роли и значения языка местного населения в Закаспийской (Туркменской) области в десятилетия XX века. In: *Материалы международной научной конференции*

«Язык и общество», посвященной 95-летию профессора А.Е. Карлинского. 25 апреля 2018 года. Алматы, 2018. С. 178–185.

17. Сыны казахов – уроженцы Туркменистана. In: *Айқап. Международный общественно-политический, научный и литературно-художественный журнал Казахского национального университета им. аль-Фараби*, № 3 (109). Алматы, 2018. С. 76–85.

8. Уст-Каменогорск (Республика Казахстан)

18. Британские участники событий 1918 года о членах первого туркменского правительства. In: *Вестник Казахстанско-Американского Свободного Университета. Выпуск 2. Общие проблемы филологии*. Уст-Каменогорск, 2017. С. 83–89.

19. Еще раз об одном из туркменских руководителей, упомянутых в телеграмме т. Нодева т. Ежову от 18.09.1937 (была отправлена т. Сталину на резолюцию). In: *Вестник Казахстанско-Американского Свободного Университета. Выпуск 2. Общие вопросы филологии*. Усть-Каменогорск, 2018. С. 143–149.

9. Москва (Российская Федерация - РФ)

20. Древний Туран глазами лингвиста-тюрколога. In: *Древний мир: история и археология. Труды Международной научной конференции «Дьяковские чтения» кафедры истории древнего мира и средних веков им. проф. В.Ф. Семенова МПГУ 3 декабря 2016 года*. Москва, 2017. С. 65–71. (Электронное издание)

21. Большие древнетюркские письменные памятники (VIII в.) в свете современных достижений лингвистики текста. In: *Текст в культурном, историческом, языковом пространстве*. Материалы Международной заочной научно-практической конференции. 19 марта 2017 года. Москва: МФЮА, 2017. С. 152–158.

22. Надпись о Кёль-Тегине как историко-литературное произведение (на примере русского перевода памятника). In: *Историческая мозаика Евразии*. [Сборник статей к 70-летию Д.Д. Васильева]. Москва: «Пробел-2000». 2017. С. 229–232.

23. Весна 1930 года: русские писатели о туркменах и их стране (или под первыми впечатлениями экзотики). In: *XII Конгресс антропологов и этнологов России*. Сборник материалов (3–6 июля 2017 г.). Москва–Ижевск, 2017. С. 411.

10. Казань (Республика Татарстан/РФ)

24. Некоторые заметки о древней тюрках и тенгризме – солнцепоклонничестве. In: *Актуальные проблемы современной татарской филологии*. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Казань, 2016 (2017). С. 18–22.

25. О двух участниках в организации кружка и общества по изучению Востока в Баку в 1919 году. In: *Традиционная культура тюркских народов в изменяющемся мире*. Материалы I Международной научной конференции. 12–15 апреля 2017 года. Казань, 2017. С. 418–420. См. еще: Та же статья. В кн.: *Ulu öndärin anadan olmasına häsr olunmuş „Ulu öndär Heydər Əliyev irsində multikultural və tolerant dəyərlər” Beynəlxalq Elmi Konfransın materialları: 3-5 may 2016-cı il /red. hey.: K.M.Abdullayev [və b.].–Bakı: [Mütərcim], 2016.*

26. Новый перевод китайского текста из памятника Кёль-тигину: сравнительный подход. In: *Россия–Китай: история и культура*. [Сборник статей и докладов участников X международной научно-практической конференции]. Казань, 2017. С. 546–551.

11. Уфа (Республика Башкортостан/РФ)

27. Взгляд на недавнюю историю казахов-уроженцев Туркменистана через судьбы их представителей. In: *Люди, культуры, пространство: социокультурная динамика мира Евразии*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Уфа, 2016 (2017). С. 348–356.

28. За что подвергались к губительной критике два поэта в 1931 году (или как начались репрессии против национальной интеллигенции). In: *Актуальные вопросы филологии*

народов России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. С. 418–426.

29. Заслуги выпускников медресе «Галия» в развитии туркменской науки и культуры. In: *Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века*. Материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию медресе «Галия». 9–10 ноября 2016 года. Уфа, 2016. С. 417–425.

30. О тюркских словах в древних иноязычных текстах. In: *О вечном и преходящем*. Сборник научных статей. [Вып. 7]. Отв. ред. Р.Х. Лукманова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016 (2017). С. 8–11.

31. Воспоминания А.-З. Валиди-Тогана о туркменских единомышленниках. In: *Проблемы востоковедения*, № 2 (76). Уфа, 2017. С. 62–66.

32. Человекоподобные интеллекты: ужасные дэви и прекрасные пери (или о чем не написала госпожа Динна Дж. Конвей. In: *Философия в современном мире*. Сборник научных статей. [В 3-х томах. Том 2]. Уфа, 2017. С. 150–161.

33. История одной женитьбы и связанные с ней события по китайскому, иранскому и среднеазиатскому источникам. In: *Modern History: партийно-политическая, духовная история и общественные движения в странах Запада и Востока*. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. С. 225–232 (Э-издание).

34. Из истории изучения языка туркмен, компактно проживающих вне современного Туркменистана (в России и других странах мира). In: *Актуальные проблемы диалектологии языков народов России*. Материалы XVII Всероссийской научной конференции. 1-2 июня 2017 года. — Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. С. 250–253.

35. О знаменитом шейхе и построенном им медресе. In: *Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века*. Материалы X Международной конференции. Уфа, 2017. С. 148–151.

36. Об одной докладной записке от августа 1919 года, обнародованной по интернету и нуждающейся в бумажном тиражировании. In: *Человек. Общество. Образование*. Материалы Международной научно-практической конференции. Уфа: НИЦ «НИКА», 2018. С. 10–24.

37. Об этнографических сведениях, содержащихся в сочинениях русских писателей, путешествовавших по Туркменистану в 1930 году. In: *Оазисы Шелкового пути. Современные проблемы этнографии, истории и источниковедения Центральной Азии*. Уфа: Исламская книга, 2018. С. 568–573.

12. Ижевск (Республика Удмуртия/РФ)

38. Венгерский путешественник и русский дипломат об авторах туркменских народных песен. In: *Полиэтнический мир Евразии: проблемы взаимовосприятия*. [Сборник статей]. Ижевск, (2016) 2017. С. 488–394.

39. Как три российских академика в 1925 году характеризовали одного турецкого профессора (на фоне связанных с этим событий). In: *Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология*. [Том 27, вып. 2]. Ижевск, 2017. С. 322–326.

40. О туркменских изданиях и издателях огузского народного эпоса «Книга моего деда Коркуда». In: *Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология*. Том 27, вып. 3. Ижевск, 2017. С. 408–417. См. еще: Тот же автор. About Turkmen Editions and Publishers of the Oguz Heroic Epos „Book of my Grandfather Korkut”/Oğuzların Kahramanlık „Kitabı Dedem Korkut” Destanının Türkmençe Baskıları ve Yayımcıları. In: *Eurasian Academy of Sciences Eurasian Studies/Avrasya Çalışmaları* (Klosterneuburg-Austria), 2017, Volume:7 S: 22–36 [Электронный ресурс] URL: <http://eurasian.eurasianacademy.org/dergi//oguzlarin-kahramanlik-kitabi-dedem-korkut-destaninin-turkmençe-baskilari-ve-yayimcilari> 201708.pdf (Дата обращения: 15.11.2017).

13. Абакан (Республика Хакасия/РФ)

41. Туркменский тэзка знаменитого героя Льва Толстого – Хаджи-Мурат (и его современники в водовороте социальных потрясений своей эпохи). In: *Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий*. Материалы Четвертой Международной научной конференции, посвященной 155-летию со дня рождения хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда, профессора Императорского Казанского университета Николая Федоровича Катанова. 27–29 сентября 2017 года. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2017. С. 271–274.

42. Словесный образ волка (гурт/бёри/мёджек) в древнем и современном туркменском фольклоре // Научное обозрение Саяно-Алтая, № 2 (18). Абакан, 2017. С. 70–74.

43. Об этимологии и правописании личных имён и прозвищ некоторых туркменских правителей Средневековья. In: *Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова*, № 16. Абакан, 2016 (2017). С. 144–146.

44. Еще раз о правителях-бозуках и им подвластных-учоках (по „Книге шахской славы” Хафис-и Таныш Бухари и другим „Огузнаме”). In: *Научное обозрение Саяно-Алтая*, № 2 (22). Абакан, 2018. С. 80–85.

14. Якутск (Республика Саха–Якутия)/РФ)

45. Существовали ли у туркменских сказочных персонажей древнейшие доисторические прототипы? In: *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия „Эпосоведение”*, № 4. Якутск (Республика Саха (Якутия)/РФ), 2016. С. 40–46 [Электронный ресурс]. URL: <http://epossvfu.ru/wp-content/uploads/2016/12/Соегов-М-40-46.pdf> (дата обращения 30.12.2016).

46. Из истории перевода эпосов о „Гёр-оглы” и „Эдиге” на английский и другие европейские языки. In: *Эпическое наследие народов мира: традиции и этническая специфика*. Сборник тезисов по материалам Международной научной конференции. 6–8 июля 2017 года. Якутск 2017. С. 138–139.

15. Чебоксары (Чувашская Республика/РФ)

47. Из истории начального периода сотрудничества государственных органов образования независимых Туркменистана и Российской Федерации (из личного опыта). In: *Этнопедагогика как фактор сохранения российской идентичности*. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения академика Г. Н. Волкова. 22–24 июня 2017 года. Чебоксары, 2017. С. 480–482;

48. Один из первых ученых-преподавателей Туркменского государственного университета: профессор по кафедре «Туркменский язык» М.Н. Хыдыров. In: *Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии* (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова). Сборник статей. [В 2 т. Т. 1]. Чебоксары, 2017. С. 110–113.

16. Горно-Алтайск (Республика Алтай/РФ)

49. Туркменские багши-сказители – исполнители ролей в театре одного актера. In: *Актуальные проблемы алтайской драматургии в XXI веке: к 120-летию Павла Кучияка*. Материалы Региональной научно-практической конференции. 9–13 мая 2017 года. Под ред. М.С. Дединой. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2017. С. 63–68.

17. Йошкар-Ола (Республика Марий Эл/РФ)

50. О работах в области туркменского языка, выполненных в XX веке представителями разных народов. In: *Проблемы марийской и сравнительной филологии*. Сборник статей. Йошкар-Ола. 2017. С. 53–57.

18. Грозный (Чеченская Республика/РФ)

51. Туркменские гуманитарии начала XX века: писатель-просветитель и его единомышленники. In: *Гуманитарное знание и духовная безопасность*. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, г. Грозный, 1–3 декабря 2017 года. Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ (ИП Овчинников), 2017. С. 502–506.

52. Первый новометодный туркменский букварь, изданный в 1913 т 1914 г.г. в Баку и Ашхабаде (о его составителе, редакторе и рецензентах). In: *Учитель создает нацию (А-Х.А. Кадыров)*. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции (г. Грозный, 25 ноября 2017 года). Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2017. С. 242–249.

19. Севастополь (Республика Крым/РФ)

53. О структурной идентичности имен (прозвищ) раннесредневекового Коркута (Горкуз «страши их») и древнего Заратуштры (Йараштурай «помири нас всех»)/ In: *Миф: История, политика, культура*. Сборник материалов I Всероссийской научной междисциплинарной конференции с международным участием (ноябрь 2017 г.). Севастополь, 2018. С. 373–377 (Электронное издание).

54. О личных именах, связанных с мифами (из вводной части исследований по туркменской антропимии средневекового мусульманского Востока). In: *Миф в истории, политике, культуре*. Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции. Севастополь, 2018. С. 325–330 (Электронное издание).

20. Улан-Удэ (Республика Бурятия/РФ)

55. О женах Огуз-хана, их сыновьях и отдельно о Гёк-хане. In: *Вестник Бурятского государственного университета. № 2. Филология. Том 1*. Улан-Удэ, 2018. С. 79–83.

56. Об общем древнем лексическом пласте, существующем в современных бурятском и туркменском языках (междисциплинарный подход). In: *Вестник Бурятского государственного университета. № 2. Филология. Том 3*. Улан-Удэ, 2018. С. 3–10.

21. Петрозаводск (Республики Карелия/РФ)

57. Нейтральный Туркменистан и граничащая с ним по морю Астраханская область РФ: некоторые аспекты культурно-гуманитарного и экономического сотрудничества. In: *Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов*. Материалы V научно-практической конференции с международным участием. 8 июня 2018 года. Петрозаводск, 2018. С. 241–245.

22. Нальчик (Республика Кабардино-Балкария/РФ)

58. Монгольско-туркменский лексикон на фоне выдвигаемых автором гипотез (к 120-летию со дня рождения Николаса Поппе и 80-летию издания его монголоведческих книг). In: *Язык: история и современность*. Электронный научный, образовательный, культурно-просветительский журнал Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. 2017, № 1. С. 60–77 [Электронный ресурс] URL: http://em.kbsu.ru/doc/n1_2017_1/Soyegov_M.pdf (Дата обращения: 18.03.2017).

59. Туркмены и их страна глазами русских писателей весной 1930 года. In: *Проблемы современной кавказской и тюркской филологии и этнографии*. Сборник научных статей. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. С. 188–198.

60. Из опыта составления толкового словаря тенгрианства (на материале туркменского языка). In: *Язык: история и современность*. Электронный научный, образовательный, культурно-просветительский журнал Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. 2017, № 3. С. 72–93 [Электронный ресурс] URL: http://em.kbsu.ru/doc/n3_2017_3/SoyegovM.pdf (Дата обращения: 04.11.2017).

61. На стыке тюркологии и иранистики в доисторической ностратике (или предварительно-вводные замечания по туристике как новой отрасли гуманитарных наук). In: *Язык: история и современность*. Электронный научный, образовательный, культурно-просветительский журнал Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. 2018, № 2. [Электронный ресурс] URL: http://em.kbsu.ru/doc/n2_2018/Soyegov.pdf (дата обращения: 14.09.2018).

23. Магас (Республика Ингушетия/РФ)

62. О необходимости тиражирования в бумажном исполнении обнародованных по интернету документов эпистолярного жанра. In: *Материалы Международной научно-практической конференции «Роль и значение архивов и архивных документов в сохранении исторической памяти народов России и Кавказа»*. Магас, 2018. С. 362–370

24. Хабаровск (Российская Федерация)

63. Из Солнечной страны в страну Восходящего Солнца и обратно: некоторые вопросы истории и реалии современности. In: *Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ»*, Том 8. № 1(2). Хабаровск, 2017. С. 9–26 (Материалы VII Международной конференции «Актуальные проблемы востоковедения») [Электронный ресурс] URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2017/TGU_8_71.pdf (Дата обращения: 17.04.2017).

64. Из Ашхабада в Москву через Хабаровск: дети ГУЛАГа в воспоминаниях и фотографиях (блуждая по сайтам в Интернете). In: *Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ»*, Том 8, № 1 (2). Хабаровск, 2017. С. 27–37 (Материалы VII Международной конференции «Актуальные проблемы востоковедения») [Электронный ресурс] URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2017/TGU_8_72.pdf (Дата обращения: 17.04.2017).

65. Жертвы „Большого террора”: от Председателя Правительства до безграмотных крестьян (или о туркменах, прах которых покоится в землях двух областей России). In: *Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ»*, Том 8. № 4. Хабаровск, 2017. С. 177–186 [Электронный ресурс] URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2017/TGU_8_285.pdf (Дата обращения: 25.12.2017).

66. Новый перевод китайского текста из памятника Кёль-тигину: сравнительный подход. In: *Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ»*, Том 9. № 2. Хабаровск, 2018. С. 684–689 [Электронный ресурс] URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2018/TGU_9_2_223.pdf (Дата обращения: 10.06.2018).

67. В поисках следов древнего языкового родства через призму сказок туркменского и японского народов. In: *Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ»*, Том 9. № 2. Хабаровск, 2018. С. 901–908 [Электронный ресурс] URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2018/TGU_9_2_254.pdf (Дата обращения: 15.06.2018).

25. Иркутск (Российская Федерация)

68. Мангышлакские туркмены в начале прошлого века глазами этнографа-немца и через призму последующих событий. In: *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»*. Том 19. Иркутск, 2017. С. 184–194.

26. Екатеринбург (Российская Федерация)

69. О денежных купюрах Закаспийского Временного Правительства (на фоне кредитных обстоятельств Великобритании в 1919 году). In: *Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (XXI всероссийские историко-педагогические чтения) по проблеме «Великая Российская революция: достижения и проблемы научного познания и преподавания»* (22–24 марта 2017 г.). Екатеринбург, 2017. С. 24–36 [Электронный ресурс] URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/1792/3.pdf> (дата обращения: 28.02.2018).

70. Какую ответственность в деле развития туркменского языка нес ответственный (первый) секретарь ЦК КП(б) Туркменистана в 1928 году? In: *Документ. Архив. История. Современность*. Сб. науч. тр. /гл. редактор Л. Н. Мазур; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Вып. 18. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 143–150.

27. Тамбов (Российская Федерация)

71. Кого соизволил принять Его Величество Государь Император России 24 мая 1881 года ровно в один час пополудни. In: *Неофилология*. [Том 3. № 3 (11)]. Тамбов, 2017. С. 75–82.

28. Красноярск (Российская Федерация)

72. С Крайнего Юга на Крайний Север (или о туркмене нетрадиционной политической ориентации)/ In: *Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири*. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 125-летию со дня рождения учёного и общественного деятеля Николая Константиновича Ауэрбаха (1892–1930). 27-30 сентября 2017 г. Красноярск, 2017. С. 299–303.

29. Барнаул (Российская Федерация)

73. Востоковед Л.А. Зимин и его перевод сочинения неизвестного автора о действиях Омар-Шейха, сына Тамерлана. In: *Вестник Алтайского государственного педагогического университета*, № 1 (30). Барнаул, 2017. С. 61–70.

30. Омск (Российская Федерация)

74. К этимологии личных имен и прозвищ некоторых правителей древности и Средневековья в связи с правописанием их на русском языке (на кириллице). In: *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск: Издательский дом «Наука», 2017. С. 560–564.

31. Магнитогорск (Российская Федерация)

75. Об истоках фольклорного образа старух-злодеек на фоне истории туркменских бахши-сказителей. In: *Libri Magistri. Вып. 3. Филология в XXI веке*. Магнитогорск, 2017. С. 90–102.

32. Калуга (Российская Федерация)

76. Достойные противники: генерал М.Д. Скобелев и Овезмурат Дыкма-сердар. In: *Вестник Калужского университета*, № 4. Калуга, 2017. С. 38–43.

33. Орел (Российская Федерация)

77. Ногайский драматург и его туркменский переводчик (об искалеченных судьбах и опороченных достоинствах). In: *Ученые записки Орловского государственного университета*. № 3 (76). Орел, 2017. С. 155–159.

34. Курган (Российская Федерация)

78. Вести с той стороны Закаспийского фронта в 1918 году: Командующий Ораз-сердар и его сподвижники. In: *Революция 1917 года и Гражданская война: региональные измерения общероссийских процессов*. Материалы всероссийского круглого стола, посвященного 100-летию Великой Российской Революции и 95-летию окончания Гражданской войны (7 декабря 2017 г.). Курган, 2017. С. 70–77.

35. Пермь (Российская Федерация)

79. Об авторе и издателе первой нотной записи туркменской народной музыки в 1818 г. In: *Вестник Музея Археологии и Этнографии Пермского Предуралья*. Электронный научный журнал. Выпуск № 7. Пермь, 2017. С. 111–113.

36. Ростов-на-Дону – Таганрог (Российская Федерация)

80. Аль-Бируни о солнцепоклонничестве, представителями которого он называет и токуз-огузов (Историко-лингвистическое исследование). In: *Единство в многообразии: наука и социальная практика в фокусе междисциплинарности*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции – Ростов-на-Дону – Таганрог, 2018. С. 212–218.

37. Псков (Российская Федерация)

81. О высочайшем приёме от 24 мая 1881 г. для «главного начальника всех текинских вооружённых сил, выставленных против русских войск». In: *Псковский военно-исторический вестник. Научный альманах. Выпуск 4*. Псков, 2018. С. 116–120.

38. Париж (Французская Республика)

82. Les écrivains djadides turkmènes A. Kulmuhammedov et O. Vepaev sur eux-mêmes et sur leur époque. In: *Slovo. Le discours autobiographique à l'épreuve des pouvoirs Europe–Russie–*

Eurasie, 47. Paris, 2016 (2017). P. 255–270 (перевел с русского языка Vincent Fourniau). URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01502370/document> (Дата обращения: 05.04.2017).

39. Ереван (Республика Армения)

83. Как появились записи на армянском языке на первых туркменских денежных купюрах 1919 года. In: *Страны и народы Ближнего и Среднего Востока*. XXXI. Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2018. С. 98–107.

40. Прешов (Словацкая Республика)

84. Сюжет о женитьбе шаньюя Модэ/Огуз-хана (по сочинениям китайца Сыма Цяня, иранца Рашид-ад-Дина и хивинца Абу-л-Гази). In: *Язык и культура*. Научный интернет журнал Центра исследования лингвокультурологии и переводоведения Философского факультета Прешовского университета. № 31–32. Прешов, 2017. С. 161–168 [Электронный ресурс] URL: http://www.ff.unipo.sk/jak/31_32_2017/Muratgeldi_Soegov_studia.pdf (дата обращения 25.12.2017).

41. Саарбрюккен (ФРГ)

85. *Междисциплинарные параметры вокруг филологического ядра: Лингвистический центризм*. Саарбрюккен: Международный издательский дом Palmarium Academic Publishing, 2017. 217 с.

85. *Этнокультурное измерение: События и лица: Накопленное и пережитое*. Саарбрюккен: Международный издательский дом Palmarium Academic Publishing, 2018. 212 с.

Некоторые выводы и заключение

Академик Мурадгелди Соегов – выдающийся современный туркменский филолог-энциклопедист, ученик профессора М. Н. Хыдырова по университету и академика Б. Ч. Чарыярова по академии наук (АН), работая в 1991–1996 гг. директором вновь образованного в структуре АН Туркменистана нового лингвистического подразделения – Института языкознания им. Х. Байлиева и одновременно занимая пост первого заместителя министра образования Туркменистана, стал наиболее влиятельной фигурой туркменской филологической науки в начальный период ее независимого развития как в теорическом, так и практическом направлении.

Мурадгелди Соегов по своему базовому университетскому образованию, как записано в его дипломе о высшем образовании, выданный в 1973 году с отличием, – „Филолог. Преподаватель туркменского языка и литературы”. Его кандидатская и докторская диссертации были посвящены актуальным вопросам тюркского языкознания. В последующем постепенно образовались взаимосвязанные главные сегменты в его исследовательской деятельности, характеризующие его не только как лингвиста-тюрколога, но и филолога-культуролога. В последующем в его деятельности стали формироваться ряд других важных научных направлений (этнолингвистика, архелингвистика, религиоведение, эпосоведение и др.). Имеются также ряд сегментов в его деятельности (поэтическое творчество, литературная критика, художественные переводы и др.), которые выходят за рамки традиционных областей научных знаний.

Как благодаря обширности его познаний, так и благодаря проницательности, так и тонкости критического ума, труды Мурадгелди Соегова исключительны по своей фундаментальности и разнообразию. По убеждению всех тех, кто знаком с его трудами, никто из ученых-гуманитариев пока не может в Туркменистане подняться на то место научных высот, где находится сейчас Мурадгелди Соегов. Я могу еще засвидетельствовать, что по честности, беспристрастию и мужеству человек в нем занимает место на той же высоте, что и ученый. Он никогда не поддавался, хотя является не только ученым, но еще и писателем, соблазнам появившегося в последние десятилетия фолк-хистори (англ. folk history), которое как-бы обеспечивает быструю и небывалую

ранее популярность любого автора среди широкого круга читателей-обывателей, и всегда оставался приверженцем строго научного подхода к фактам истории, не пренебрегав при этом более продуктивным методам проведения новейших исследований. Как результат своего многолетнего и разностороннего труда недавно академик оформил основы нового отрасля гуманитарных наук под названием „туриристика”, который состоит из первых частей древних топонимов Туран (современная Туранская низменность) и Иран. Туриристика призвана заниматься вопросами выявления лингвистического ядра доисторической ностратики, обоснованной в свое время В. М. Илличем-Свитычем.

В настоящее время вне Туркменистана результатами исследований туркменского академика успешно пользуются в своих работах не только ученые Азербайджана (Qetibe Guliyeva, Ali Şamil), Казахстана (Эльмира Абукамалова, Нұрсұлу Мәтбек), Узбекистана (Бабахан Шариф, Машариф Сафаров), Таджикистана (Джамшед Джурабаев, Сайфулло Муллоджанов), Украины (Леонід Козинський, Ирина Дрыга), Республик Российской Федерации (М. Б. Кетенчиев, Н. Х. Суюнова, Г. М. Оразаев, Л. В. Федорова) и других стран ближнего зарубежья, но и ученые Турции (Burak Anılır, Günay Güner), Ирака (Аль-Фоади Рахим Али, Аль-Кадими Махмуд Гази Чаллюб), Франции (Vincent Fourniau), США (Victoria Clement) и некоторых других стран дальнего зарубежья. Изучение отдельных работ Мурадгелди Соегова предусмотрено в программах ряда зарубежных университетов, путем включения их в список обязательных или дополнительных литератур. Они включены также в программы обязательных теоретических курсов для аспирантов-филологов.

С начала 2018 года академик Мурадгелди Соегов официально нигде не работает и является как-бы вольным исследователем. Его считают своим неизменным научным консультантом многие сотрудники Национального института рукописей Академии наук, где от трудился в течение последних пятнадцати лет.

Мое слово о своем отце-академике вопреки всем ожиданиям, к сожалению, получилось суровым деловым, нежели душевно-сентиментальным. Но все-таки в конце хочется полностью отключиться от научного официоза и выразить несколько личное, семейное, сердечное. Возвращаясь к началу статьи, хочу отметить, что тот далекий 1973 год стал знаменательным для Мурадгелди Соегова не только получением им высшего образования и «красного» диплома. В том же году его бывшая одноклассница Нязик Дерманова, ставшая затем его женой, – моя мать родила ему старшую дочь, то есть будущего автора настоящих строк. В конце текущего года он (мой отец) вместе со своей женой (моей матерью) обязательно поздравит меня с днем рождения, вручив, как всегда, оригинальный и ценный подарок, тогда и я вместе со своей матерью (его женой), младшей сестрой Дунией и братом Эзизом (его детьми), а также при участии шестерых его внуков, буду сердечно поздравлять отца-академика с той же датой – 45-летней годовщиной начала его научной деятельности, получившей международное признание. Он получит такие же теплые поздравления от всех участников семейного торжества.

Литература:

- ПЕКТАШ, З. (2009): Колодец, вырытый иголкой, или золотой слиток. In: *Академик Мурадгелди Соегов. К 60-летию со дня рождения*. Ашхабад: Международный туркмено-турецкий университет, б.и., с. 4–19.
- АКАДЕМИКУ (2015) Мурадгелди Соегову – 65 лет. Биобиблиографическое издание. Ашхабад: Международный туркмено-турецкий университет, б.и., с. 36.
- АМАНСЕЙИДОВ, Дж. (2017): Новые страницы к биобиблиографии академика Мурадгелди Соегова: 2016 год. In: *Язык и культура*, № 29-30, с. 182–193. [Цитировано: 2018.10.09]. Доступно на: http://www.ff.unipo.sk/jak/2930_2017/Dzumamammed_Amansejidov_sprava.pdf

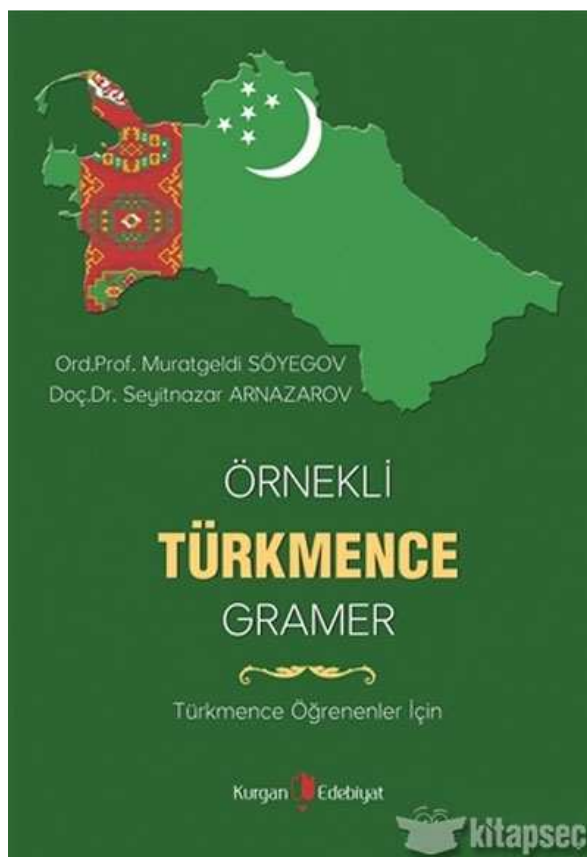
- АРНАЗАРОВ, С. – АМАНСЕЙИДОВ, Дж. (2017): *Наш наставник и сослуживец*. Ашхабад: Международный туркмено-турецкий университет, б.и., с. 28.
- АРНАЗАРОВ, С. (2016a): С Ашхабада в Казань, Уфу, Якутск и Горно-Алтайск через Анкару, Софию, Киев и Астану (к материалам для биобиблиографии академика Мурадгелди Соегова, опубликованным в 2010–2015 гг.). In: *Соегов М. Вопросы этнокультурной истории народов Туранской низменности: от предположений к закономерностям*. Саарбрюккен: Международный издательский дом Palmarium Academic Publishing, с. 114–132.
- АРНАЗАРОВ, С. (2016b): С Ашхабада в Казань, Уфу, Якутск и Горно-Алтайск через Анкару, Софию, Киев и Астану (к материалам для биобиблиографии академика Мурадгелди Соегова, опубликованным в 2010–2015 гг.). In: *Язык и культура*, № 25-26, с. 161–173. [цитировано 2018–11–09]. Доступно на: http://www.ff.unipo.sk/jak/25-26_2016/Seyitnazar%20Arnazarov_%20sprava.pdf
- ПЕКТАШ, З. (2013): Академик Академии наук Туркменистана, профессор Мурадгелди Соегов (кратко об авторе книги). In: *Соегов М.: Литература и филология, приближая народы, укрепляют их толерантность*. Саарбрюккен: Международный издательский дом Palmarium Academic Publishing, с. 243–257.
- ПЕКТАШ, З. (2014a): Из опыта обработки материалов к биобиблиографии лингвистов-тюркологов и филологов-культурологов (на примере трудов академика Мурадгелди Соегова). Статья первая. In: *Язык и культура*, № 17–18. [цитировано 2018–12–09]. Доступно на: http://www.ff.unipo.sk/jak/17-18_2014/pektas.pdf
- ПЕКТАШ, З. (2014b): Из опыта обработки материалов к биобиблиографии лингвистов-тюркологов и филологов-культурологов (на примере трудов академика Мурадгелди Соегова). Статья вторая. In: *Язык и культура*. № 17–18, 2014. [цитировано 2018–14–09]. Доступно на: http://www.ff.unipo.sk/jak/1718_2014/pektas1.pdf
- ТУВАКОВ, М. (2015a): Востребованность добротных разработок со стороны научной общественности разных стран (о работах академика Мурадгелди Соегова, изданных в 2014 году). In: *Соегов М. Язык во внеязыковых ракурсах: обобщения и раздумья на будущее. Статьи, зарисовки, этюды*. Саарбрюккен: Международный издательский дом Palmarium Academic Publishing, с. 130–145.
- ТУВАКОВ, М. (2015b): Востребованность добротных разработок со стороны научной общественности разных стран (о работах академика Мурадгелди Соегова, изданных в 2014 году). In: *Язык и культура*, № 21–22, с. 121–131. [цитировано 2018–08–09]. Доступно на: http://www.ff.unipo.sk/jak/21-22_2015/Tuvakov_štúdia.pdf

Академик Мурадгелди Соегов выступает по каналу «Miras» («Наследие») Туркменского государственного телевидения (март 2018 г.)

Академик Мурадгелди Соегов (в центре, четвертый справа) среди ученых-коллег из Афганистана, Германии, США и Турции в дни Международного семинара по туркменскому языку (г. Анкара, октябрь 2017 г.)

Обложка учебного пособия Мурадгелди Соегова, изданного в 2017 году в Анкаре на турецком языке под названием «Туркменская грамматика с иллюстрациями» (соавтор С. Арназаров). Фотография заимствована из турецкого рекламного сайта.